

НАТАЛЬЯ
КУРТАКОВА

ПЕПЕЛ и ПРАХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Куртакова

Пепел и Прах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72853527

SelfPub; 2026

Аннотация

Их путь продолжается. Цена – возрастает.

Они заплатили за выживание кровью и проклятиями. Их жертвы были лишь началом расплаты.

Война, которую они начали, выходит на новый виток. Огонь в крови одного грозит спалить самих союзников. Тайны, выжженные на костях другой, ведут напрямик в сердце тьмы. Воин, что был орудием тирана, пытается стать щитом для беззащитных. А продавший душу за власть пытается переиграть судьбу, которую сам и соткал.

Во втором томе мрачной фэнтези-эпопеи старые выборы обретают новую, ужасающую цену. Чтобы выстоять, каждому придется полностью принять свое проклятие. Но что, если мир, который они пытаются спасти, не стоит ни одной слезы невинного?

Их ждет очередной выбор. Готовы ли вы его услышать?

Наталья Куртакова

Пепел и Прах

ХРОНИКИ ИСКРЫ ТВОРЕНИЯ
КНИГА ВТОРАЯ

Их путь оплачен кровью.

Их следующий шаг будет стоить дороже.

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель,

Прежде чем вы начнете это путешествие, я считаю своим долгом предупредить вас честно и прямо. Моя книга содержит сцены, которые могут глубоко затронуть и оказаться тревожными. На ее страницах вы встретите:

- Графические описания насилия и жестокости.
- Подробные изображения физических и психологических травм.
- Тематику, способную вызвать сильный дискомфорт или стать триггером.

Я сознательно ввела эти элементы в повествование – не для шока ради шока, а чтобы правдиво отразить мрачный

мир, в котором живут мои персонажи, и создать нужную атмосферу. Каждая сложная сцена служит развитию сюжета и раскрытию глубины их характеров.

Пожалуйста, оцените свое эмоциональное состояние. Если темы насилия и жестокости для вас болезненны, если вы переживаете непростой период или страдаете от ПТСР, проявите, пожалуйста, заботу о себе. Возможно, эта книга – не тот выбор, который вам сейчас нужен.

Это произведение создано для зрелой аудитории (18+).

Спасибо за ваше понимание.

ПРОЛОГ

Воздух в долине реки Волдан был густым и тяжелым, как пропитанная кровью шерсть. Он вбирал в себя запахи: дым тысяч костров, сладковатую вонь разлагающихся тел, неубранных после вчерашней стычки с мятежными кланами холмов, терпкий аромат конского пота и кожи, кислое дыхание болот, что плескались у восточной оконечности лагеря. Лагерь войска Фалариса Второго, прозванного Молотом, раскинулся на холмистой равнине, похожий на гигантского, дремлющего зверя. Его шкуру составляли тысячи походных палаток из промасленной кожи, его ребра – частоколы из заостренных бревен, его пульс – мерный стук молотов оружей-

ников и ржание нетерпеливых коней.

Элху шел по грязи, от которой его простые кожаные обмотки издавали чавкающий, неприличный звук. Он двигался легко, почти бесшумно, для своего роста – а он был высок и слоен, – уворачиваясь от суеты, что кипела вокруг. Его внешность выдавала в нем сына Виалосламских Степей: смуглая, почти бронзовая кожа, обожженная солнцем далеких равнин, темные волосы, спадающие на высокий лоб, и глаза цвета темного меда, узкие и внимательные, с постоянной прищуркой человека, привыкшего вглядываться в даль.

Здесь, на сыром и холодном севере Антарты, такие, как он, были редкостью. Но в лагере хватало странных типов, и на него смотрели без особого удивления, разве что с долей презрительного любопытства. Он проходил мимо уставшего кузнеца, лицо которого было черно от копоти и усталости. Мускулистый мужчина с обожженными руками без остановки подправлял наковальню, отбивая зазубрины на лезвиях секир. Его движения были отточены, механичны – еще один фрагмент в мозаике войны. Рядом, у повозки с припасами, юный паж с гербом какого – то второстепенного барона на груди нервно теребил рукоять своего слишком большого для него кинжала. Его глаза были широко раскрыты от страха, он вздрагивал от каждого громкого звука.

«Мальчик, – холодно отметил про себя Элху. – Мягкий, необожженный кирпич. Его или сломают в первой же схватке, или обещут до неузнаваемости».

У бочки с водой сидела старая маркитантка, лицо ее было испещрено морщинами, как картой прожитых лет. Она с равнодушным видом торговалась с солдатом за лук, и в ее глазах не было ни страха, ни волнения – лишь привычная усталость от вечной войны. Она уже стала частью пейзажа, еще одним камнем в этой грубой мозаике.

Его звали. Не по имени – здесь его имени не знал никто. Его позвал грубый голос сержанта, сообщивший, что «знахаря – степняка требует к себе Молот». Элху не был знахарем в обычном понимании. Его искусство не имело ничего общего с яркими вспышками магии придворных чародеев. Оно было приземленным, почти ремесленным. Оно заключалось в знании трав, из которых можно сварить яд, усыпляющий на три дня, или противоядие от укуса болотной гадюки; в умении читать по звездам не столько будущее, сколько направление ветра для лучников; в понимании того, какой шепот в солдатской среде предвещает бунт, а какой – лишь привычный ропот. Именно за это его и терпели. Неделю назад его «внимательность» спасла королю время и силы. Элху уловил в бессвязном бормотании двух пьяных офицеров из свиты лорда Вернона не просто недовольство, а четкий, как клинок, план. Ночную резню в палатке короля. Он сообщил об этом капитану стражи. Мятеж был подавлен в зародыше, лорд Вернон и его сообщники теперь украшали частокол своими головами, а Элху из безродного скитальца превратился в человека, достойного взгляда Молота.

Палатка Фалариса Келлхайна была не самой большой, но самой прочной. Ее делали не из кожи, а из толстого грубого полотна, пропитанного чем – то горючим и смолистым, чтобы отталкивать воду. У входа стояли две грозные тени в полных латных доспехах, с длинными секирами в руках. На их нагрудниках был вычеканен герб Дома Келлхайнов: не щит, а тяжелый, мрачный герб, напоминавший дверь в склеп. Верхняя его часть была черна, как базальт, нижняя – темно – серая, как неотесанный гранит. А в центре, на стыке цветов, сиял идеально ровный белый камень – квадрат, от которого расходились трещины, словно сшивавшие хаос и порядок в единое целое. Стража не была бутафорской. Эти люди убили немало врагов. Они молча пропустили Элху внутрь, узнав его.

Внутри пахло иначе. Дымом дорогих благовоний, которые жгли, чтобы перебить запах пота и крови, деревом, кожей и влажной шерстью. Палатка была разделена на несколько отсеков. В основном стоял простой походный стол, уставленный картами, испещренными непонятными значками. На складном стуле из темного дерева, обитом шкурами северных волков, сидел он. Фаларис Второй, по прозвищу Молот.

Он был полной противоположностью Элху. Если Элху был гибким степным коршуном, то Фаларис напоминал пещерного медведя. Широкий в кости, с могучей грудной клеткой, он казался кряжистым и приземистым, даже сидя. Его волосы, цвета выгоревшей на солнце меди, были коротко

острижены по – военному, но по старинному обычаю предков две широкие пряди у висков были заплетены в сложные узлы, перехваченные бронзовыми кольцами – символ воинского звания и права на власть. Лицо – обветренное, покрытое сетью шрамов и морщин, – не было красивым, но в нем была сила. Сила утеса, о который разбиваются волны. Его глаза, холодные и светлые, как лед на горном озере, смотрели на мир с прямотой и жестокостью человека, который знает, что его слово – закон, а его право – это право сильного. На нем была простая, но качественная кольчуга, поверх нее – потрепанный кожаный дублет с вышитым на груди тем же мрачным гербом.

Рядом на столе стоял кубок из темного рога, полный вина. Фаларис не предложил Элху ни сесть, ни вина. Он указал на него толстым, ободранным пальцем.

– Подходи ближе, степняк. Не заставляй меня кричать.

Элху подошел, сохраняя почтительную дистанцию. Он склонил голову, но не опустил глаз. Наблюдать было его второй натурой.

– Твоя болтовня с капитаном стражи сэкономила мне время, – прохрипел Фаларис. Его голос был похож на скрежет камней. – Время – это солдаты, которых не пришлось тратить на усмирение своры идиотов. Время – это скорость, с которой мы двинемся дальше, на восток, к Хеллфорту у Черных Болот. За это я тебе благодарен.

– Я лишь слушал, ваше величество, – тихо ответил Элху. –

И услышанное передал тем, кто может действовать.

– «Слушал», – фыркнул король. Он отхлебнул из кубка. – Все слушают. Но слышат – единицы. Мой отец, Воррин Первый, Каменная Маска, говорил: «Один услышанный шепот стоит крика тысячи солдат». Он был мудр. Гораздо мудрее меня. Я... я просто молот. Я знаю, как разрушать. А он знал, как строить. Строить на века. Его девизом было: «Из хаоса – стена». И он не бросал слов на ветер.

Фаларис замолчал, уставившись на пламя масляной лампы. Вино и усталость после подавления мятежа делали его разговорчивым. Элху замер, понимая, что сейчас может прозвучать нечто важное. Он стал «слушать тишину» между словами короля, как когда – то в доме удовольствий Кар – Тукульти – Нинурта.

«Запах дешевых благовоний и пота. Липкий пол под босыми ногами. Голоса пьяных мужчин, сливающиеся в гулкий гомон. И тот самый, пьяный голос, поведавший легенду о проклятом городе... А потом – холодные, мудрые глаза Незнакомца. Его рука, тяжело лежащая на плече. «Мир болен, мальчик. И ты должен помочь его исцелить. Огнем».

– Вернон был дураком, – продолжал Фаларис, больше думая вслух, чем обращаясь к Элху. – Он думал, что право править дается знатностью рода. Кровью. Чушь. Право на власть дается Волей. Волей сделать мир не удобным, не справедливым – черт с ними, с удобством и справедливостью! – а прочным. Как камень. Единственная справедливость – это поря-

док. А порядок требует жертв. Мой отец понял это первым. Он смотрел на руины старых империй и видел: они рассыпались не от меча врага, а от собственной рыхлости. От слабости духа.

Он снова посмотрел на Элху, и в его глазах вспыхнул тот самый огонь, который заставлял армии идти за ним в бой.

– Ты знаешь, что такое королевство, степняк? Представь... представь огромную, идеальную стену. Высотой до небес. Без единой трещины. Без малейшего намека на слабость, на хаос. Вечную. Прочную. Непокколебимую. Таковую, чтобы простояла тысячу лет. Вот что такое королевство. Не земли, не замки, не города. Стена.

Элху молчал, всем существом впитывая слова. В его голове всплыл образ из «Книги Цепей Пустоты», которую дал ему Незнакомец: паутина реальности, которую нужно разорвать. Но слова Фалариса предлагали нечто иное – не разорвать, а переплести заново, по своему усмотрению.

– А люди в этом королевстве... – Фаларис усмехнулся, и в усмешке этой была леденящая душу правда. – Люди – это всего лишь камни для этой стены. Но камни эти... неровные. Хрупкие. Слишком острые здесь, слишком круглые там. Слишком непослушные. В них есть дыры – их страхи, их глупые мечты, их память о том, кем они были до того, как стали частью стены. Взгляни на этих солдат снаружи. Они мечтают о добыче, о женщинах, о славе. Это – неровности. Их нужно сбить.

Король поднял свой кулак, сжав его так, что костяшки побелели.

– Доктрина моего отца, «Укладка Камня»... ее суть проста. Чтобы построить такую стену, каждый камень – каждого человека – нужно обтесать. Обтесать его волю. Его страхи. Его мечты. Все лишнее, что мешает ему идеально, плотно лечь в предназначенное ему место в общей кладке. Понимаешь? Мы берем мягкую, податливую глину человеческой души и обжигаем ее в печи дисциплины, пока она не станет твердой, как керамика. Одних – в солдат. Других – в землепашцев. Третьих – в чиновников. И никто не смеет выбиться из своего ряда. Первый Хеллфорт отец строил десять лет. Не из – за нехватки рабов. А потому что подбирал камни. Смотрел, кто куда лучше ляжет. Кого можно положить в основание, а кого – наверх. И каждый, кто проявлял своеволие... его воля становилась тем самым раствором, что скреплял других. Его страх заражал остальных, заставляя их держаться друг за друга. Это и есть алхимия.

Элху понял. Он понял так ясно, как будто всю жизнь ждал этих слов. Это была философия, оправдывающая все. Все! Нищету его детства, грязь Кар – Тукульти – Нинурта, страдания тысяч людей. Все это было просто... обтесыванием камней. Предварительной обработкой материала для Великой Стены. У него перехватило дыхание. Это было гениально в своем чудовищном цинизме.

– Сила правителя, – голос Фалариса стал тише, но твер-

же, – это не в умении фехтовать или вести в бой. Это тираническая Воля. Воля, которая выступает цементом, скрепляющим эти обработанные камни. А жизненная сила тех, кто сопротивляется... их боль, их страх... она становится наполнителем для этого цемента. Она делает его крепче. Так мы создаем армиллитов – новых людей, живые кирпичи нашей империи. Они не колеблются. Не сомневаются. Они – часть стены. Я видел, как умирает армиллит. Он не кричал. Он просто смотрел на меня, как бы спрашивая: «Господин, камень моего места уже готов?». Вот что такое истинный порядок.

Он откинулся на спинку стула, осушая кубок. Вино лилось по его бороде, как кровь.

– Это не просто власть, степняк. Это алхимия. Алхимия, превращающая живых, страдающих, глупых людей в части безжизненного, вечного, идеального монумента. Именно такого, какой я построю на костях мятежников у Черных Болот. Хеллфорт. Оплот Порядка. Еще один идеальный камень в стене моего отца.

В палатке воцарилась тишина. Элху стоял, пораженный. В его голове выстраивалась картина мира, столь же чудовищная, сколь и грандиозная. Это была та самая сила, которую он искал. Не магия отдельных заклинаний, а магия системы. Магия подавления самой сути человеческого. И она идеально ложилась на учение о Таргуле! Таргул – это изначальный хаос, Отец Пламени, который должен сжечь старый, уродли-

вый мир. А «Укладка Камня»... это мог быть рецепт того, как построить новый мир из пепла. Не королевство Келлхайнов, а всю реальность!

Фаларис вдруг пристально посмотрел на него, словно впервые увидел.

– А тебя как звать, степняк?

– Элху, ваше величество.

Король поморщился, как от дурного запаха.

– Элху? – он перекатил это имя на языке с явным презрением. – Какое – то жалкое, ползучее имя. Для червей из трущоб. Если ты хочешь, чтобы к тебе здесь относились с хоть каплей уважения, обтеши и его. Возьми себе имя. Настоящее имя. Как я взял себе «Молот». Или как мой отец был «Каменной Маской». Имя – это первый камень в твоей собственной стене. Сделай его крепким.

Он махнул рукой, знак того, что аудиенция окончена.

– Ступай. И запомни то, что я сказал. Возможно, ты сможешь стать полезным камнем. Мелким, но годным для фундамента.

Элху поклонился, ниже, чем прежде, и вышел из палатки в чавкающую грязь и шум лагеря. Но он уже не слышал ни запахов, ни звуков. В его ушах гремели слова короля.

«Обтесать... Воля... Стена... Алхимия...».

Он шел, глядя перед собой, но не видя ничего, его ум был охвачен вихрем. По пути он столкнулся с капитаном стражей, тем самым, кому передал информацию о заговоре.

– Ну что, знахарь? – капитан хлопнул его по плечу с грубоватой фамильярностью. – Живешь? Молот не съел?

Элху лишь кивнул, едва заметно. Капитан, не ожидая ответа, уже отошел, отдавая приказы.

«Он видит во мне инструмент. Полезный, но временный. Камень, который выбросят после использования».

Это осознание не вызвало обиды. Лишь холодную уверенность.

Он дошел до своего убогого шатра на задворках лагеря, рядом с кузницами и загонем для больных лошадей. Внутри пахло сушеными травами и плесенью. Он сел на грубую постель и достал из потайного кармана свою единственную ценность – «Книгу Цепей Пустоты». Тяжелый том в потертой обложке. Он открыл ее. Древние символы, которые он с таким трудом перечитывал, теперь заиграли новым смыслом.

«Разорви оковы ложного бытия», – гласила одна из первых строк. А что, если «Укладка Камня» – это не оковы, а новые цепи? Цепи, которые будут крепче и надежней? Цепи, которые скрепят новый мир после прихода Таргула?

«Он прав, этот король – молот, – думал Элху, вглядываясь в пламя коптилки. – Мир – это хаос. Но его отец хотел построить стену внутри хаоса. Огородить клочок земли. Это... мелко. Это жалко. Почему бы не использовать его доктрину, чтобы сделать нечто большее? Почему бы не обтесать сам хаос? Не превратить всю реальность в идеальную, гладкую

поверхность, готовую для нового Творения? Таргул принесет огонь, который спалит старый мир дотла. А я... я подготовлю площадку. Я уложу камни так, чтобы из пепла возникло нечто совершенное. Не королевство. Не империя. А нечто... иное».

«Имя...» – прошептал он.

«Он прав. Элху умер в Туманном Пепелище. Мне нужно имя того, кто будет строить новую стену. Стену из мира.»

И в глубине его сознания, как отголосок из далекого прошлого, прозвучало слово, которое когда – то дал ему Незнакомец. Слово, которое означало не просто «слушающий», а «внимающий самой пустоте». Слово, которое станет его новой сутью.

Исиндомид.

Он просидел так всю ночь, при свете коптилки, перелистывая страницы и строя в уме планы, которые растянутся на тысячелетия.

На рассвете лагерь зашумел с новой силой. Затрубили рога. Армия снималась с места, чтобы двинуться на восток, к Черным Болотам. Элху вышел из своего шатра и увидел, как Фаларис Молот на своем могучем боевом коне выезжает в центр колонны. Король был сосредоточен, его лицо выражало лишь холодную решимость. Он уезжал к своей стене. К своему Хеллфорту. Он даже не взглянул в сторону шатра знахаря.

Элху оставался стоять и смотреть, как войско растягива-

ется в длинную змею, уползающую в утренний туман. Он не поехал с ними. Его путь лежал в другом направлении. У него была своя стена для построения. Более высокая, более прочная и бесконечно более страшная.

Он повернулся и пошел прочь от долины Волдан, на запад. Навстречу векам подготовки, неудач и кровавых экспериментов. Мальчик по имени Элху окончательно остался в прошлом. Вперед шел Исиндомид.

ОБЕЩАНИЕ В ГЛАЗАХ

Холодное солнце, казалось, не давало тепла, а лишь подсвечивало ледящую душу картину всеобщего крушения. Его косые лучи пробивались сквозь дымную пелену, зависшую над руинами Элимии, и скользили по ровным, недвижимым шеренгам воинов – трайтеров, застывших среди этого хаоса. Они стояли бездыханно, словно изваяния, высеченные из черного обсидиана, – мрачные памятники собственной победе. Их лица были гладкими, полированными масками, лишенными ртов, носов, бровей. Лишь бездонные пустоты глазниц, наводившие ужас, смотрели в никуда. Там, где когда – то были кисти рук, сжимавшие оружие, теперь зияли стальные лезвия, намертво вросшие в латные рукавицы. Доспехи, некогда болтавшиеся на живых телах, теперь плотно облегли иную, стальную плоть.

Воздух был густым и едким. Он впитывал в себя запах га-

ри от тысяч потухших пожарищ, сладковато – тошнотворное зловоние разложения, идущее от непогребенных тел, и острый, колючий дым погребальных костров, где тлели останки павших – и своих, и чужих, сваленные в братские могилы из пепла и плоти. Руины домов зияли черными провалами окон, как черепа исполинских существ. Мостовые были усыпаны обломками, щебнем и темной, запекшейся кровью. Ветер, гулявший по опустошенным улицам, шевелил обрывки плащей трайтеров, принося с собой шепот пепла и звон разбитых надежд.

Ханар Эпперли медленно шагал по этому царству смерти, и его взгляд, цепкий и уставший, скользил по неподвижным фигурам своих творений. Лишь по знакомым деталям он мог угадать тени былых имен. Вот на наплечнике одного воина – глубокий заруб от алебарды, который Ханар помнил на теле командира своей армии Осмена Дарка. Рядом стоял трайтер с изящным, почти аристократическим силуэтом доспехов, на нагруднике которых угадывались контуры стертого герба с лилией – все, что осталось от дерзкого и шумного Фериа Девина. А чуть поодаль, в самой гуще строя, возвышался приземистый, мощный воин с щитом, намертво вросшим в левую рукавицу; когда – то этот щит оберегал спину хриплого ветерана, которого все звали Старым Тарником. Теперь они все были просто камнями в стене. Бесчувственными, безгласными, идеальными.

Легкий, колючий ветер гулял между рядами, но не мог

рассеять тяжелую тишину, что была страшнее любого боевого клича. Ни грубого ворчания Осмена, ни оглушительно-го хохота Фериа, ни спокойной, умудренной речи Тарника... Ничего. Только скрежет собственных суставов Ханара да завывание ветра в пустых глазницах того, что когда – то было его отрядом.

«Действительно ли я хотел этого?» – мысли впивались в виски, как раскаленные гвозди.

«Тишины вместо триумфа? Бесчувственных статуй вместо преданных воинов?» Он мысленно обращался к ним, к этим теням:

«Кем вы стали?...»

Остановившись, Эпперли устало закинул руки за голову. Битва вытянула из него все силы; ноги подкашивались, едва удерживая тяжесть тела. Его взгляд, блуждающий по пепелищу, наткнулся на приближающуюся фигуру. Это был Исиндомид. Колдун шаркал ногами по выжженной земле, поднимая облачка серой пыли. Его темная туника, болтавшаяся на иссохшем теле, казалась погребальным саваном, затерявшимся среди настоящих могил. А эта улыбка... Ханар различал ее издали: беззубый оскал, обнажавший воспаленные, неестественно розовые десны.

Раздражение, едкое и знакомое, подкатило к горлу. Этот старый плут сулил ему силу, безграничную власть... а взамен? Пустота. Обугленные руины душ и эти ходячие гробницы. Ханар сглотнул желчь, подавив порыв схватить колдуна

за тощую шею.

«Пусть вещает свои байки. Еще разок.»

Исиндомид, не обращая внимания на хозяина, подошел к одному из воинов – к тому, чья правая рука навеки срослась с топориком. Острый клинок, еще не успевший смыть запекшуюся кровь Элимии, тускло поблескивал. Колдун ткнул костлявым пальцем в гладкую маску лица, поскреб латной наплечник, а потом с почти нежностью провел по лезвию, оставляя на нем жирный след. Его ухмылка стала шире. Ханар не выдержал. Два длинных шага – и он навис над стариком.

– Совершенны... – проскрипел Исиндомид, не отрывая восхищенного взгляда от безликого воина. – ...Идеальные солдаты для будущего владыки. Сила несокрушимая. Выносливость, не знающая предела. И главное... никакой воли. Значит, и предательства ждать неоткуда. Никогда.

– И абсолютно бесполезны! – голос Ханара прозвучал как удар бича. Он наклонился ниже, заслоняя старику солнце. – Ни слова, ни звука, ни даже плевок в лицо врагу без моего приказа! Пустые куклы! Оболочки, набитые одной лишь тупой силой!

– Ты жаждал преданных воинов, Ханар Эпперли, – старик медленно поднял на него свои крохотные, заплывшие глазки, в которых мерцал холодный огонек, – или тебе по-прежнему не хватает друзей?

– Я хотел стать королем Антарты! – Голос Ханара сорвал-

ся в хриплый крик. Он с горькой истомой бросил взгляд на воина с топором, которого лапал колдун, и тут же, скорчив лицо в гримасе глубочайшего отвращения, резко отвернулся. – Я жаждал крови! Жаждал встретить хоть одного ублюдка, достойного моей секиры! Не этих... соломенных чучел!

– Разве на твоём кровавом пути совсем не сыскалось достойных? – проскрипел старческий голос. Исиндомид стоял, сгорбившись, его иссохшие пальцы с синюшными ногтями выудили из недр одеяния связку желтоватых костяшек на грязном шнурке и забегали по ним. – Неужто стерлось из памяти, как ты загнал конницу самого Хана Зерукана, Железного Вихря, в болотную топь Гракмара? Помнишь гул земли под копытами, их предсмертный рев? А Гнилоустых Блинецов? Пара диких псов – каннибалов! Ты же разрубил их пополам единым взмахом!

– И все эти твои «победы», – голос Ханара, сначала глухой, начал набухать гневом, – ни на пядь не приблизили меня к трону! Ты взрастил меня, старик! С мальства! Вбил в меня науку смерти, наделил смыслом – жаждой власти! За сие... благодарен. – Он сделал паузу, и слово «благодарен» прозвучало как проклятие. – Но более – ни капли! Я алчу настоящей войны! Хочу крови, что пенится у рта достойного врага! Я рвусь стать Владыкой Государства, – прошипел Ханар, наклоняясь так близко, что его дыхание, густое от запаха железа, пота и смерти, опалило морщинистую кожу старика, – как стал им сто зим назад Торрен Артбелл! Ледяной

Волк! Он не шастал по деревушкам, не резал скот! Он взял меч – и пошел против всего Мира! И Мир... склонился! Так когда же, о мудрый советник, ты посадишь меня на престол?

– Все в своем времени, мой яростный волк, – прошептал он, и в его голосе вдруг появилась сталь. – Разве орел рвет добычу, пока она еще в небе? Жди. Твой час близок.

Ханар ощутил, как пальцы сами собой сжимаются в каменные кулаки. Руки дрожали от бессилия.

– Ждать? – Голос Эпперли был тише, но от этого лишь опаснее. – Я ждал достаточно, колдун. Пока ты водил меня за нос своими туманными пророчествами. Терпение – удел овец. Я же – волк. И волк голоден сейчас.

Исиндомид медленно покачал головой, и по его тонким губам скользнула тень улыбки. Огоньки в его запавших глазах вспыхнули ярче.

– Голод слепит, Ханар Эпперли, – зашептал он. – Он рисует врагов из теней и скрывает путь, что звезды проложили. Ты жаждешь действия? Что ж...

Резкое, тревожное ржание коней перерезало его слова. Это был сигнал. По полю к ним мчался Од Куулайс на своем гнедом коне. Его практичная одежда была в пыли, но оба меча за спиной сияли безупречной чистотой. Слишком чистыми. Ни пятнышка крови. Странно...

Но истинное потрясение ждало позади. Укуфа Бхинрот. Она скакала следом, но словно из иного мира. Конь под ней – вороной жеребец с глазами, полными огня – был красив и

страшен. А она... Она восседала на нем с невозмутимой грацией, которая заставила сердце Ханара на мгновение сжаться знакомым смешанным чувством желая и раздражения. Ее иссиня – черные волосы развивались на ветру, обрамляя лицо со скулами, острыми как клинки. Легкое платье цвета запекшейся крови казалось насмешкой над полем боя. И корона. Хрустальная корона с шипами венчала ее голову.

«Будь она простой женщиной из таверны, я бы все равно не смог отвести глаз, – мелькнула у него мысль. Но именно эта легкость, эта насмешка над опасностью... Она знает, что сильнее меня в своем истинном обличье. И играет на этой грани.»

Ее серебристый смех, чистый и леденящий душу, звенел над опустошенной землей.

Ханара пронзили ледяные иглы вопросов: Откуда этот конь? Что за маскарад? Почему она смеется? Нашли ли они, наконец, сферул? Мгновения, пока спутники приближались, растянулись в вечность. Гнев, старый союзник, поднялся из глубин его существа.

Од ловко спрыгнул с коня, его практичная одежда была покрыта пылью руин. Укуфа же, усмехнувшись, дала шпоры своему жеребцу, заставив его взвиться на дыбы, прежде чем изящно соскользнуть на землю. Ханар проигнорировал это представление, его взгляд впился в Ода.

– Нашли?

– Прости, но нет, – ответил Од, и в его голосе звучало

искреннее сожаление. – Мы обыскали все. Каждый камень. Ни следа...

– Ох, Одди... – рассмеялась Укуфа, поправляя корону. – Не лги нашему господину. Я заглянула в каждую щель. А ты? Увидел летучую мышь в руинах и подпрыгнул, как испуганный котенок! – Она с легкостью повисла на плече ближайшего трайтера, ее пальцы скользнули по холодному металлу его наплечника. – Вы просто не представляете, Ваше Величество, это было так...

– МОЛЧАТЬ! – взревел Ханар.

Его крик был нечеловеческим. Кожа на лице натянулась, обнажив резкие черты. На мгновение в его облике проступило что – то хищное, птичье. В глазах вспыхнул дикий огонь.

– Довольно! – Он шагнул к Укуфе, и теперь они стояли почти вплотную. Она не отпрянула, лишь приподняла подбородок, и в ее глазах вспыхнул озорной, опасный огонек. – Сферул! Где он?! Ты нашла его?!

– Нет, Ваша Милость, – ответила она с преувеличенной невинностью, играя с ним, как кошка с мышью. – Я нашла лишь эту безделушку, – она указала на корону, – да коня. Но сферул? Ни единой пылинки.

– Тогда... – голос Ханара стал опасным шепотом, – ...откуда этот хохот? Эта дурацкая корона? И откуда ты взяла этого жеребца?

– Ах, это... – Укуфа томно потянулась, и платье цвета запекшейся крови обтянуло ее гибкий стан.

– Пока Одди боялся мышей, я нашла потайной ход. Не в стенах, а под ногами. Ведет в какую – то... библиотеку, что ли? Комната, полная истлевших фолиантов и пергаментов. И трон. Одинокий, пустой трон. А под ним... – она сделала драматическую паузу, наслаждаясь вниманием, – ...кучка пепла. Старая – престарая. И на этой куче сияла вот эта безделушка. Показалась мне... подходящей. Решила, что корона мертвого короля будет смотреться на мне куда лучше, чем на груди праха.

Од, до этого молча наблюдавший, мрачно хмыкнул.

– И конь стоял привязанный у входа в ту дыру. Как будто ждал, – добавил он. – Слишком удобно, Ханар. Слишком уж все это похоже на приманку.

– Приманку? – Ханар резко повернулся к Исиндомиду, который до сих пор оставался в стороне.

– Ты слышишь, старик? Мы положили армию, превратили своих лучших воинов в этих... камней... ради приманки? Ты клялся, что Сферул Богини – Матери здесь! Что сила, рожденная от падения небожительницы, даст мне трон! Где он?!

– Ваша Милость, – вклинился Исиндомид, его голос маслянисто – успокаивающий, – позвольте мне направить ваш гнев...

– Только не смей говорить, что его здесь нет! – Ханар был в ярости. Он чувствовал, как его планы рушатся, как песок сквозь пальцы.

– Возможно... так оно и есть... – Колдун сделал плавный шаг назад, его мутные глаза бесстрастно наблюдали за гневом повелителя. Он протянул руку в пустоту между ними. Длинные пальцы медленно сомкнулись, будто обхватывая невидимый шар. – ...Но мы можем увидеть истину. Посмотри, – велел Исиндомид, и его голос обрел гипнотическую глубину, в которой тонула любая ярость. – Не на меня. Посмотри... на след пламени.

В воздухе, точно в центре воображаемой сферы, вспыхнул тонкий, извивающийся шнурок дыма. Угольно – черный, густой. Он не рассеивался, а плыл, вытягиваясь в зыбкую линию.

– Постой, старик! – рыкнул Ханар, его рука инстинктивно сжала рукоять секиры. Дымовой след замер, будто прислушиваясь. – Ты что, не слышал? Мы зря положили город! Зря превратили моих воинов в эти статуи! Ты говорил, что Сферул здесь! Где он?! Или твои «знания» – всего лишь ветер из твоих сморщенных губ?

Од Куулайс шагнул вперед, его низкий голос прозвучал как предупреждение:

– Мой Господин. Остынь. Криком делу не поможешь. Но вопрос резонный, Исиндомид. Мы шли на Элимия по твоему слову. Ради главной цели. И теперь оказывается, что цели здесь нет. Объяснись.

Укуфа, до этого игравшая с короной, вдруг бросила ее в траву с брезгливой гримасой.

– Да, старик, – ее голос звенел, как лезвие. – Мне надое-
ло быть твоей ищейкой. Ты послал нас на охоту за призра-
ком. Я облазила все щели этого проклятого города, пока ты
отсиживался в лагере. Может, ты и не хотел, чтобы мы его
нашли? Может, тебе нужен был не Сферул, а просто пепели-
ще? Или... – ее взгляд скользнул по рядам безмолвных трай-
теров, – ...это было нужно для чего – то другого?

Исиндомид медленно повернулся к ним. Его лицо, осве-
щенное призрачным светом дымного шнура, казалось высе-
ченным из древнего желтого камня. В его глазах не было ни
страха, ни оправдания, лишь холодная, бездонная уверен-
ность.

– Вы слепы, – произнес он, и его тихий голос перекрыл
их гнев. – Вы ищете сундук с золотом, не видя карты, что
ведет к целой сокровищнице. Да, Сферула Богини – Матери
в Элимии нет. Он никогда здесь не был.

Ханар аж попятился, словно от удара.

– КАК?! Ты... ты смеешь...

– Я смею видеть дальше твоего гнева, Ханар Эпперли! –
голос колдуна внезапно загремел, заставляя даже Укуфу на
мгновение отступить. – Я вел тебя сюда не за артефактом. Я
вел тебя к уроку! К последнему осколку мозаики, без которо-
го твой трон будет не крепче этих пепельных руин! Элимия
была испытанием. Испытанием твоей воли. И твоим первым
настоящим поражением. Ты научился побеждать. Пришла
пора научиться проигрывать и понимать – почему!

Од, хмурясь, смотрел то на Ханера, то на колдуна. Его верность была Ханару, но логика старика, пусть и безумная, имела зловещий смысл.

– Какой урок? – прошипел Ханар. – Урок в том, что я могу доверять только стали и своей секире?

– Нет. Урок в том, что твой величайший враг – не король на троне, а твое собственное неведение. Ты ищешь Пламя, но не знаешь, кто его носитель. Ты ищешь Сферул, но не знаешь, где он скрыт. Ты идешь вперед, не глядя под ноги, и спотыкаешься о тени прошлого.

Исиндомид повернулся к дымному следу, который снова пришел в движение.

– Я не приведу тебя к трону, Ханар. Потому что трон, завоеванный вслепую, станет твоей тюрьмой. Но я могу привести тебя к пониманию. – Он повел рукой, и шнур дыма извился, указывая вглубь лагеря. – Этот след... он укажет дорогу не к власти, а к истине. Дорогу, по которой должен пройти лишь ты. Решай. Будешь ли ты и дальше метаться в сетях своего гнева, как пойманная муха? Или наконец помотришь, кто эти сети сплел?

Он повернулся и пошел. Призрачный шлейф черного дыма вился перед ним, как змей – поводырь. Од и Укуфа, обменявшись красноречивыми взглядами – в них было и недоумение, и тревога, и проблеск интереса, – медленно направились следом. Дым вел их вглубь лагеря – прямоком к шатру самого Ханара.

Ханар стоял несколько мгновений, дыхание прерывистое от гнева, унижения и жгучего любопытства. Ярость требовала действий, простого и ясного – схватить колдуна за горло и вытрясти из него ответы. Но странная сила момента – гипнотический голос, неумолимая тяга дымного следа и зерно правды в словах Исиндомида – пересилила ярость. С глухим ворчанием, сжимая и разжимая кулаки, он шагнул следом.

Шатер Ханара был суровым и аскетичным. В центре тлела жаровня. Именно к ней и вел извивающийся след. Исиндомид остановился перед ней.

– Здесь, – сказал он, указывая на грубый коврик из шкуры. – Сядь. Смотри на угли. Дай следу пламени раствориться в их глубине. Огонь очищает. Огонь открывает.

Исиндомид сам опустился на корточки с неожиданной легкостью, его глаза отражали багровое мерцание углей. Он протянул руку над жаровней. Черный дымный след словно втянулся в угли, заставив их вспыхнуть ярче. Новый, густой дымок медленно поднимался вверх, образуя в спертom воздухе шатра причудливые, меняющиеся формы.

– Смотри, Ханар, – прошептал колдун. – Смотри сквозь дым. Узри его истинный лик... прежде чем коснуться...

Ханар, подчиняясь ритму, медленно опустился на коврик. Взгляд его затуманился, следя за клубящимися тенями. Остался лишь треск углей и нарастающий шепот в собственной голове. Рука сама собой разжала кулак. Секира осталась лежать у входа. В шатре, пахнущем простотой и железом, на-

чиналось путешествие вглубь.

Треск углей стал гулким, как удары сердца. Багровое мерцание растеклось, растворив границы. Воздух сгустился, стал теплым и влажным.

Легкий, как колокольчик, смех. Женский смех. Запахло... черемухой. Сладкий, пьянящий аромат. По щеке скользнуло дуновение летнего ветра, несущего с собой визгливый, беззаботный смех детей. Грудь Ханара сжало от чего – то остро-го и забытого.

Щелчок. Резкий, металлический. Аромат цветов перебило едким запахом пота, сбруи и страха.

Картинка дернулась. Лето испарилось. Вокруг – темный, сырой лес. Чужие сосны. В ушах – топот копыт. Его собственное хриплое дыхание. И жажда. Крови.

"Не тронь моих детей!"

Женский голос. Твердый. Отчаянный. Он увидел ее – мелькнувшую между стволами. Тею. Исхудалую, с глазами, полными дикого ужаса и ненависти. К нему. Рука с секирой уже была занесена. Рефлекс. Ярость. Обещание: «Никакой пощады. Найди Пламя.»

Чмок. Тупой, влажный звук. И кровь. Алая, брызнувшая на серую кору сосны. Голос Теи затих. Навсегда. И в эту тишину ворвалось другое чувство – чистая, белая ярость. Не его. На него. И пламя. Оранжевое, яростное, вырывающееся из самой земли. Оно жгло глаза. Он отшатнулся.

А потом увидел их. Сначала – глаза. Большие, карие. С

ненавистью и страхом. Мальчик, что был постарше, бросился вперед, не к Ханару, а туда, где Укуфа Бхинрот приставила острие копья к горлу его младшего брата. Малец смотрел прямо на Эпперли. Его крик – немой, разрывающий душу – был слытен только в его глазах, полных обреченности и безумной отваги.

Секира взметнулась снова. Старший рухнул. И тогда... пламя. Оно вырвалось из самого воздуха вокруг младшего. Источником того оранжевого кошмара был пятилетний мальчик в железных лапах Укуфы. Его карие глаза, огромные от ужаса, смотрели прямо на Ханара. Не на убитых. Только на него. И в них не было слез. Только первобытная, всежигающая ненависть. Обещание.

Картинка дрогнула, поплыла. Угли в жаровне взметнулись ярко – синим пламенем на миг.

Мальчик... вырос. Стоял перед ним снова. Мужчина. Высокий, суровый. Его карие глаза – те самые, детские, но ставшие холодными и неумолимыми – горели все той же смесью ненависти и... знания. Теперь в них была и решимость. Холодная, как лезвие. И снова пламя окружало его. За его спиной, сквозь дым и жар, виднелись очертания двух высоких, острых пиков. И вокруг – тлеющие трупы. Десятки. Воинов. В знакомых шлемах, с его гербами. Тлеющие остатки его собственного отряда.

Ханар Эпперли вышел из видения.

Он дернулся всем телом. Глубокий, хриплый вдох разо-

рвал тишину шатра. Он сидел на шкуре, спина покрыта холодным потом, ладони впились в грубый мех. Перед ним все так же тлели угли. Никакого синего пламени. Никакого мужчины.

Но запах гари и крови все еще стоял в ноздрях. Запах леса, страха и детской ненависти. И холод тех карих глаз – детских, а потом взрослых – прожигал его насквозь. Он поднял голову. В багровом отблеске углей его собственные глаза были дикими, полными не гнева, а первобытного ужаса и невероятной усталости.

Исиндомид все так же сидел напротив, его лицо было скрыто в тени, только глаза, два уголька, отражали мерцание жаровни. Они наблюдали. Ждали.

– Что... что это было, колдун? – голос Ханара был хриплым шепотом. Он смотрел не на Исиндомида, а сквозь него. – Кто... этот мальчик... этот мужчина в огне?

– Ты видел носителя, – прошептал Исиндомид. – Ты видел, как он применял свою силу. Не в прошлом. В настоящем. Видение показало не только его лицо, Ханар. Оно показало место. Ту самую вспышку силы, что оставила след в мире. Он использовал силу здесь. Совсем недавно. И теперь... мы знаем, где искать.

– След пламени, что привел нас в этот шатер... он не исчез. Он лишь изменил направление. Он ведет к носителю. К тому самому мальчику... ставшему мужчиной... с карими глазами ненависти. К тому, кто носит в себе Пламя Богини –

Матери. Живой Ключ к силе, что творит миры. И этот след...
– Исиндомид провел рукой по воздуху, и между его пальцами вспыхнул тот самый извивающийся огненный след. – ... он говорит, что носитель Пламени уже здесь. В Антарте. И он сам приведет нас... к Источнику.

Он резко сжал кулак. Огненный след погас.

– Охота, мой яростный волк, – прошептал колдун, и в его голосе зазвучала леденящая душу уверенность, – только начинается. И добыча уже на тропе.

В шатре воцарилась гнетущая тишина. Ярость в глазах Ханара сменилась хищной, холодной концентрацией. Он посмотрел на дверь шатра, за которой лежала Антарта. И где – то там, среди теней, шел человек, несущий в себе огонь его гибели... и ключ к его трону.

Он уже здесь.

ДОРОГА МОЛЧАНИЯ

Легкие помнили ледяную воду. Даже сейчас, когда каждый вдох обжигал холодом, они сжимались в спазме, напоминая о том, как она распахнула объятия черным водам Чертовых Пальцев и ринулась вниз, в ледяной омут. Она не помнила боли от удара, только всепоглощающий холод, затягивающий в черноту. И руки Раймонда, выдиравшие ее обратно к жизни, которой она больше не хотела.

Теперь холод был иным. Сухим и колющим. Снег слепил даже сквозь закрытые веки, налипая на белые ресницы. Он

падал густо, тяжело, заваливая тропу, которая уже и не тропа была, а лишь смутная память о направлении, угадываемая Раймондом по изломам скал. Адея не видела их. Она сидела в седле Тайнана впереди него, вставленная в пространство между его раненой рукой и той, что еще могла держать поводья. Ее спина чувствовала тепло его тела, ее затылок – его прерывистое, хриплое дыхание над головой.

Он был ее саваном и ее якорем.

Его правая рука в самодельной шине из двух щепов лежала на ее бедре, искаженная и бесполезная. Бинты, сорванные с подола ее же платья, были ржавыми от запекшейся крови. Она помнила, как рвала ткань, крича что – то нечленораздельное, умоляя наемников оставить его, остановиться. Тогда, в ярости и ужасе, ее тело еще что – то чувствовало. Теперь – нет. Только глухую, ноющую боль в низу живота, вечное эхо преждевременных родов. Там, где должно было биться сердце ребенка, зияла пустота, физическая и душевная, такая огромная, что в ней тонули все остальные чувства.

Каждый его вдох, короткий и со свистом, отдавался в ее спину. Сломанные ребра. Она знала, что ему невыносимо больно. Что каждый шаг коня отзывается в нем огнем. Но ее собственное горе было массивнее, тяжелее любой физической травмы. Оно пожирало все, как черная дыра, оставляя лишь тонкую, хрупкую скорлупу, которая была Адеей. Его страдания доносились до нее как сквозь толстое стекло – видимые, но неосязаемые.

«Он дышит, – тупо констатировала она про себя. А мой сын – нет.»

Он остановил Тайнана на привал под нависающей скалой, дававшей призрачную защиту от ветра. Сперва он убрал с ее бедра свою сломанную руку, и Адея почувствовала, как он весь напрягся, подавляя стон. Потом, цепляясь левой рукой за луку седла, он медленно, мучительно сполз на землю. Его ноги подкосились, и он едва удержался, прислонившись к конскому боку. Он привязал Тайнана к выступу скалы, движения его были неточными, размашистыми от слабости.

Потом повернулся к ней. Его лицо под маской запеченной крови и грязи было серым от боли и истощения.

– Держись, – прохрипел он, его левая рука обхватила ее за талию, чтобы снять с седла.

В этом прикосновении не было ни нежности, ни силы – лишь отчаянное усилие. Его колени подогнулись, и они едва не рухнули оба в снег. Адея молча соскользнула на землю, как кукла, и осталась стоять, не двигаясь, глядя в белое марево. Она слышала за спиной его тяжелое дыхание, звук скребущегося по снегу сапога, хруст ломаемых одной рукой хворостин. Он возился с огнем, и в этом была вся его суть – упрямое, животное цепляние за жизнь, которое она в себе исчерпала.

Потом он подошел к ней с флягой. Поднес к ее губам. Адея не реагировала. Вода? Ее горло все еще спазмировалось от памяти о речной воде. Он грубо взял ее за подбороро-

док, его пальцы были холодными, и влил несколько глотков. Жидкость потекла по подбородку, каплями застывая на коже. Слез не было. Она выплакала их все в ту ночь, когда он забрал у нее маленькое, синеватое тельце, завернутое в пеленки. Она помнила его вес на своих руках. Смехотворно маленький. Бездыханный. И она держала его, не в силах отпустить, пока Раймонд не сделал это за нее, его собственное лицо искажено таким страданием, что она, сквозь пелену своего горя, едва узнала его. Он унес его к костру, и для Адеи это было равноценно тому, что он собственноручно бросил в пламя ее сердце.

– Ешь, – его голос был чужим, хриплым от боли и простуды. – Ешь, Адея.

Он сунул ей в руку краюху замерзшего хлеба, разломанную его зубами. Она сжала ее в перчатке, не глядя. Хлеб. Запах. Внезапно и яростно память накрыла ее: тепло печи в Лимонных Садах, щекочущий ноздри аромат свежее испеченного хлеба с тмином, смех отца, доносившийся из сада. Безопасность. Дом. Мир, где самые страшные трагедии были из разряда подгоревших коржей или ссоры с сестрой из – за ленты. Мир, где не было ни наемников, ни сожженных дотла городов, ни ведьм в лесных избушках, выскребающих из тебя последние надежды. Этот мир рассыпался в прах, и теперь его осколки впивались в нее, острее любого клинка. Теперь был только снег. Бесконечный, безмолвный, бессердечный снег, под которым можно было уснуть и не проснуться.

ся. И пустота, звенящая в ушах громче любого крика.

Раймонд тяжело опустился на корточки у чахлого огня, прислонившись спиной к скале, и закрыл глаза. Его лицо исказила гримаса, и он задышал чаще, коротко и с присвистом, словно рыба, выброшенная на берег.

Внезапно Тайнан рванул поводья, громко и тревожно зафыркал. Раймонд инстинктивно вскочил, левая рука рванулась к эфесу меча. Мгновенное, резкое движение. Оно отозвалось в его сломанных ребрах ослепляющей вспышкой боли. Он громко, по – звериному, простонал, его тело предательски дернулось, он споткнулся о скрытый под снегом корень и тяжело рухнул сначала на колено, а потом на бок. Темные, свежие пятна проступили на его потертом плаще.

Адея смотрела на это со стороны, как на разыгранную на сцене представление. Ее разум, онемевший от горя, регистрировал падение, но не осознавал его.

«Встань, – подумала она безразлично. Или не вставай. Какая разница?»

Но потом ее взгляд упала на его сломанную руку, беспомощно вывернутую, на те самые бинты с подола ее платья. И в памяти всплыло не его лицо, искаженное болью, а другое. Его лицо у погребального костра. Озаренное отблесками пламени, по которому полз дым, уносящий с собой все ее будущее. И ее собственное тело, рвущееся вперед, в этот очищающий жар, чтобы исчезнуть.

Ее ноги, не слушаясь окаменевшего разума, сделали шаг.

Потом другой. Она медленно подошла и опустилась на колени рядом с ним в снег. Колючий холод тут же пропитал тонкую ткань ее рваного платья. Ее рука в грубой перчатке коснулась его плеча. Он лежал, сжавшись в комок, борясь с волной тошноты и боли, и не видел, как в ее пустых, фиалковых глазах на миг мелькнула искра чего – то, кроме отчаяния. Не жалости. А странного, изуродованного родства. Они оба были сломлены. Он – телом, она – душой. Она не могла помочь ему подняться. Не могла сказать ни слова утешения. Но она была здесь. Она приползла из глубины своей бездны, потому что в его падении увидела отголосок своей собственной. И пока он был жив, жива была и память о том, что она когда – то любила, надеялась, носила жизнь под сердцем. Он был последним живым свидетелем ее счастья.

Он, наконец, переборол спазм, с трудом приподнялся, опираясь на локоть. Его взгляд, затуманенный болью, скользнул по ее руке на своем плече, потом по ее лицу, по мокрым следам от воды на ее щеках, которые можно было принять за слезы. Ни удивления, ни надежды в его глазах не было. Лишь усталое, горькое понимание. Они были двумя половинками разбитого сосуда, и ни одна не могла удержать воду.

Молча, он поднялся, помогая ей встать. Молча, с нечеловеческим усилием вновь всадил ее в седло. Молча, вскарабкался сам, снова прижав ее спину к своей груди, к своему тяжелому, свистящему дыханию. И они поехали дальше, двое

немых призраков на одном коне, в белой, безжалостной пустоте, оставляя за собой единственный след – две тонкие линии, что тут же заметала вьюга.

ЗОЛОТОЙ ГОРШЕЧНИК

Великий замок Акрагант был не просто крепостью, он был каменным чревом, гигантским, беспощадным организмом, который ежедневно проглатывал тысячи жизней, чтобы переварить их в прах, пот и покорность. Он урчал скрипом тележных колес на мостовой, стонал гулом голосов в сводчатых потолках, выделял испарениями кухонь, конюшен и людских скоплений. И Терон Ламонт, золотой горшечник, был одним из его любимых пищеварительных соков – едким, незаметным и абсолютно необходимым для поддержания жизни этого монстра.

Его день начинался еще до рассвета, с вони. Едкая, густая смесь человеческих испражнений, мочи, прогорклого вина и гнилой соломы ударяла в ноздри, едва сознание возвращалось к нему. Это был запах его долга, его унижения и его власти.

Воздух в общей камере под лестницей, которую он формально делил с тремя другими слугами – подростками, был спертым и тяжелым, но Терон проводил там лишь несколько часов. Он затягивал шнуровки на своей поношенной, но добротной тунике из мягкого бархата – не самой плохой, между

прочим, – и его пальцы скользили по ткани с почти что ласковым удовлетворением. Это был трофей. Затем он надавал свои крепки, просмоленные башмаки и кожаный передник, грубый и потрескавшийся от работы. Обряд облачения был завершен. Он был готов нести свой крест из позора и возможности.

Его обязанность была примитивна и всем очевидна: обход покоев знати, опочивальней гвардейцев, каморок писцов и даже темных закоулок казарм. Он собирал ночные горшки, выносил их в огромной дубовой бадье на плече к выгребным ямам за стенами, мыл их в ледяной воде с уксусом и расставлял обратно. Он был золотым горшечником. Ирония этого титула, данного кем – то из старших слуг с извращенным чувством юмора, не ускользала от него. Он носил дерьмо лордов, и за это ему платили гроши. Но именно эта работа давала ему нечто бесценное – доступ. Доступ к их комнатам, к их секретам, брошенным на полусонную тягомотину ночи, к их грязи. И доступ к тем, кто мог сделать его жизнь чуть менее дерьмовой.

И он пользовался этим, как тонким, отточенным кинжалом.

Его лицо, слишком прекрасное для юноши его круга, было его главным оружием. Широко распахнутые серые глаза, цвета зимнего моря у скал Харбора, казалось, видели в каждом лишь самое сокровенное, слабое и нуждающееся; вздернутый нос придавал ему вид наивного, почти что девичьего

отрока; густые кудри цвета спелой пшеницы, ниспадавшие на плечи, вызывали у женщин истому, а у мужчин – смутное раздражение. И Терон, прекрасно зная это, не стеснялся пускать свою красоту в ход. Он давно усвоил, что это валюта, которой можно платить там, где не хватает монет.

Первой на его пути сегодня была Мэти, девушка – помощница в портняжной мастерской. Он застал ее на узкой лестнице, ведущей в женскую половину, где она перебирала стопку свежевывстиранного белья. Увидев его, она вздрогнула, и румянец на ее щеках залился алым маком, таким ярким на фоне серых камней.

– Терон, – выдохнула она, судорожно прижимая к груди простыни. – Ты... уже на обходе?

– Давно, Мэти, – он улыбнулся ей так, как будто она была единственным светом в этом мрачном утре. Его голос был тихим, доверительным. – Не спалось. Все думал о той темно – синей ткани, что лежит у мастера Яглома в углу. Она бы так оттеняла твои глаза.

Она покраснела еще сильнее, смущенно потупилась.

– Ох, это для молодого лорда Виллара, ему на охотничий кафтан... остатки, может, и будут...

– Жаль, – вздохнул Терон с такой искренней грустью, что сердце у девушки должно было сжаться. – Моя старая рубаха совсем по швам разъезжается. А в такой... я бы чувствовал себя увереннее.

Он не просил напрямую. Он просто сеял зерно. Мэти, ее

пальцы вцепились в ткань, уже видела его в этом кафтане, уже шила его для него в своем воображении.

– Я... я посмотрю, – прошептала она, оглядываясь, не услышал бы кто. – Может, что и найдется.

Он кивнул, его взгляд был полон такой безмерной благодарности, что ей стало жарко.

– Ты добрая, Мэти. По – настоящему добрая.

Он двинулся дальше, оставляя ее с пылающими щеками и новым, опасным обещанием, данным самой себе. Еще один трофей был почти у него в руках. В этой одежде он выглядел бы не слугой, а скорее юным писцом из свиты какого –нибудь мелкого дворянина или даже обедневшим отпрыском знатного рода, вынужденным зарабатывать на хлеб. Образ, который он тщательно культивировал.

Следующей точкой на его карте был замковая кухня. Царство Марты. Уже на подходе его обдавало волной жара, густыми ароматами тушеного мяса, свежеиспеченного хлеба и пряностей. Кухня была сердцем Акраганта, а Хильда – его суровой, но справедливой хозяйкой. Тучная, с лицом, покрасневшим от жара печей, и навсегда поджатыми губами, она правила своим персоналом железной рукой.

Терон скользнул внутрь, стараясь не попадаться под ноги суевающимся поварятам. Хильда, стоя у огромного котла, с занесенной над ним поварешкой, заметила его мгновенно.

– А, паук ядовитый приполз! – крикнула она, и кухня на мгновение затихла, чтобы посмеяться. – Пришел свою дань

собирать?

Терон лишь склонил голову, сделав вид, что смущен.

– Просто заглянул поздороваться, матушка Хильда. Воздух здесь такой... сытный после моих ароматов.

Она фыркнула, но в ее глазах мелькнула искорка привычного озорства. Она что – то бормотала себе под нос, ворча про «иссохшего паука, который по чужим углам шныряет», но жестом подозвала его к небольшой кадке с похлебкой. Миску, которую она ему наложила, была глубже, чем у других, а ложка погружалась в нее так, что на поверхности появлялись не только овощи, но и солидные куски баранины. Она налила ему из кувшина не жидкого пива, что пила челядь, а темного, густого эля.

– Чтобы не сдох по дороге, – сурово пояснила она, следя, чтобы никто из других слуг не видел размеров его порции. – Мне потом убирать за тобой будет.

Он ел стоя, у стены, стараясь делать это быстро, но с достоинством. Когда он вернул ей пустую миску, их пальцы ненадолго встретились. И в этот миг ее грубая, покрытая ожогами и мозолями рука сунула ему в ладонь маленький, но плотный и обжигающе горячий сверток, завернутый в грубую ткань. Он уловил запах жареного на сале мяса – неслыханная роскошь для его статуса. Не говоря ни слова, он сунул его за пазуху, кивком поблагодарил и вышел обратно в коридор. Его сердце билось ровно. Еще один шаг к тому, чтобы выжить. Хильда была добра к нему не из – за его красоты –

она была слишком стара и мудра для таких глупостей. Ей, он чувствовал, было жаль его. И в этом жалости была странная, почти материнская строгость.

Но главной его добычей, истинной жемчужиной в дворцовой клоаке, была Лора Грейс, ключница замка. Едва перешагнувшая тридцать пятый год рождения, она была вдовой старого оружейника, оставшейся с целой связкой ключей от сотен дверей Акраганта и с холодной, одинокой постелью в комнатке при кладовой белья.

Их знакомство началось с прачечной. Терон подошел к ней как – то вечером, с самым невинным и растерянным видом попросив заменить сломанный замок на сундуке, где хранились его жалкие пожитки. Его взгляд, полный наивного восхищения ее компетентностью и мудростью старшей женщины, сработал лучше любой отмычки. Он смотрел на нее так, словно она была не просто служанкой, а хранительницей великих тайн замка.

Теперь он навещал ее раз или два в неделю, всегда после завершения обходов, когда ночь уже плотно укрывала каменные громады. Ее комната пахла сушеными травами, которые она раскладывала против моли, воском для мебели, старым деревом и одиночеством – острым, почти осязаемым запахом невостребованной женственности.

Сегодня была его очередь. Он постучал особым образом – три коротких, один долгий. Засов щелкнул, дверь приоткрылась. Лора стояла на пороге в простом шерстяном платье, ее

волосы, тронутые проседью, были убраны в строгую косу, но на щеках играл нервный румянец.

– Входи, – прошептала она, отступая вглубь.

Он вошел, и дверь закрылась. Ритуал начинался. Он вступал с ней в половую связь без страсти, но с показной, тщательно отрепетированной нежностью. Его руки скользили по ее телу, еще упругому, но уже поддающемуся возрасту и тяжелой работе, находя знакомые изгибы. Он целовал ее шею, шептал банальные комплименты о мягкости ее кожи, о запахе ее волос. Она, зажмурившись, тихо стонала в подушку, ее пальцы впивались в его спину, цепляясь за призрак близости, который он ей продавал.

После, лежа рядом и глядя в закопченный потолок, он вздыхал – искусно, с легкой дрожью в голосе.

– В общей камере сегодня с утра – потоп. Сводный брат управителя, тот рыжий детина с третьего этажа, снова вернулся пьяным в стельку. Не дойдя до своей постели, рухнул в коридоре и всю лестницу облевал. Ведра три воды пришлось таскать, чтобы смыть эту вонь. Теперь и у нас сырость, и солома промокла насквозь. Ноги стынут, будто в ледяной воде.

Он не просил. Он просто констатировал. Жаловался миру, частью которого была и она.

Лора молчала, проводя рукой по его плечу. Ее прикосновение было неуверенным, виноватым.

– Я говорила с управителем, – сказала она вдруг, ее голос прозвучал глухо в темноте. – В башне Часового... там

есть одна каморка. Маленькая. Для хранения старых счетных книг. Но книги эти вывезли еще прошлой зимой.

Терон замер, не дыша. Он сделал это.

– И? – выдавил он, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало лишнего ожидания.

– Ключ теперь у меня, – она повернулась к нему. В ее глазах читалась странная смесь – жалость, власть, желание быть его благодетельницей. – Она маленькая. И холодная. Но дверь есть. И окно.

Окно. Стекло. Настоящее, пусть и мутное, стекло в раме. Для слуги это была непозволительная, почти королевская роскошь. Комната. С дверью. И окном.

Он поцеловал ее руку – не жадными губами любовника, а почтительно, с такой искренней, сияющей благодарностью, что Лора смущенно потупилась, и ее лицо озарила счастливая, почти девичья улыбка.

– Ты... ты не должен никому говорить, – прошептала она. – И... приходи. Когда захочешь.

Он победил. Еще одна крепость пала.

Теперь эта комната была его. Вернувшись с утреннего обхода, Терон запер за собой дверь на единственный, доверенный ему ключ и прислонился спиной к грубым, холодным камням. Он сделал это. Он заслужил это. Нечеловеческим трудом, грязью, унижением и проституированием собственного тела. Он заслужил право на четыре стены, потолок и узкую щель окна, в которую лился бледный свет антарктиче-

ского утра.

Он сбросил вонючий передник, скинул грубые башмаки и опустился на соломенный тюфяк, стоявший в углу на деревянных козлах. Это была его кровать. Его. Больше не нужно было прислушиваться к храпу, бормотанию и запахам других. Тишина была оглушительной и пьянящей.

Лежа, он смотрел в щель окна на бледное, размытое стекло, за которым проплывали клочья тумана, вечно окутывавшего Акрагант. И его мысли, как всегда, уносились не к Лоре, не к Марте, не к Элис. Они улетали к ней.

Одетте.

Они родились на острове Харбор, в семье псаля лорда – наместника и прачки. Их мир с самого первого вздоха был ограничен: запах псины, впитанный в кожу отца, резкий дух дегтярного мыла от рук матери и вечная, пронизывающая кости сырость, поднимавшаяся от моря. Если бы не она, его сестра – близнец, его вторая половина, его живое зеркало. Их схожесть была пугающе абсолютной: те же спелые пшеничные кудри, те же широкие серые глаза, тот же вздернутый нос, тот же острый, цепкий ум. Без нее его судьба была бы предрешена: либо вонючие, кишасшие крысами трюма китобойного судна, где его красоту быстро сломали бы тяжестью труда и грубостью матросов, либо служба в королевской армии на границе с дикими землями, где его лицо исковеркали бы грязью, рубцами от стрел и похабными шутками сослуживцев. Ни то, ни другое не было его призванием. Море, это

соленое чудовище, делало его слабым, вызывая тошноту при одной мысли о качке, а вид алой, липкой крови, струящейся из перерезанного горла свиньи на скотном дворе, кружил ему голову и вызывал черные пятна перед глазами.

В их убогой хижине, пропитанной запахами влажной шерсти, щенячьего помета и кислого молока, их мечты расцветали буйным, ядовитым цветком. Забившись в самый темный угол, на жесткую колючую солому, они шептались, обжигая спертый воздух фантазиями, такими же яркими и недостижимыми, как северное сияние над ледяными полями. Одетта, ее тонкие, уже тогда удивительно изящные пальцы впиваясь в грубую рубаху брата, глаза горели лихорадочным блеском:

«Я буду носить платья из звездной парчи, Терон! Не из этой грубой мешковины! И корону... тяжелую, из настоящего золота и сапфиров, таких же синих, как твои глаза! Люди будут падать ниц, когда я буду проходить! Все! И отец тоже!»

Ее голос звенел, как хрупкий стеклянный колокольчик, готовый разбиться о суровую реальность их мира.

Реальность ворвалась в их мир однажды вечером грубым сапогом и пьяным дыханием отца. Тот, вернувшись с псарни, откуда его чуть не выгнали за пьянство, услышал последние слова дочери. Он замер на пороге, его маленькие, колючие глазки, похожие на свиные, сверкнули свинцовой яростью. Он плюнул на грязный пол, густой, мутный плевком лег рядом с босой, исцарапанной ногой Одетты.

– Королева? – зашипел он, и его голос сорвался на пьяный, гневный хрип. – Королева вшей, больше! Простолюдинка! Грязь под ногтями, вечный запах щенячьей мочи от тебя! – Он ткнул грязным, обкуренным табаком пальцем ей в грудь, заставив ее отшатнуться. – Твоя корона – вшивая тряпка на голове! Твой трон – куча соломы в углу! Никогда не станешь леди, слышишь, никогда! Разве что тенью в залах какого –нибудь пьяного лорда, которую все будут тихо ненавидеть, или служанкой, вытирающей задницы его оравы детей! Вот твоя судьба, дурочка! Выплеснул он слова, как выплескивают ушат помоев, брызгая на нее своей желчью и ненавистью.

Слова ударили Одетту не как кулак, а как плеть – остро, больно, унижительно. Она согнулась, будто от удара в живот. Резкий, горловой вопль, полный обиды и ярости, вырвался наружу и тут же сменился глухими, разрывающими душу рыданиями. Она забилась лицом в солому, ее худенькие плечики тряслись. Терон, сам побелевший от бессильной ярости, от ненависти, которая была ему не по годам, мгновенно оказался рядом. Обвил ее дрожащие плечи, прижал к себе, закрывая своим телом от отца. Его шепот был горячим, сдавленным от злости, но твердым, как сталь клинка:

– Не слушай его, Отти! Он ничего не понимает! Клянусь звездами и тьмой под этим полом! Клянусь льдами Антарты! Ты будешь королевой! Настоящей! И весь этот гнилой мир прогнется у наших ног! Я сделаю это! Я!

БЕРЕГ ЧУЖИХ РЕК

Словно вынырнув из чрева земли, лодка вырвалась из сырого мрака тоннеля в ослепительное утро. Даже сквозь сомкнутые веки Элисфию пронзил резкий свет. Она глубже вжалась в грубую волчью шкуру. Скрип уключин, тяжкое, прерывистое дыхание Борея Балитера у весел – звуки доносились сквозь туман сознания. Открывать глаза она боялась. Страх цепко держал: а вдруг за веками вновь встанут кошмары Элимии? Стены, залитые багрянцем пожарищ, перекошенные ужасом лица... Пока что безопаснее притворяться беспомощной.

Закутавшись плотнее в шкуру, она попыталась отогнать тени минувшей ночи. Но они настигали, леденя душу: лицо Рамона, искаженное яростью, и мгновенная вспышка лезвия... Воспоминание вырвало тихий стон, заставило поежиться. Затем: смерть Рьяны и Грира... Картина всплыла, обжигая. Странная смесь чувств охватила: облегчение, страх и едкий стыд. Мари... Единственная, чья рука хоть изредка касалась ее с подобием ласки... превратилась в убийцу. А теперь и шрам на плече будет вечно напоминать о лжи и предательстве.

«Что ж, прятаться в воспоминаниях смысла нет, – пронеслось в голове. – Рано или поздно все равно придется отвечать за свой выбор.»

С этим горьким осознанием она сделала два глубоких, дрожащих вдоха и открыла глаза. Мир на миг погрузился в

слепящую белую муть, и она зажмурилась, ослепленная. Постепенно пятна и круги перед глазами рассеялись, уступая место картине, от которой перехватило дух.

Она видела небо. Тот привычный клочок свинцового неба, что она знала с детства, всегда имел границы – его можно было измерить промежутком между тронным залом и гигантской аркой. Здесь же у неба не было ни конца, ни края. Оно было пугающе, всепоглощающе бездонным, уходя в бескрайнюю, мутную высь. Его заполняли тяжелые, набухшие снегом тучи, плывущие куда – то вдаль, в неизвестные ей края.

Пальцы, в ногтях которых засохла чужая кровь, впились в грубый, обледеневший борт. Она медленно приподнялась, опасаясь, что видение рассыплется, – мир качнулся, и ее взгляд упал на воду. Морянова река была здесь шире, чем в тоннеле, темная, почти черная, подернутая редкими, хрупкими льдинками, что тихо звенели, сталкиваясь друг с другом. Она дышала морозным паром, и этот легкий, стелющийся туман колыхался над ее поверхностью, придавая и без того мрачному пейзажу зловещий вид.

Берега вставали стенами, поросшими искривленными, почерневшими от времени и стужи соснами. Их голые, обледеневшие ветви, похожие на костяные руки, тяжело скрипели и стонали на порывистом ветру, словно оплакивая кого – то. Снег лежал неровными одеялами – где – то белый и нетронутый, где – то прорезанный заячьими следами и утоп-

таннный в грязную, серую кашу. Черные, обнаженные скалы прорывались сквозь снежный покров, как ребра великана.

Где – то высоко в небе, почти растворяясь в серой пелене, прокричала стая каких – то птиц. Звук был одиноким и тоскливым. Элисфия никогда не видела таких птиц и не слышала такого грустного крика. Воздух, холодный и острый, как лезвие, обжигал ее легкие, вымотанные дымом и гарью, но он был на удивление чистым и пьянящим. Он пах хвоей, мокрым камнем и снегом – дикими, непривычными запахами свободы, которая пугала своей безжалостной, первозданной красотой.

Все это – и ширь неба, и угрюмая мощь леса, и леденящая стужа реки – было таким огромным, подавляющим. В Элимии все было обустроено, предсказуемо, заключено в каменные рамки. Здесь же царил хаос дикой, необузданной природы, и от этого становилось одновременно и страшно, и странно трепетно. Она была никем в этом огромном, безразличном к ее горю мире.

Борей Балитер, склонившийся над веслами, напоминал загнанного зверя. Мужик лет сорока шести, могучий, но изможденный до предела. Рыжие, с проседью волосы слиплись от пота, испарина стекала по вискам, смешиваясь с копотью и грязью на грубом лице.

«Устал как пес», – подумала Элисфия.

Она наблюдала, как напряжены его руки, слышала его хриплое дыхание. И этот звук, этот вид человека, совершив-

шего невозможное, наконец разбил оцепенение. Вопрос, который жег ее изнутри все это время, вырвался наружу сам, тихо и хрипло:

– Ты служил им?

Борей вздрогнул, весло чуть не выскользнуло из его рук. Он обернулся, уставшие глаза сузились.

– Что?

– Ты отдал ему копье. Тот воин. И он нас отпустил. Ты служил им все это время? Это был... план?

Он громко вздохнул, снова уставившись на воду, и сделал очередной взмах веслами.

– Нет, Элис. Я не служил им. Я служил тебе. Вытащить тебя – вот что было планом.

– И цена моей свободы – это копье? – голос ее окреп, в нем послышались стальные нотки. – Что это было? Почему он его взял? Почему это было так... важно?

– Это древняя вещь. Очень опасная. Он искал его. А я знал, где оно. Я предложил сделку, – его слова были отрывистыми, будто он выплевывал их. – Он получает то, что хочет. Мы получаем проход. Все.

– Все? – в ее голосе прорвалась истерика. – Ты отдал им какую – то силу, которая помогла им уничтожить мой город, убить всех, и говоришь «все»? Из – за этого они пришли? Из – за этого копья?

Борей резко повернулся, лодка опасно качнулась.

– Нет! Они пришли бы в любом случае. С копьем или без.

Они пришли за Хранителями. А копьё... копьё просто стало ключом, который открыл мне дверь. Понимаешь? Я использовал их вторжение как прикрытие! Пока они сражались с Лалией и Борогом, я мог вывести тебя. Без этой сделки мы бы оба гнили сейчас в развалинах Элимии!

Он почти кричал, его слова эхом разнеслись по реке. Он умолк, снова схватился за весла, дыша тяжело и неровно.

Элисфия смотрела на него, и ледяная ясность наконец сменила шок.

– Ты знал. Ты знал, что они придут. Тот воин... ты ждал его на площади. Ты отдал ему копьё заранее. Ты знал о резне и ничего не сделал.

Борей не стал отрицать. Его плечи сгорбились еще сильнее.

– Знал. Не все. Не в деталях. Но да... знал, что будет атака. И говорил тебе об этом. А ты отказывалась мне верить. Но сделать я мог только одно – спасти тебя. Один человек против армии – не воин. Он – труп. Я выбрал то, что мог выбрать.

Это признание повисло между ними тяжелым, ядовитым облаком. Оно не принесло облегчения, лишь придало страшному происходящему четкие, чудовищные очертания. Элисфия отвернулась, смотря на проплывающий берег. Ее рука произвольно легла на живот.

– И куда мы плывем теперь? – спросила она уже без надежды. – Кому ты нас снова продал?

– Юдора. Старая... знакомая. Она поможет. Дальше будет видно.

– Она поможет... А что она захочет взамен? Ничего не бывает просто так. Как и это копьё.

Борей снова напрягся. Это был тот вопрос, на который он не мог ответить честно.

– Не твоя забота. Это мой долг. Ты просто должна жить. Выжить. Для начала – просто выжить. Остальное... потом.

Наступило тягостное молчание, прерываемое лишь плеском воды о борт лодки. Элисфия почувствовала, как ядовитый жар в плече разгорается с новой силой, и невольно пожелилась. Дыхание сперлось от боли.

Борей заметил это. Он на мгновение замер, его взгляд скользнул по ее сжатому от боли лицу, задержался на темном пятне, проступающем на ткани плеча.

– Дай посмотреть, – его голос не терпел возражений.

Элисфия, не говоря ни слова, пальцами дрогнувшей руки отстегнула пряжку на плече и приспустила ворот платья, обнажив рану. Кожа вокруг была воспаленной и багровой, а сам порез – глубоким и зловещим.

Мужчина хмуро сжал губы, оценивая повреждение кивком, и лишь тогда принялся за дело. Он нащупал внутри своего плаща лоскут холщовой ткани, швырнул его в темную воду, выдернул обратно и с силой отжал, так что ледяные струйки побежали по его загрубевшим пальцам.

– Держи. Приложи прямо к краям. Хоть как – то, пока не

доплывем до пристанища, – бросил он, протягивая ей холодный комок.

Элисфия молча приняла тряпицу. Ледяной холод обжег кожу, но она лишь сжала зубы и прижала мокрый холст к ране. Острая, пронзительная боль заставила ее вздрогнуть, но почти сразу же леденящий холод начал притуплять жар, даря мимолетное облегчение.

– Спасибо, – тихо выдохнула она, не глядя на него.

Он лишь кивнул, коротко и деловито, убедившись, что она держит компресс, и снова взялся за весла. Лодка плавно заскользила вперед, разрезая черную гладь. Элисфия сидела, сжавшись, стараясь не двигать поврежденным плечом, и безучастно смотрела на проплывающие мимо берега, на темные очертания спящего леса.

Холод от влажного холста постепенно притуплял жгучую боль, но не мог победить пронизывающий холод утра. Внезапный порыв колючего ветра вонзился в легкие иглами, вырвав у нее сухой, надсадный кашель. Спазм стрельнул в плечо, заставив ее сжаться и чуть не выронить спасительный компресс.

Она стиснула влажный край лодки, пытаясь подавить дрожь, и набралась достаточно смелости, чтобы нарушить тишину, которую нарушал лишь плеск весел.

– А там... – голос ее сорвался на шепот. – За нами не будет погони?

– Нет, – рыжий усмехнулся сухо, как треск ломающейся

ветки.

– Откуда такая уверенность? – Элисфия наклонилась вперед, пытаясь поймать его взгляд.

Весла замерли. Борей повернулся медленно. На лбу выступили капли пота.

– Потому что место, куда мы направляемся – пробормотал он – не представляет для них никакого интереса. Армии Эпперли в Тебризе делать нечего.

– Ты знаешь как зовут командира? – удивилась Элисфия.

– Не слишком ли много вопросов для одной, измученной души? – ответил Борей, подняв весла. – Ты ранена, беременна, вся в крови... Разве не хочется отдохнуть, забыть обо всем хоть на миг?

«Беременна...»

Слово вонзилось в сознание, как клинок под ребро. Элисфия едва не вскрикнула, схватившись за живот – будто хотела вырвать из себя эту весть, это живое напоминание о Фотсменах. Глухая пульсация под пальцами казалась насмешкой: «ты носишь их клеймо». Пепел Элимии навсегда останется в ее жилах. Мир сузился до боли в плече и тяжести в утробе, а плеск воды и скрип весел превратились в монотонный фон для ее отчаяния.

– Долго еще плыть? – голос ее прозвучал хрупко, как первый ледок на весенней реке. Она сжала окровавленный подол платья, чтобы пальцы не дрожали, пытаясь хоть как – то вернуть себе контроль.

Борей не ответил. Лишь раздался тихий, сдавленный щелчок – его челюсть сдвинулась, сжавшись от немой досады. Он лишь сильнее налег на весла, и лодка рванулась вперед, будто торопясь оставить позади и этот неудобный вопрос, и молчаливую боль своей пассажирки.

Мысли Элисфии, утомленные болью и страхом, начали было обрываться, превращаясь в тяжелый, беспокойный туман. Но внезапно дно лодки с глухим скрежетом ткнулось во что – то твердое, швырнув ее всем телом вперед. Удар о борт вновь вырвал из горла сдавленный стон. Она инстинктивно вскинула голову, чтобы понять, что произошло, – и сердце ее провалилось в ледяную бездну.

Лодка замерла на илистом берегу. И прямо перед ними, на прибрежных камнях, окутанный клочьями морозного тумана, замер неподвижный силуэт.

Сначала Элисфия подумала, что это видение, порождение изможденного ума. Фигура казалась почти хрупкой. Длинный плащ ниспадал мягкими складками, скрывая очертания. И тогда она увидела лицо, на которое упал луч зимнего солнца.

Ей на вид было года двадцать четыре. Волосы, темные, как голые ветви деревьев в безлистный сезон, были сплетены в необычную, сложную косу, уложенную вокруг головы наподобие венца. Лицо с нежным овалом и легким румянцем на высоких скулах напоминало расцветающий бутон. Глубокие, пронзительные глаза, словно два темных озера, смотрели на

них с холодным любопытством. Она была облачена в простую, но ловко сшитую одежду из грубой холщовой ткани, и – Элисфия протерла глаза, думая, что ей мерещится – на ней были штаны, облегающие стройные ноги, заправленные в прочные, хоть и изношенные ботинки. В этой дикой местности она казалась порождением самой природы – суровой, но прекрасной.

– Юдора! – Борей бухнулся в воду, шлепая сапогами по жидкой грязи, разрушая хрупкое очарование. – Давно не виделась!

Женщина не ответила. Ее взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по Борю, а затем уставился на Элисфию. И в этот момент что – то в ней переменялось. Нежность черт куда – то испарилась, уступив место жесткой, почти хищной отстраненности.

– Еще бы не видеться столько, – ответила она наконец. Голос низкий, хриловатый, как скрип ржавых петель, никак не соответствовал ее цветущему виду. – Это из – за нее весь сыр – бор? – резко ткнула она подбородком в сторону Элисфии. Ее взгляд скользнул по девушке, словно лезвие, сдирая с нее последние покровы.

Элисфия инстинктивно отшатнулась, бросив немой, полный тревоги взгляд на Балитера. Контраст между внешнею и сущностью этой женщины был настолько разительным, что вызывал головокружение.

– Она друг, – тут же, словно прочитав ее мысли, отозвал-

ся Борей, вытирая мокрые руки о плащ. Его движения были резкими, нервными под пристальным взглядом Юдоры. – Элисфия, это Юдора Миствуд. Юдора, это Элисфия Фотсмен...

– Балитер... – внезапно, резко, перебила его девушка. Голос дрожал от слабости, но в нем звучала сталь. – Я Элисфия Балитер.

Борей замер на миг, затем уголок его губ дрогнул в смущенной ухмылке. Он потупился.

– Балитер... – голос Юдоры прозвучал тихо, но с такой силой, что Борей вздрогнул. – Да она же щенок слепой! – рваным движением она сбросила капюшон полностью, и Элисфия увидела, что в тех самых «озерах» – глазах плещется ледяная, не знающая пощады вода.

– Крадешь знатную леди, значит? – ехидно бросила Юдора, плюнув в воду. – Жаркая ночка выдалась? – Не дожидаясь ответа, она рванулась вперед.

Ее движения были резкими, но точными. Пальцы уверенно отдернули ткань на плече Элисфии, осматривая рану. Девушка резко вскрикнула от неожиданности и боли. От Юдоры ударило дымом, конской сбруей и чем – то лекарственным.

– Откуда рана? Ты же говорил, что все пройдет гладко! – ее слова били, как молот. Борей под этим напором скукожился, беспомощно развел руками.

– План, знаешь ли, редко переживает первую стычку с

врагом, – пробурчал он в оправдание.

– Ладно, к черту разговоры! – бросила Юдора, развернулась и засемила к телеге. Взяв мешок, вернулась. – Я – Юдора Миствуд – ткнула она себя в грудь. – Здесь я закон. Ты выживешь – расскажешь сказки. Не выживешь – сэкономишь мне время.

Борей, кряхтя, помог Элисфии выбраться из лодки. Ноги подкосились, она шатнулась, едва не рухнув в грязь. Юдора наблюдала с каменным лицом.

– Держись, девочка, – бросил Борей, поддерживая ее под локоть. – Почти приехали.

– «Почти» убитого до места не довезет, – отрезала Юдора. – Садись, не дергайся, – рывкнула она, доставая из мешка аккуратно перевязанный сверток.

Ловко развернула, обнажив горстку мерцающего, почти серебристого порошка, от которого вился холодный пар. Не церемонясь, Юдора щедро набрала порошок и втерла его прямо в рану.

– Ай! – вырвалось у девушки. Порез вспыхнул ледяным огнем. Боль была пронзительной, но леденящий холод быстро перебивал жар, оставляя терпимое онемение.

– Что это было? – выдохнула Элис.

– Искрящаяся Пыль, – бросила Юдора, сверкая глазами. – С Зеркальных островов. Вытянет грязь и воспаление. Скоро полегчает.

– Благодарю за вашу доброту, леди Миствуд, – прогово-

рила Элисфия сквозь дрожь, все еще пытаюсь найти в этой грубой женщине следы той нежной внешности.

Женщина громко фыркнула, но в уголках глаз заплясали искорки смеха.

– Леди? – ехидно переспросила она, подняв бровь. – Ты слышал, Борей? Отныне величай меня «Ваша Светлость»! – распрямилась, уставившись на рыжего.

– Провались ты пропадом, – буркнул Борей, отворачиваясь, чтобы скрыть ухмылку. – У нее и без того голова размером с тележное колесо.

– Не бери в голову, дорогая, – махнула рукой Юдора, голос внезапно стал обычным, почти теплым. – Я не леди. Никогда не была. Кличут меня просто Юра. Те, кому доверяю. – Взгляд смягчился, мелькнуло что – то теплое. Элис почувствовала, как это тепло пытается растопить лед в душе, но внутри сжалось:

«Доверять? Чувства уже раз обманули...»

– Как вам будет угодно, – сухо кивнула она.

Искрящаяся пыль действовала. Ледяная волна расплзлась от раны, заглушая боль. Решив, что окрепла, Элис осторожно встала.

– Замечательно, – промолвила Юра, улыбка мягкая, но взгляд вдруг стал острым, цепким. Он скользнул вниз, задержавшись на едва заметной округлости под тканью. – Ты носишь дитя? – спросила она прямо, вся теплота испарилась.

– Да, – тихо, но твердо ответила та.

Тишина повисла, густая. Юра замерла. Лицо окаменело. Только холодная ярость закипала в глазах. Она медленно повернула голову к Балитеру. Воздух вокруг снова начал мерцать.

– Ди – тя? – прошипела она, каждый звук падал, как камень. – Борей... – голос стал низким, опасным. – Мы не договаривались о ребенке.

Слова Юры обрушились на хрупкие плечи Элисфии. Стыд и страх сжали горло. Инстинктивно она прикрыла руками живот.

– Думаю, нам пора ехать, – резко сказал Борей, отводя взгляд. – Чем быстрее доберемся, тем лучше.

– Пожалуй, – отрезала Юра, голос гладким, как лезвие. Ее опасный взгляд перешел с Борей на Элисфию, задержался на руках, прикрывающих живот. – Благо путь не близкий... – Внезапно она рванулась к телеге, схватившись за борт так, что дерево скрипнуло. Движение нервное, резкое.

Борей, стиснув зубы, грубо впился пальцами в локоть Элисфии.

– Поторапливайся! – прорычал он, почти волоча ее по жидкой грязи. Он грубо подтолкнул ее в солому в кузове. Она ударилась боком, застонав.

– Осторожнее, дуболом! – крикнула Юдора, уже сидя на козлах и беря вожжи. – Сломаешь товар до того, как мы успеем им воспользоваться!

Балитер рывком вскочил на козлы рядом с ней, схватил

вторую пару вожжей. Юдора, одним плавным движением перекинула ногу через борт и опустилась прямо напротив Элисфии, в дальний угол. Спиной к движению, лицом – к девушке. Холодный, оценивающий взгляд впился в Элис.

Она инстинктивно вжалась в солому. Присутствие Юдоры напротив ощущалось физической преградой. Солома колючая, кузов – тесная клетка.

Телега скрипнула, рванувшись с места. Лошадь дернула оглобли. Они вырвались из прибрежных ив. Лес редел, деревья становились корявыми, почерневшими великанами. Воздух наполнен запахом прелой листвы и болотной затхлостью. Где – то вдали каркнула стая ворон.

Борей, сидевший на козлах, неестественно напряженный, постоянно косился через плечо – не на дорогу, а на них. Взгляд тяжелый, тревожный.

«Он знает куда ехать? Как глубоко его связи с Юдорой?» – мелькнуло у Элисфии.

Тишину в телеге прорезал голос Юры. Ровный, без эмоций:

– Когда рожать?

Элисфия вздрогнула.

– Что? – вырвалось.

Юра медленно повернула голову. В глазах – ледяная скука и презрение.

– Мало того, что щенок слепой, так еще и глухой? – прошипела она. – Рожать. Когда. Я спрашиваю.

Борей обернулся, его лицо выражало немое предостережение, но он промолчал, снова уткнувшись в дорогу.

В груди Элисфии что – то лопнуло. Страх смыло волной старой, выстраданной ненависти. Она выпрямилась, встретив взгляд Юры своим – внезапно твердым и ясным.

– Я не собираюсь никого рожать, – голос прозвучал тихо, но с стальной убежденностью.

Юра не моргнула. Только приподняла бровь, в ее глазах мелькнул холодный интерес.

– Вот как? – протянула она, губы сложились в тонкую, безжалостную полоску. – И что, милая, ты собираешься сделать с этим комочком плоти у себя в утробе? Выплюнуть? Или у тебя есть план получше?

Элисфия почувствовала, как по спине бегут мурашки, но отступать было некуда.

– Есть травы. Отвары. Я знаю ритуалы... – начала она, но Юдора грубо перебила.

– Травы? – фыркнула она с таким презрением, что Элисфия почувствовала себя несмышленным ребенком. – И ты думаешь, твой благородный желудок выдержит ту дрянь, что продают в здешних трущобах? Или ты собираешься просунуть себе в глотку стилет? Выход – то, красавица, всегда один. Ты либо рожай, либо подыхай. Третьего не дано.

– Юра, хватит! – резко обернулся Борей, его лицо исказила гримаса боли и раздражения. – Оставь ее! Не время для твоих циничных уроков!

И это стало последней каплей. Словно плотина прорвалась. Годы унижений, боль потери Элимии, ярость от предательства Мари, омерзение к тому, что растет внутри – все это вырвалось наружу единым ядовитым потоком.

– НЕ НАДО МЕНЯ ЖАЛЕТЬ! – крикнула Элисфия, и ее голос, сорвавшийся на визг, заставил Борея вздрогнуть. Она впилась взглядом в Юдору, глаза ее горели мрачным огнем. – Ты спрашиваешь, что я собираюсь ДЕЛАТЬ? Я вырву эту гадину из себя! Крюком, раскаленной кочергой, грязным ножом – МНЕ ВСЕ РАВНО! Я буду скрести себя до кости, пока не выскребу из себя все, что от него осталось! Если же он посмеет родиться... – ее голос опустился до зловещего шепота, а рука легла на живот с такой силой, будто хотела раздавить его изнутри, – ...я зажму ему рот и нос своей рубашкой. Я размозжу его голову о камень. Я оставлю его в снегу на съедение волкам. Он не сделает НИ ОДНОГО ВЗДОХА в этом мире. Никогда. Это не дитя. Это червь. Паразит. И я его убью.

Воздух в телеге сгустился, стал тяжелым и горьким. Даже лошадь, казалось, замерла. Карканье ворон стихло. Элисфия сидела, тяжело дыша, и смотрела на них, выжидающе. Гнойник лопнул. Она сказала вслух то, что годами носила в себе, и странное, леденящее облегчение разлилось по жилам. Она знала рецепт. И этот рецепт был написан кровью и ненавистью.

Юра молчала. Лицо – непроницаемая маска. Только гла-

за, узкие щелочки, сверлили Элисфию, взвешивая каждую каплю ненависти. Холодный интерес хищника.

И вдруг... Тишину разорвал смех. Громкий, залиvistый, истеричный. Звучал жутко. Юдора запрокинула голову, трясясь от хохота, похожего на лай больной собаки. Длилось это несколько мгновений. Потом резко оборвалось. Юра вытерла мокрые глаза – в них не было веселья, только лед.

– Слышал, рыжий? – голос ее прозвучал внезапно тихо, с материнской усталостью. Она свесила кисти рук, ткнула грязным пальцем в сторону Балитера. – Твоя девчонка при любом раскладе –дохлая тушка. Решит избавиться –сдохнет от кровотечения или заразы. Полезет рожать –порвется, как тряпка, или дите ее задушит изнутри.

– Хватит, Юра! – рявкнул Борей, оборачиваясь. Его лицо было бледным. – Не пугай ее!

– Я не пугаю, я констатирую! – парировала она. – Ну, ладно... – махнула рукой, – допустим, чудо. Выжила. Родила. А дальше что? Месяц лежать пластом? Год нянчить сопляка? А чего – чего, рыжик... – она наклонилась вперед, шепот стал змеиным, – ...а времени – то у нас нет. Совсем.

Борей съежился. Спина напряглась. Он беспомощно поводил плечами. Голос сорвался, виноватый:

– Я делал все, Юра! Клянусь Дхаром! – обернулся, лицо искажено мукой. – Вывести ее чистой, нетронутой – дык, цель же была не в этом! Но так вышло! Придется ждать! Ждать, пока... – он запнулся, с отвращением выдохнул, – ...

пока разродится!

– Ну уж нет, старый! – как пантера, Юдора перебралась через борт и грузно опустилась рядом. Рука легла ему на плечо – тяжело, как камень. – Уговор, Балитер, был кристально чист. Я – копьё нашла. Я – девчонку в Око вывезла. А ты... – палец впился в грудь, – ...ты потом – со мной. По моей проблеме. Никаких «придется ждать». Никаких «разродиться». Ты мне должен. Здесь и сейчас.

Элисфия затаила дыхание.

«Копьё... Так Юра его нашла? Зачем? Око? Долг Борея?»

– Я помню, что обещал, – пробормотал Балитер, сбрасывая ее руку. – Но клянусь тенями предков, в том, что случилось... – кивнул в сторону Элисфии, – ...моей вины нет!

Юдора снова закатилась. Смех откровенно безумный. Она откинулась, хлопая по коленям, потом резко замолкла, уставилась на Элис. Взгляд наглый, оценивающий, циничный.

– Было бы чертовски странно, – с преувеличенным удивлением, – если б ты, плешивый пес, к такому изяществу причастен оказался. Тебе с леди якшаться? Ха! Ты и то, рыжий, не знаешь, с какого боку к ней подступить, кроме как за руку держать, чтоб не сдохла по дороге!

Борей побагровел, стиснул зубы. Он рванул вожжи. Лошадь фыркнула, прибавила шаг. Телега заскрипела, увозя их глубже в мрак леса.

Оставшейся путь проделали в гнетущем молчании. Юдо-

ра сидела, застывшая. Борей уткнулся в вожжи. Элисфия была погружена в себя. Обида и ярость кипели. Мысли металась, выуживая из памяти уроки Красной Доры – травы, отвары, ритуалы. Но сквозь боль пробивалось жгучее любопытство.

Лес редел. Воздух менялся: терпкий запах хвои вытеснялся новыми ароматами – пряным дымком, гарью, чем – то соленым, влажным. Запах мира за Элимией. Он пугал и манил. Разочарование смешивалось с трепетом.

Телега выползла на вершину холма. Резкий порыв ветра ворвался в легкие, заставив Элисфию вздрогнуть. Он принес смесь запахов: подгнившей воды, нечистот, ржавого металла, гари.

Юдора соскочила с козел. Элис угрюмо подняла взгляд. Перед ней, в дымчато – серой дымке, лежал Тебриз.

Зловещий. Завораживающий. Узкие, кривые улочки вились между домами, похожими на нагромождение грязных ящиков. Крыши утыканы остроконечными трубами, изрыгающими едкий дым. Взгляд скользнул к водным каналам – темным, маслянистым жилам, полным застойной тины. Но все это меркло.

На краю города, врезанный в скалу, возвышался чудовищный замок. Он не стремился ввысь, а расплзался по склону, как нагромождение гигантских, грубых глыб, слившихся воедино. Его стены были сложены из темного, будто пропитанного кровью камня. А высоко над ним, на месте, где, должно

быть, когда – то стояла главная башня, зияло плоское, гладкое кольцо из черного камня – гигантское, бездушное Око. Оно буравило пустотой. Элисфии показалось, что его взгляд пронзил холм, обнажая все ее страхи. Холодная волна страха пробежала по спине.

– Что это? – вырвался у нее испуганный шепот. Она невольно отпрянула, уставившись на зловещее кольцо.

Борей остановил телегу. Плечи его напряглись. Он медленно повернул голову. В глазах – бездна древнего ужаса. Голос опустился, стал мрачным, тяжелым:

– Хеллфорт. Тебриз.

– Хеллфорт? – переспросила Элисфия, не понимая. – Что это такое? Я читала о крепостях, но... это не похоже ни на что из известного мне.

Борей мрачно усмехнулся, проводя рукой по лицу, смывая с него усталость и грязь дороги.

– Это и не просто крепость. Хеллфорты... это алтари. Гигантские алтари для подавления всего живого. Первый из них, «Кровавый Бастион», заложил сам Фаларис Келлхайн, едва усевшись на узурпированный трон. Символ власти, инструмент террора и... гигантский ритуальный комплекс. – Он кивнул в сторону мрачного строения, и в его глазах мелькнуло что – то древнее и потустороннее. – Тебриз был щитом и клинком против Элимии. Его камни, магнитный железняк и вулканический туф, должны были гасить ваш свет, вашу магию. Создавать вокруг себя выжженную,

безжизненную пустыню, где не могло выжить ничто, что питается теплом Богини – Матери.

Элисфия смотрела на него с растущим недоверием и ужасом.

– Келлхайны? – переспросила она. – Я читала хроники... но это было так давно. Кто они такие? И зачем... зачем им было нужно нечто столь чудовищное?

Борей тяжело вздохнул, будто сам вопрос был для него неподъемной ношей.

– Келлхайны... – он произнес это слово с горькой усмешкой. – Древний род. Они правили этими землями задолго до Артбеллов. Железной рукой. Их империя была высечена из камня и орошена не водой, а страхом. – Он помолчал, глядя на зловещий контур Хеллфорта. – А зачем это нужно? Кто ж их знает, что двигало этими умами, сросшимися с тьмой. Власть? Да, конечно. Но не только. Говорили... – он понизил голос, словно боясь сглазить, – ...что они не просто строили крепости. Они проводили ритуалы. «Укладку Камня». Вплетали в камень боль, отчаяние, саму жизнь принесенных в жертву, чтобы усилить свою мощь. Чтобы сама земля дрожала под их ногами и подчинялась их воле. Тебриз был самым сильным их детищем – клинком, направленным прямо в сердце вашего света.

Он резко оборвал себя и тряхнул головой, словно стряхивая наваждение.

– А потом пришли Артбеллы со своими новыми богами

и новыми порядками. И Келлхайны пали. А их творения... остались. Как шрамы на лице земли. Как это Око, что смотрит в пустоту. Никому не нужные, кроме отбросов да беглецов вроде нас.

Его рассказ повис в холодном воздухе, и Элисфия почувствовала, как по коже пробежал ледяной холод. Это было не просто описание крепости. Это была история болезни целого мира, и она с ужасом понимала, что теперь стала ее частью.

Элисфия смотрела на него с недоверием.

– Откуда тебе все это известно? Ты что, строитель? Летописец?

Борей отвернулся, его взгляд блуждал по очертаниям мертвой крепости.

– Часто бывал здесь в былые годы. По делам. Слушал старые сказки у костра от таких же бродяг, как я. Пили с контрабандистами, что ютились в его туннелях. Они любят хвастаться, что живут в «чреве исполина». Много слышишь, когда язык развязан вином и страхом. – Он говорил уклончиво, и Элисфия почувствовала, что это далеко не вся правда.

– А это... Око? – настаивала она.

– Постамент. Основание статуи. – Борей сглотнул. – Когда – то там стоял Келгар Первый «Незрячий». Из черного базальта. Отвернулся от Элимии, плевал на ваш свет. А потом... потом крысы взбунтовались. Снесли статую. Стерли память. Осталось лишь это Око. Напоминание о слепоте лю-

бой тирании. – Он фыркнул. – Теперь здесь живут отбросы. Беглые, еретики, контрабандисты. Живут на костях империи, которую не в силах понять.

– Добро пожаловать в Тебриз, – голос Юдоры прозвучал как скрежет камня.

Она уже вернулась и стояла рядом, ее взгляд тоже был прикован к Оку.

– Гниль, воровство и отбросы. Здесь не жди хлеба – соли. Следи за кошельком крепче, чем за девственностью, а одна по этим щелям – она ткнула пальцем в лабиринт улочек, – и шагу не ступай. Мясо свежее.

Бросив совет, Юдора двинулась вниз по холму. Элисфия проводила ее взглядом, сердце бешено колотилось. Она снова подняла глаза к Оку. Страж. Проклятие. Ничего общего с воздушными башнями из книг. Щемящее разочарование и ужас сжали горло. Она стояла на краю неизвестности. Мир оказался не освобождением, а другой клеткой.

Борей грубо дернул поводья. Лошадь двинулась вниз след за Юдорой. Элисфия покорно поплелась, ноги шлепали по грязи.

Борей повернулся, грубо схватил Элисфию за локоть.

– Давай наверх, – буркнул, подталкивая к козлам.

Сжав зубы, она ухватилась за скользкое дерево. Борей дернул ее вверх. Она тяжело рухнула на сиденье рядом.

– Нам... нужно туда? – голос смешал надежду и страх перед каменным чудовищем.

Борей не обернулся, ответил глухо:

– Нет. Юра живет восточнее. Подальше от этой... падали. – Кивнул на Тебриз. – Шума не терпит. Лишних глаз – тем паче.

Они ехали молча. Тяжелая тишина. Ночь и день слились для Элисфии в кошмар. Физическая боль – лишь фон. Главная мука грызла изнутри – осознание, что в ней живет, дышит, растет Фотсмен. Чужеродное, ненавистное семя. Эта мысль – раскаленное железо в душе. Раны будут нарывать. Кровоточить. И не только на теле. Предстояло решать. Судьбу. Выбор, от которого стыла кровь. Она смотрела вперед в сгущающиеся сумерки, под бездушным взглядом Ока Тебриза, и весь огромный, чужой, враждебный мир казался одной сплошной, незаживающей раной.

Когда телега замерла у дома Юдоры Миствуд, сумерки сгущались в синеву. Воздух влажный, прохладный, но не мог смыть костную усталость. Каждый мускул ныл, ноги горели, голова гудела. Веки свинцовые. На козлах она едва не провалилась в дрему.

Борей затормозил. Элисфия лениво подняла взгляд. Неприметный, серый дом сливался с сумерками. Окна – темные глазницы. Но уверенная поступь Юдоры рассеяла впечатление заброшенности. Пахло сырой землей, прелой листвою и близкой водой.

– Пойдем, – услышала она голос Борей. Он стоял, протягивая руку. – Приехали.

Но тело стало чужим, тяжелым. Она лишь повернула голову, взгляд пустой. Балитер понял. Лицо смягчилось. Он осторожно подался вперед, обхватил ее. Запах дорожной пыли, конского пота, оружия и мужского тепла обволокло, когда он бережно снял ее с козел и понес к дверям. Она безвольно обвила его шею здоровой рукой, голову положила на грудь.

Едва переступили порог, из темноты раздался голос Юдоры:

– Клади ее к окну. Уж простите, Ваша Светлость, – голос сухой, но без колкости, – перины не стелила. Надеюсь, царственные кости не свербят.

Элисфия едва восприняла слова. Спорить не было сил.

Теплый, оранжевый свет озарил угол комнаты. Юра зажгла масляный фонарь, поставила на пол. Борей зажег второй. Комната проснулась в мягком свете.

Первое, что бросилось в глаза Элисфии – две узкие кровати у стены. Аккуратно застелены. Словно ждали... Грусть кольнула. Юдора отвернулась, скрылась у печи. Послышалось потрескивание дров, поплыло тепло. Справа у окна – простой стол и три стула. Для семьи. Слева – две двери.

Элисфия полулежала на широкой скамье, обитой грубой, но мягкой тканью. Борьба окончена. Она неловко сдвинулась, легла на бок, подтянув колени. Мир поплыл, звуки отдалились. Тепло от печи и неподвижность подложили под сознание одеяло забвения. Она провалилась в бездонный сон. Только тишина и долгожданное ничто.

ЗА ЯЩЕРОВЫМ ХРЕБТОМ

Сознание ускользало, как мокрый камень из ослабевшей руки. Оно было ключьями тлеющей ваты, плавающими в кипящем масле боли. Каждый удар сердца отдавался в висках тяжелым молотом, а в сломанных ребрах под левым боком что – то шевелилось – острое, влажное, живое. Раймонд из последних сил впивался пальцами левой руки в грубую шерсть плаща Адеи. Не для того, чтобы держаться – чтобы помнить, ради чего он еще не рухнул с седла в грязь под копыта Тайнана.

Его правая рука, туго перетянутая окровавленными полосами, сорванными с ее нижней юбки, пылала. Казалось, внутри вместо кости тлеет раскаленный уголь. Он сидел позади Адеи, на могучем вороном жеребце, и, чтобы мир не опрокидывался с каждым шагом лошади, прижимался лбом к ее спине. Холодной. Недвижной. Как каменная плита на гробнице.

Он был зверем. Загнанным, изувеченным, вырвавшимся из капкана ценою плоти и кости. И теперь этот зверь, на последнем издыхании, волок свою самую страшную добычу – собственное горе – к единственному месту, где, быть может, еще оставался запах безопасности. Не защиты. Нет. Лишь призрачная тень покоя, которого уже не будет.

Они ехали часами, или днями, или одной растянутой в

вечность минутой. Время спуталось, как старая пряжа. Перед ними, на горизонте, нависал Ящеров Хребет. Не монумент, а стена, воздвигнутая самим миром, чтобы отгородить один ужас от другого. Серый камень, клыки пиков в вечных снегах – да, они напоминали хребет исполинского ящера, заснувшего в начале времен. Они внушали первобытный трепет, но для Раймонда теперь были лишь воротами. Воратами в другое чистилище.

Дорога, раскисшая от талого снега и дождей, вилась змеей через перевал. У подножия лес стоял голый и черный, словно обугленный. Ветви, как кости мертвецов, цеплялись за низкое, свинцовое небо. Но по мере подъема воздух начал меняться. Морозную хватку с южных склонов пробивала странная, влажная дрожь. Здесь уже цеплялись за жизнь колючие кущи можжевельника, темнели пихты, укутанные в одежды из мха. А когда они перевалили через гребень и начали спускаться, Раймонд сквозь горячечный туман в голове уловил запах. Сперва едва уловимый, потом все явственнее. Терпкий, свежий, пьянящий. Запах влажной земли, цветущих цитрусов и горькой надежды.

Зима здесь отступала, побежденная упрямым дыханием Тигрового моря. Снег лежал лишь в грязных, тающих клочьях, похожих на проказу. А на склонах, подставленных под ласковое небо, стояли ровными рядами корявые, приземистые деревья. Их темно – зеленые листья отбрасывали блики, а среди листвы горели, как маленькие солнца, невероят-

но желтые плоды. Лимонные сады. Жизнь, плюющая в лицо северной стуже.

Чем ближе они подъезжали к портовому городку, тем чаще встречались люди. Погонщики с ослиами, навьюченными тюками с цитронами; старики, чинившие плетеные изгороди; дети, гонявшие по грязи обруч, сбитый из виноградной лозы. Городок Лимонные Сады дышал сытым, довольным миром. Аккуратные домики из выбеленного известняка под черепичными кровлями, узкие, но выметенные мостовые, стойкий запах жареной сардины, морской соли и смолы.

И это самое благополучие оборачивалось на них, как удары бича. Взгляды – любопытные, испуганные, брезгливые – прилипали к ним, впивались в спину.

«Великий Дхар... да это же Адея, старшая дочь Гордона...»

«...Мать Дана, на что похож ее муж? Весь избитый, в грязи...»

«Морской волк, Виктором звали... Смотрел бы ты на него теперь.»

Раймонд слышал обрывки шепота сквозь нарастающий гул в ушах. Ему было плевать. Весь мир сжался до хрупкой, недвижимой спины перед ним и до воли, которую он сжимал, как последний оплот, чтобы не рухнуть здесь, на глазах у этой сытой, спокойной, отвратительной жизни.

Наконец, Тайнан, фыркнув, остановился у невысокого, в один этаж, дома на окраине, третьего от угла. Построенный

из темного, почти бурого дерева, с низкой, приземистой дверью и маленькими, словно щели, оконцами, он казался частью самой земли.

Раймонд попытался сам соскользнуть с седла, но мир опрокинулся, закружился. Он, глухо застонав, тяжело оперся о потный круп коня. Его тут же подхватили. Сильные, знакомые руки, от которых пахло мокрой глиной, дымом очага и потом.

– Виктор? Адея – Линн? – голос Гордона, обычно глухой и спокойный, дрогнул, в нем послышалась трещина. – Марго! Иди сюда! Живо!

Дверь распахнулась, ударившись о косяк. На пороге, заслонив собой скудный свет изнутри, возникла Маргарита. Ее глаза, острые, как шило, за секунду окинули их, выхватывая детали: зять, превращенный в окровавленное месиво, едва стоящий на ногах. И ее дочь. Ее Адея, сошедшая с коня словно во сне, движенья ее были замедленны и пусты. Лицо, всегда бледное, теперь было прозрачным, как пергамент, а фиалковые глаза, всегда столь живые, смотрели внутрь себя, не видя ничего вокруг. В них не было ничего. Ни ужаса, ни горя. Ничего.

В следующее мгновение Маргарита была рядом. Ее шершавая, мозолистая ладонь легла на его лоб, на его вспотевшие, залитые кровью волосы.

– В дом. Сейчас же. – Ее голос не терпел возражений. В нем был стальной стержень, выкованный годами тягот и ли-

шений.

Их втянули в главную комнату. Она была тесной, но крепкой. Солнечный луч, пробившийся сквозь запыленное слюдяное окошко, падал на дубовый стол, грубые лавки, на сундук у стены. Пахло дымом, сушеным чабрецом и кислым хлебом. Раймонда, почти без сознания, поволокли к широкой кровати за потертым занавесом в углу – в родительскую спальню, единственную комнату с дверью.

Мир плыл, распадаясь на острые, болезненные осколки. Он чувствовал, как грубые, но осторожные руки Гордона укладывают его на скрипучую кровать. Видел, как Маргарита, сжав до белизны губы, коротким ножом разрезает его запачканную кровью и грязью тунику. Услышал сдавленный, как у раненого зверька, вскрик младшей сестры Лауры, когда та поднесла таз с водой и увидела сине – багровые, расплзающиеся по его боку подтеки и неестественный, жуткий изгиб правой руки.

– Держи его, – бросила Маргарита, и Гордон всей своей тяжестью навалился на него, прижимая плечи к промятой перине.

Боль была белой. Белой и ревушей. Она смывала все, как волна прибоя, и он тонул в ней, захлебывался, чтобы на мгновение вынырнуть, судорожно глотая спертый, прокопченный воздух. В эти краткие мгновения ясности он видел ее. Адею. Она сидела на табурете у стены, ее руки безвольно лежали на коленях, а взгляд был пуст и направлен куда – то

сквозь него, сквозь стены, в никуда. Он попытался сказать ей что – то, просить прощения, назвать ее имя, но из горла вырывался лишь хрип, похожий на предсмертный хрип утпающего.

Маргарита обрабатывала раны. Ее движения были резкими, безжалостными и точными. Она ощупывала его ребра, и Раймонд, стиснув зубы, закусил нижнюю губу, пока не почувствовал во рту теплый, соленый вкус крови.

– Что случилось, Виктор? – ее голос был низким, натянутым, как тетива. – Говори. На вас напали? Разбойники в горах?

Раймонд молчал, пытаясь совладать с новой волной тошноты и боли. Ответ пришел из угла. Тихий, ровный, лишенный всякой интонации голос Адеи прозвучал, как погребальный колокол.

– У меня был ребенок.

Руки Маргариты замерли. Гордон застыл, не ослабляя своей медвежьей хватки. В комнате воцарилась тишина, такая густая и тяжелая, что даже треск поленьев в очаге не мог ее нарушить. Казалось, сам воздух застыл, замедляя бег времени.

– Что? – выдохнула Маргарита, медленно поворачиваясь к дочери. На ее лице было непонимание, будто она услышала слова на чужом языке.

– Ребенок, – повторила Адея тем же мертвым, деревянным тоном. – Он родился мертвым. В горах. Мы его сожгли.

Сначала на лицах родителей читался лишь шок, ступор. Потом, медленно, как поднимающаяся из болотной топи стужа, пришло осознание. Оно наползало, леденило души. Радость внука, которой они были лишены. Надежда на продолжение рода, обернувшаяся кошмаром. Горе, ударившее с такой силой, что от него перехватило дыхание. У Маргариты задрожала нижняя губа, но слез не было – лишь сухая, беззвучная паника. Гордон опустил голову, его могучие, привыкшие к труду плечи сгорбились, будто под невидимым грузом. Старик внезапно сморщился, стал старым.

– Дочка... Адея – Линн... – начал он, но слова застряли в горле, превратились в хриплый шепот.

Адея поднялась. Ее движения были лишены всякой цели. Она подошла к старому сундуку, откинула тяжелую крышку и достала оттуда что – то. Старую, потрепанную тряпичную куклу, с выцветшими нитями волос и двумя точками – глазами, когда – то вышитыми ее матерью. Она прижала эту истлевшую память о детстве к своей груди, к тому месту, где теперь была лишь пустота. И, не глядя ни на кого, не сказав больше ни слова, вышла из комнаты. Дверь за ней закрылась с тихим, но окончательным щелчком.

Раймонд видел, как щель между дверью и косяком исчезла. Он хотел крикнуть. Кричать до хрипоты, до кровавых слез, звать ее, требовать, чтобы она вернулась, чтобы она посмотрела на него, ударила, прокляла – что угодно, лишь бы не это мертвое, ледяное молчание. Но тьма, копившаяся все

эти дни и недели, та тьма, что начала свой путь еще в заснеженных ущельях у Хребта, наконец накрыла его с головой. Боль, усталость и всепоглощающее отчаяние переломили последний остаток воли. Его сознание, как камень, сорвалось с обрыва и погрузилось в глубокий, беспробудный мрак, где не было ни боли, ни горя, ни этого ледяного ужаса за женщину, которую он любил больше жизни и которую не смог уберечь.

ВОЛЯ, ЗАКОЛЕННАЯ В ОГНЕ

Холодный воздух снаружи шатра ударил в лицо Ханара Эпперли, не освежив, а лишь сменив душную тяжесть видения на физический озноб. Он стоял, вглядываясь в замерзший лагерь, в бездушные шеренги трайтеров. Внутри него бушевал хаос, более страшный, чем любая битва. Образы из шатра – ненависть в детских глазах, пламя, пожирающее его воинов, – вцепились в сознание, угрожая подточить саму основу его воли.

Действие. Только действие. Мысль пронеслась, ясная и единственно верная. Он должен был двигаться, чувствовать мышцы, слышать скрежет стали. Без раздумий, привычным жестом он схватил верную секиру и шершавый точильный камень. Ноги сами понесли его прочь от лагеря, от давящего безмолвия его «победы», туда, где густели сумерки леса.

Добравшись, Ханар втянул воздух полной грудью. Резко, глубоко. Воздух был чист, лишен вони пота, крови и гари. Ручей предстал шире, чем он думал. Течение – тихое, по-

чти беззвучное, но мощное. Темная вода катилась меж берегов, окаймленных причудливыми наростами льда, похожими на застывшую пену. Конец южной зимы в Антарте. Снег лежал пятнами, пористый, пронизанный черными иглами хвои. Земля кое – где проглядывала – темная, мерзлая, ждущая. Воздух звенел от хрупкого холода, каждый выдох Ханара превращался в короткое, яростное облако.

Он прошел вдоль воды, сапоги вязли в подтаявшем снегу у кромки. Взгляд, привыкший выискивать угрозы, отметил валун – плоский, темный, омытый струями. Подходящий. Эпперли опустил на камень тяжело. Секира легла поперек мощных бедер, лезвие, отполированное до зеркального блеска, холодно отсвечивало в скупом свете. Острое? Да. Смертоносное? Бесспорно. Но ритуал точения был не о необходимости. Он был о сосредоточении. Очищении. О звоне стали, вытесняющем шепот видений.

Камень с сухим шипением лег на грань. Первый уверенный взмах руки – резкий скрежет заполнил тишину леса, отрывистый и твердый, как удар сердца перед сечей. Ханар склонился над оружием, могучие плечи напряглись. Взгляд, обычно буравящий пространство, обратился внутрь, в темные глубины собственных мыслей, которые предстояло выковать в нечто твердое и ясное, как сталь под его руками. Скрежет камня стал единственным звуком его раздумий – ритмичным, неумолимым, мужским.

Скрип... Скрип... Скрип...

«Мальчик. С карими глазами. Он выжил. Он вырос. И он ненавидит меня не как солдата, не как завоевателя... а как убийцу его семьи. Как монстра.»

Скрип... Скрип...

«И эта ненависть... она дала ему силу. То самое Пламя. Оно родилось из его потери. Из его боли.» Лезвие дрогнуло. «А что породило меня? Что дало силу Ханару Эпперли?»

Скрип...

Воспоминание, острое как осколок: пепелище. Вонь горелого мяса и дерева. И он, маленький, одинокий в море пепла. И появляющийся из дыма Исиндомид.

«Твой род вырезан в междоусобии,» – вот и вся история, вбитая в него, как гвоздь. Ни лица матери. Ни отца. Ничего, кроме пустоты и воли старого колдуна.

Скрип...

«Стала бы она? Моя мать. Рвать глотки за меня, как Тея за своих сыновей?» Мысль ударила с невероятной силой. И следом – леденящее осознание: «А что, если не было никакой междоусобицы? Что, если Исиндомид... выкорчевал меня из другой жизни? Сделал тем, кто я есть?»

Мысль ударила, как кузнечный молот по наковальне. Гулко. Тяжело. И следом – ледяное жало: А не врал ли Исиндомид? Всю жизнь? Не он ли...? Зачем выдергивать щенка из пепла, чтобы выковать из него... это?

Скрип умолк. Тишина леса оглушила. Даже ручей приглушен. Дар или кандалы? Мысль пронеслась, острая. Ответа не

было. Только потребность увидеть. Не глазами воина, привыкшими к крови и дыму.

Он медленно, почти неохотно, отложил секиру в сторону. Холодный металл глухо стукнул о подтаявший снег. Верная сталь – простая, предсказуемая. То, что он собирался сделать, было иным. Магия Исиндомида. Его клеймо.

Ханар поднял левую руку. Сжал кулак. Сухожилия натянулись, как тетивы. Смотрел на эту руку – мощную, иссеченную шрамами, знавшую вес меча и хватку горла. Руку, что затянула порез. Его руку.

Потом началось. Сначала – глубокая, костная ломота. Знакомая, но от этого не менее мерзкая. Словно кости плавилась изнутри. Кожа на тыльной стороне ладони заколыхалась волнами. Цвет плоти стал темнеть, приобретая серо – бурый, землистый оттенок.

Боль усилилась, стала рвущей. Ханар стиснул зубы. Взгляд прикован к руке с хищной концентрацией. Пальцы... удлиннялись, кости хрустнули. Ногти потемнели, стали толще, грубее, вытянулись вперед, загибаясь вниз – превращаясь в мощные, острые когти. Кожа сморщилась, стала жесткой, чешуйчатой.

Но самое странное – выше. Из пор на предплечье начали пробиваться перья. Сначала редкие щетинки. Потом – быстрее, гуще. Длинные, упругие. Они росли с жутковатой скоростью, покрывая руку от локтя плотным, переливающимся слоем. Цвет – темный, как старое железо и буря, с охристы-

ми прожилками. Крыло. Его крыло. Инструмент колдуна.

Ханар разжал кулак. Пальцы – когти разошлись веером. Медленно повернул руку, наблюдая, как мышцы под перьями играют, как суставы сгибаются с чужеродной гибкостью. Чувствовал каждое перо. Чувствовал тягу. Желание распахнуть это крыло, подставить ветру. Чувствовал, как воздух обтекает перья. Сила? Да. Свобода? Обман. Это был якорь, связывающий его с Исиндомидом крепче цепей.

«Он создал меня своим орудием. Выковал из пепла и лжи. Мальчик с Пламенем... его сила в его правде. В его памяти. В его любви. Моя сила... в послушании. В слепоте. Я – всего лишь изощренный трайтер. Трайтер с иллюзией воли.»

Он сжал руку снова. В кулак. Боль вернулась – обратный путь был резче. Ломка. Перья втягивались, растворялись. Кожа светлела. Когти укорачивались, превращаясь обратно в ногти. Кости хрустели. Через несколько тяжелых мгновений перед ним снова была рука. Человеческая. Сильная. Знакомая. Покрытая шрамами и тонкой сеточкой пота.

«Он хочет, чтобы я был Молотом. Как Фаларис. Чтобы я крушил, сея хаос, за которым придет он, Исиндомид, со своим порядком. Он хочет, чтобы я был предсказуемым зверем. Чтобы носитель Пламени видел во мне только монстра, достойного лишь уничтожения.»

Ханар разжал кулак. Ни следа перьев, когтей. Только память о тяге и горечь: дар, которым он гордился, мог быть частью той же лжи, что и пепелище детства. Он поднял взгляд,

вновь схватив секиру. Холод стали – единственная неоспоримая реальность. Крыло... лишь еще один клинок в арсенале. Острый. Полезный. И чуждый.

«Но что, если я перестану быть молотом? Что, если я стану... щитом?»

Мысль ошеломила своей простотой и дерзостью. Антарта боится. Она боится хаоса, который он принес с падением Элимии. Но еще больше она боится призраков прошлого, слабости своих правителей.

«Они не примут нового тирана. Но они примут сильную руку, которая наведет порядок. Руку, которая спасет их от ужаса, который... якобы... посеяли другие. Они примут Защитника.»

Это был не просто тактический ход. Это был вызов. Вызов самому себе. Сможет ли он, Ханар, чья душа, казалось, была выкована из насилия, стать чем – то большим? Сможет ли он завоевать не страх, а если не любовь, то хотя бы признание? И главное – это был вызов Исиндомиду. Это была его воля, закаленная в огне видения и в боли трансформации. Он больше не пешка в чужой игре. Он меняет правила.

Он встал, поднял секиру. Сталь была холодной и надежной. Но теперь он знал, что его истинное оружие – не она, и не крыло за спиной. Его оружие – это решение, которое он только что принял.

Шаги его назад, в лагерь, были твердыми и быстрыми. Он прошел мимо трайтеров, не глядя на них, к центру лагеря,

где ждали его «советники».

Укуфа, вертя свою хрустальную корону, встретила его хищной ухмылкой. Од Куулайс, точащий мечи, лишь скользнул на него холодным взглядом. Исиндомид восседал над своим фолиантом.

– Видение у ручья оставило след, Ханар? – голос колдуна был сухим, но с привычной примесью превосходства. – Со-мнения...

– Заткнись. – Голос Ханара прозвучал не громко, но с такой ледяной, неоспоримой властью, что Укуфа замерла, а Од перестал точить. Даже Исиндомид прикрыл книгу. Ханар не кричал. Он констатировал. Его взгляд, чистый и острый, как клинок, скользнул по ним. – Слово теперь не твое, старик. Слушай все.

Он сделал шаг вперед, его фигура казалась выше, массивнее, наполненной новой силой – силой собственного выбора.

– План меняется. Мы идем к трону иным путем. – Он выдержал паузу, вбирая их немое, ошеломленное внимание. – Не путем завоевателя. Путем освободителя. Путем щита.

Он видел недоумение в их глазах и наслаждался им.

– Антарта дрожит от страха. Страх перед хаосом, который мы же и принесли. Но мы дадим им не нового тирана. Мы дадим им порядок. Сильную руку. Руку, что спасет их от слабости их прежних правителей. Мои знамена будут развеваться не как предвестники гибели, а как символы закона и безопасности. Город распахнет ворота не перед захватчи-

ком, а перед защитником.

Он выпрямился во весь рост, и в его голосе зазвучала непоколебимая уверенность.

– Я – Ханар Эпперли. Не палач. Не молот. Отныне и навсегда – я Щит Антарты. Первый камень в основание королевства, которое будет строить не я один, но которое будет держаться на моей воле. На моем порядке.

Он замолчал. Тишина была оглушительной. Укуфа смотрела на него с новым, жадным интересом. В глазах Ода читалось не просто одобрение, а уважение к стратегу. Исиндомид сидел не двигаясь, его лицо было каменной маской, но в глубине мутных глаз бушевала буря. Его инструмент не просто вырвался из повиновения. Он перековал себя заново. И старый колдун впервые почувствовал ледяную струю настоящего страха. Ученик не просто вырос. Он стал Мастером. И его следующего хода Исиндомид предсказать уже не мог.

МОЛИТВА ПУСТОГО ЧРЕВА

Часовня Камня и Очага была вырублена в скальном основании старого маяка, что стоял на отроге, вдававшемся в Тигровое море. Это была не постройка, а продолжение самой земли. Стены, неровные и шершавые, местами проступали влажным, темным камнем, а сводчатый потолок был так низок, что высокий мужчина мог задеть его головой. Воздух был густым, прохладным и неподвижным, пахнущим сыростью, дымом тлеющих углей и засохшими травами.

В глубине зала, в самой старой части пещеры, возвыша-

лись две статуи, высеченные из единой глыбы гранита. Слева – Дхар – Камнедержец. Его лик был суровым и недетализированным, словно выветренным бурями, а мощные каменные руки сжимали пучок вырезанных из того же камня корней, что уходили в пол. У его подножия лежали дары: комья земли, кости животных, обсидиановые наконечники. Справа – Дана – Землительница. Ее фигура была более мягкой, округлой, с явными признаками материнства, а в руках она держала глиняную чашу, в которой тлели угли из домашнего очага. Перед ней лежали колосья, спелые фрукты и вышитые полотна. Они не смотрели друг на друга, но их спины были обращены к одной скальной стене, символизируя вечный союз, не требующий взглядов.

Адея сидела на грубой скамье посередине, вцепившись в тряпичную куклу – ту самую, что сшила ей Маргарита в детстве, с выцветшими нитками волос и двумя точками – глазами. В часовне было еще несколько человек. Две женщины постарше, их головы покрыты платками, перешептывались, бросая на Адею косые взгляды. Мужчина, молившийся Дхару, обернулся и быстро отвел глаза, встретившись с ее пустым взглядом.

Шепот, как рой мух, долетел до нее сквозь гул прибора, доносившийся извне.

«...четвертый год, а живот тощ, как у девчонки...»

«...альбиносиха... нечистая, говорят... кровь у них белая,

ледяная...»

«...что Виктор в ней нашел? Красота – то призрачная, болезненная...»

«...лоно пустое... Дхар не принимает ее дары, видно, земля неплодородная...»

«...следующей зимой, коли не родит, бросит он ее, уж точно... Лаура – то цветет...»

Каждое слово впивалось в нее, как раскаленная игла. Она слышала такое в Суле, но там это были чужие. Здесь, на родине, это резало в тысячу раз сильнее. Ее пальцы сжали куклу так, что вот – вот порвут ткань. Она пыталась сосредоточиться на молитве, шепча заученные слова, обращенные к Дане, умоляя о милости, о зачатии, о жизни внутри.

Но шепот за спиной нарастал, сливаясь в ядовитый гул.

«...бесплодная сука...»

Что – то в ней порвалось. Тишина часовни взорвалась.

– ЗАМОЛЧИТЕ! – ее крик, хриплый и дикий, отскочил от каменных стен, заглушив шум моря. Она вскочила, кукла упала на пол. Ее фиолетовые глаза, обычно потухшие, пылали безумной яростью. – ЗАМОЛЧИТЕ, ВЫ! ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ?! НИЧЕГО!

Она метнулась к алтарю Даны, схватила тяжелый железный подсвечник с тремя догорающими свечами. Горячий воск брызнул на ее руку, но она не почувствовала боли.

– Вы не знаете его! Не знаете, что он такое! – она разма-

хивала подсвечником, как дубиной, двигаясь к перешептывавшимся женщинам. Те в ужасе отшатнулись. – Вы не знаете, через что мы прошли! Какое вы имеете право судить?! Ваша вера – убога и мелка, как лужа! Вы молитесь, чтобы урожай был больше, а сосед – меньше! Вы ничтожны!

– Кощунство! – крикнул мужчина, делая шаг вперед, но Адея взмахнула подсвечником, заставив его отпрянуть.

– ВОН! – проревела она. – ВСЕ ВОН ИЗ ХРАМА! ОСТАВЬТЕ МЕНЯ С НИМИ! С БОГАМИ, КОТОРЫЕ ГЛУХИ К ВАШЕМУ ЖАЛКОМУ ТРЕПУ!

Она погнала их к выходу, размахивая своим импровизированным оружием. Испуганные прихожане, отмахиваясь и бормоча молитвы, высыпали на улицу. Адея с силой захлопнула массивную дубовую дверь и, с трудом подняв подсвечник, вставила его ручку в тяжелые железные скобы, забаррикадив вход.

Она тяжело дышала, прислонившись к двери. Затем, медленно, подошла к статуям и опустилась на колени. Подсвечник с грохотом упал на каменный пол.

– Дхар... Дана... – ее голос срывался на шепот, полный слез. – Великие Предки... Вечные Супруги... Я не прошу богатства... не прошу славы... Я прошу лишь того, что дано каждой суке, каждой кобыле, каждой крестьянке в поле! Дар, в котором мне отказано!

Она припала лбом к холодному камню у ног Дхара.

– Я отдам все... заберите мою жизнь, мою душу, мою па-

мять... но дайте мне дитя! Дай мне, Дхар, свою твердость, укорени его в моем чреве, как корни в скале! Дай мне, Дана, свое тепло, взрасти его в моей утробе, как хлеб в печи! Я буду самой верной, самой покорной твоей служанкой, Дана! Я буду приносить любые жертвы, Дхар! Только... только дайте мне услышать детский крик... дайте мне держать на руках свое дитя...

Ее тело содрогалось от беззвучных рыданий. Она ползала по полу между двумя божествами, целуя холодный камень и теплую глину в их алтарях, смешивая слезы с пылью веков.

– Я на все готова... слышите? На все...

Тихий скрип боковой двери, скрытой в тени, заставил ее вздрогнуть. В проеме показалась пожилая женщина. Ее лицо было испещрено морщинами, как карта прожитой жизни, а седые волосы, собранные в простой узел, были обнажены – редкая честь для замужней женщины. На ней было платье цвета охры, поверх – передник из небеленого полотна, а на поясе болтались десятки маленьких узелков – оберегов из трав и кореньев. Она была Очаговой Матерью, жрицей Даны.

Женщина не смотрела на Адею. Она медленно прошла к алтарю Даны, поправила угли в чаше, села на ближайшую скамью и уставилась на статую.

– Слышат ли боги наши молитвы, дочь? – ее голос был тихим, скрипучим, как шелест сухих листьев. – Или они слушают само молчание между словами? Боль, что мы носим в себе, как ношу камней?

Она замолчала, будто прислушиваясь к ответу.

– Белая Баба... она ходит по краю леса, где тень встречается со светом. Она знает язык всех трав – и тех, что лежат, и тех, что убивают. Она плачет по каждому ребенку, что ушел в землю раньше времени... – женщина повернула голову, и ее мудрый, печальный взгляд скользнул по Адее, все еще лежащей на полу. – Ей не нужны громкие слова. Ей нужна правда. Правда твоего горя. Сплети венок... из полыни, что отгоняет тени, и чабреца, что дает силу духу... добавь плющ, символ верности... и первые фиалки, что пробиваются из – под снега, знак надежды... и отнеси его к старому камню с ликом. Тому, что в лесу у ручья. Оставь там. И скажи... скажи все, что не смогла сказать здесь.

Она медленно поднялась, ее кости мягко хрустнули.

– Иногда, чтобы родить жизнь... нужно сначала похоронить надежду. И родить новую. Из пепла старой.

И, не оглядываясь, она вышла через ту же дверь, оставив Адею одну в гулкой тишине часовни.

Слезы Адеи постепенно иссыкли. Она лежала, глядя в каменный свод, пока холод пола не проник в кости. Затем, медленно, словно старуха, она поднялась. Подошла к двери, подняла подсвечник. Вышла на ослепительный дневной свет.

Она не пошла сразу домой. Она свернула к лесной опушке, к ручью, где знала тот самый камень. Она не плела венок – у нее не было сил. Но она нашла несколько стеблей полыни, чабреца и сорвала три первые фиалки, пробивавшиеся у

корней старого бука. Она положила их у подножия камня с застывшим ликом и прошептала всего одну фразу:

– Помоги мне. Или забери все.

Когда она вернулась в родительский дом, ее лицо было бледным, но слез больше не было. Только холодная, каменная решимость. Она вошла в зал, где Лаура, румяная и сияющая, хлопотала у стола, и прошла мимо, как тень, к своей лавке у окна. Ее пальцы сжались в кулаки. Она смотрела на сестру, и в ее фиолетовых глазах, помимо боли, теперь жило нечто новое – понимание. Понимание того, что ее молитвы в официальной часовне окончены. Теперь ее религия была иной. Религией отчаяния, камней и тихих, ядовитых трав.

УТРЕННИЕ ТЯГОТЫ

Запах свежего хлеба и корицы витал в огромной королевской кухне, словно насмешка над реальным положением дел. Воздух был густым и влажным, пах потом, вареным мясом и дымом. Кастрюли шипели на плите, словно сердитые змеи, повара сновали, обливаясь потом, а главная кухарка Хильда – женщина с руками, знающими толк в тесте и подзатыльниках – командовала этим адским хаосом, ее лицо было багровым от жара печи.

Терон Ламонт вплыл в это царство, ведомый инстинктом голода. Его нос повел его мимо туш с ощерившимися ребрами, мимо корыт с потрохами – напрямик к красавцу – пирогу, гордо красовавшемуся на столе. Пирог был идеален:

румяный, с золотистой, жирной корочкой, чуть треснувшей, чтобы выпустить на волю душистый, навязчивый аромат тушеной говядины с луком. У Терона отчаянно свело скулы.

«Мое», – пронеслось в его голове, и рука, будто сама собой, потянулась... Кусок пирога, горячий и обжигающий, аккуратно лег ему на ладонь. Терон даже не успел понять, как это вышло.

– Ты че, балбес, с утра крышу сорвало?! – прогремел голос, способный перекричать кипящий котел.

Хильда, вся в жирных брызгах и муке, как призрак после пиршества, нависла над ним, потрясая огромной деревянной ложкой, липкой от соуса.

– Не топчись тут под ногами, как голодный пес у мясной лавки! И не трожь королевскую снедь! Это ж не для твоей горшечной братии!

Хильда была душкой, хоть и с громом в голосе. Сердце у нее – сало на сковороде, таяло быстро. Этим Терон и пользовался без зазрения совести. Себя он мнил ястребом, а Марту – милой, но глупой курицей, чье назначение – его кормить.

И сейчас, вместо того чтобы испугаться, он лишь медленно обвел ее взглядом – с засаленного фартука до выбившихся из – под платка сальных прядей – и нарочито лениво поднял бровь. Вызов витал в воздухе, гуще чада и пара.

– А ну – ка положи обратно, шельмец! – пригрозила Хильда, замахиваясь ложкой для устрашения, с которой капнуло что – то коричневое и мутное.

Но Терон лишь обнажил свои ослепительно белые зубы в самой дерзкой ухмылке, поднес вожаденный кусок ко рту и с наслаждением впился в него зубами. Хруст корочки прозвучал во внезапно наступившей тишине кухни как вызов. Жир потек у него по подбородку.

Расплата настигла Терона мгновенно. Хильда, алая от гнева, швырнула в него мокрой, вонючей тряпкой, пахнущей старой грязью и рыбой.

– Ах ты паршивый щенок! – загремела она, наступая на него так, что поварята шарахались в стороны. – Да это ж любимый пирог Его Величества! Весь вид испортил! Теперь как на стол подавать – с твоей воровской дырищей?!

Терон, ловко юркнув за спину самого толстого поваренка, пытался оправдаться, с трудом проглатывая жесткое мясо:

– Э – э, кусочек всего лишь! Подумаешь трагедия! – он сделал невинное лицо, хотя жир на губах его явно изобличал. – Живот подвел! С утра еще ничего не было!

– А у нас, по – твоему, животы не урчат?! – фыркнула Хильда, обходя поваренка, от нее пахло перегорелым жиром и злостью. – Все голодны! Но нормальные люди ждут своего пайка, а не тырят с королевского стола!

Терон выпрямился во весь свой невеликий рост, пытаясь придать себе веса:

– Я, между прочим, персона важная в этом замке... – начал он с напускным достоинством, но его тут же прервал гомерический хохот всей кухни. Даже котел на плите зашипел

громче, выплеснув на жар кипящую воду.

– Персона? – Хильда закатилась таким жирным смехом, что задрожали туши на крюках. – Терончик, дорогуша, ты королевский горшечник! – она вытерла слезу веселья грязным уголком фартука. – Зад ему подтираешь, да по мелким делам бегаешь! А индюшишься, будто ты его сенешаль, а не... ну, ты понял!

– Ну и что? – Терон надул губы, стараясь скрыть, как больно задела ее слова. – Зато я каждый день возле него! И он меня ценит! – выпалил он, больше пытаясь убедить себя.

– Тю – тю! – Хильда махнула рукой, будто отгоняя назойливую муху, и швырнула утирку в таз с мутной водой. – А я ему каждый день живот согреваю! Уж моя – тостряпня поважнее твоей возни с ночными вазами будет!

Она деловито, почти яростно подошла к столу, взяла большой поцарапанный поднос и начала собирать завтрак. Отрезала ровный квадрат пирога, ловко обойдя злополучный укус, положила ломтики сыра, покрытые легкой влажной слизью, кусок печеного яблока, кожица которого сморщилась, как лицо старухи, и налила в потрескавшийся глиняный графин теплого вина, пахнувшего чем – то кислым. Все это она с грохотом поставила перед Тероном.

– На, подавай, «персона важная», – бросила она, но в глазах ее уже мелькало привычное раздраженное снисхождение.

– И смотри, по пути не расплескай и не обглодай края! А

то узнаю – кочергой отдубашу!

Под гулкий, неприятный хохот кухни, жарко припекавший его щеки, Терон ретировался. Унижение гнало его вперед, как плеть. В ушах звенело:

«Горшечник... Зад подтираешь... Индюшишься...».

«Ах, Хильда, Хильда... – ядовито подумал он, стиснув ручки подноса до белых костяшек. – Скоро... скоро я покажу всем, кто тут «персона». И тогда ты будешь целовать край моего плаща».

Поднос в руках Терона казался вдруг невыносимо тяжелым – не от еды, а от стыда и злости. Он почти бегом миновал шумные служебные коридоры, где воняло плесенью, и звенели ведрами с помоями служанки. Чем выше он поднимался, тем тише, холоднее и торжественнее становилось вокруг. Широкий арочный проем отделял мир прислуги от владений власти.

Широкая лестница к королевским покоям, высеченная из голубовато – серого антартийского мрамора, встретила его ледяным дыханием камня. Ступени, отполированные за века до зеркально блеска тысячами ног, были широки и пологи, словно созданы для неторопливой поступи владык. Холод от них проникал сквозь тонкую подошву сапог, напоминая о незыблемости и вечности этого места – всего того, чего у него, Терона Ламонта, пока не было.

Лестница была не просто дорогой наверх – она была архитектурной симфонией. С левой стороны высокие стрельча-

тые окна, устремленные в небо, открывали захватывающий дух вид на Висаяново море. Сегодня оно кипело свинцово – серой пеной, яростно швыряя волны о подножие утеса, на котором стоял Акрагант. Крики чаек терялись в грохоте прибоя, долетая сюда приглушенным, меланхоличным эхом. С правой стороны глухая стена вздымалась вверх. Это была внутренняя гора – крепость Акраганта, его последний рубеж обороны. Гладкие, без единой щели, камни, темные от времени и непогод, напоминали шкуру спящего дракона. Они давили своей немой мощью, напоминая о войнах, осадах и крови, впитавшихся в эту скалу.

Терон шел меж двух стихий – необузданной мощи моря и непоколебимой твердыни камня. Воздух здесь был чист, холоден и разряжен, пахнул морем, старым камнем и воском от свечей, что горели в далеких нишах. Эхо его шагов одиноко отдавалось под высокими сводами, подчеркивая его малость в этом величественно пространстве.

Золоченые бра на стенах отбрасывали дрожащие блики на фрески с батальными сценами – предки нынешнего короля в сияющих доспехах попирали врагов. Каждый взгляд, запечатленный на стене, казалось, презрительно скользил по его одежде и подносу.

«Горшечник... Индюшишься...» – снова зазвенело в ушах. Он стиснул зубы, заставляя себя выпрямиться, но гнетущее чувство собственной незначительности не отпускало.

Наконец, он остановился перед массивной дверью из тем-

ного дуба, украшенной резными королевскими лилиями. Здесь, у самых покоев короля, воздух казался гуще, тишина – еще глубже. Один глубокий вдох – и он толкнул дверь.

Душный, спертый жар, словно из склепа, ударил в лицо. Воздух был густым, тяжелым, насыщенным запахами пота, несвежего белья, лечебных снадобий с оттенком гнили и тлеющих углей. От резкой смены атмосферы у него закружилась голова, поднос заплясал в руках – едва не грохнулся на пол. Ставни были наглухо закрыты, в комнате царил мрак, разбавленный лишь неровным светом пылающего камина и тусклой масляной лампадой у изголовья, от которой тянуло чадом.

На огромной кровати, утопая в мятых, засаленных пери-нах, лежал король Якоб Артбелл. Его тяжелое, хриплое, свистящее дыхание было единственным громким звуком в комнате. У самого изголовья, неподвижный, как изваяние, сидел архиятр Циндаль Геккарас.

Уроженец далеких Виалосламских степей, Циндаль был чужаком в Антарте. Высокий, сухопарый, с кожей цвета темной меди и орлиным профилем, он резко контрастировал с бледными, одутловатыми северянами. Знания его были древними и старинными. Говорили, степные волхвы, его учителя, беседовали с самими звездами.

Его седые, коротко остриженные волосы обрамляли высокий лоб и лысину. Лицо изрезали глубокие морщины – карта долгой и трудной жизни. Но глаза... Карие, пронзительные,

они горели не старческой мутностью, а острым, живым умом и спокойной силой. Одет он был просто – в темную, добротную шерстяную тунику и штаны, без вычурности придворных. Руки его, с длинными, ловкими пальцами, всегда пахли полынью и сушеными кореньями – запахом его ремесла и мудрости. Даже подавая королю чашу с отваром, он двигался с тихой, неспешной грацией, наполняя простое действие достоинством. Терон испытывал перед ним смутный, необъяснимый трепет – и старался держаться подальше.

– Что принес, юноша? – голос Циндаля прозвучал тихо, но отчетливо, как звон хрусталя в тишине. Он не повернулся, его взгляд был прикован к лицу короля.

– М – мясной пирог, сыр, вино... – Терон выдавил из себя, внезапно ощутив всю глупость и неуместность этого подноса в больничной духоте. Его собственный голос показался ему писклявым и чужим.

Циндаль медленно обернулся. Его взгляд, тяжелый и оценивающий, скользнул по подносу, а затем устремился на Терона. В комнате стало еще тише, слышен был только хрип короля.

– Ничего из этого Его Величеству сейчас нельзя, – произнес он ровно, без упрека, но с непререкаемой уверенностью. Он поднялся со стула бесшумно, как тень, и приблизился. Терон инстинктивно отпрянул на шаг, почувствовав резкий запах трав.

– Желудочная лихорадка. Пища должна быть легкой, как

пых. Ступай назад на кухню. – Циндаль слегка наклонился, его запах стал отчетливее. – Передай Марте: крепкий бульон из белой курицы. И репу распарить до мягкости. Без специй. Соль – чуть. – он сделал небольшую паузу, его взгляд смягчился, но лишь на миг. – И поторопись. Время не ждет.

– Мальчик! Маль – чи – ик! Сию се – кунду!

Голос короля, пытавшийся быть властным, больше напоминал предсмертный хрип. Терон замер, как заяц на мушке. Проклятье! Ровно сейчас! Его мозг заработал на пределе.

Первым делом он, шлепнул глиняный поднос, на ближайший стол. Тарелки на нем звякнули, как испуганные колокольчики.

Затем, не теряя ни секунды, он метнулся к знакомой нише за ширмой. Там, на медном поддоне, стоял предмет его ежедневной «славы» – ночной горшок короля, изысканный фарфоровый сосуд с позолотой, достойный разве что роз. Терон схватил его одной рукой, прижимая к боку, чувствуя холодок глазури.

И только после этого он рванул к королевскому ложу, едва не снося по пути хрупкую вазу с искусственными пионами. Его ноги мелькали так быстро, что подол камзола взлетал, как парус на ветру.

– Я здесь, Ваше Величество! – выдохнул он, подбегая к королю, уже держа вожделенный горшок наготове. С молодецкой ловкостью, отточенной до автоматизма, он ловко сунул его под специальное кресло с прорезанным сиденьем –

тот самый королевский «трон для малых нужд», стоявший в стратегически важном месте у кровати. Лишь теперь он позволил себе перевести дух, и в нос ему ударил знакомый, тошнотворный запах.

Тем временем архиятр Циндаль Геккарас, человек с лицом, как у многострадального бульдога, и терпением святого, уже помогал Якобу Артбеллу подняться.

Король предстал во всей своей величине. Величественно располневший – это было мягко сказано. Он напоминал добрую, но явно перекормленную гору в засаленном шелковом ночном платье. Его некогда румяное лицо было цвета несвежего сала, украшенное двумя глубокими, скорбными ямками на щеках, придававшими ему вид вечно огорченного младенца – переростка. Каждое движение давалось ему с трудом, словно он катил в гору валун собственного веса. Сердце колотилось, как загнанная лошадь, дыхание свистело и прерывалось кашлем. А уж его желудок... Его желудок был эпицентром драмы. Он ревел, урчал и стонал, словно в недрах сошлись в смертельной схватке два морских флота. Боль скручивала короля, как цепь раба.

– Ох... О – ох, Циндаль... – простонал он, едва опускаясь на злополучное кресло и опрокидывая пару бархатных подушек мощью своих бедер. – Каждая секунда... агонии... длиннее правления моего прадеда...

Циндаль, старательно глядя в потолок, будто там были написаны ответы на все медицинские загадки, открыл настежь

ставни. Ворвался свежий, соленый ветер с моря, отчаянно пытаясь развеять густую, мерзкую атмосферу королевских покоев.

– Проклятье, Циндаль! – пыхтел и краснел король, совершая свое утреннее жертвоприношение. Лицо его налилось багрянцем нечеловеческих усилий, жилы на шее надулись. – Это...это все проделки этой... этой чужеземной гадины! Да, да, не смотри на меня так! Моя любезная супруга! Королева Анатит! Ее рук дело! – он сделал паузу, переводя дух, и из глубины кресла раздался неприличный, влажный звук. – Подсыпала... подсыпала мне что – то вчера в вино! Знаю я ее, варварку! С ее дикими ритуалами и зельями! Вечно ворчит, что я толстый и ленивый! На трон мой, ох!.. на мой трон зарятся, ее проклятые родичи! Хотят моей смерти!

Циндаль вздохнул глубоко, и его взгляд на мгновение встретился с взглядом Терона – в нем читалась бездна усталости.

– Ваше Величество, – начал он с убийственным спокойствием, – вчера вы изволили собственноручно, в три приема, выпить два кувшина крепленого вина, съесть целого павлина в желе, тарелку трюфельных кнелей, гору сладких пирожков с заварным кремом и попросили добавки жареной дичи. Королева в это время молилась в своей часовне. Она тут ни при чем.

Терон, прижавшись к стене у двери, изо всех сил старался не фыркнуть. Мысль о том, что могучий король, перед ко-

торым трепещут армии, повержен в прах собственным желудком и винит в этом собственную жену, была слишком комична и жалка одновременно. Он поймал взгляд Циндаля. В глазах архиятра читалась вековая усталость и немой вопрос: «Почему я?».

– Паршивые кухарки! Проклятая чужеземка! Да все они заодно! – король Якоб вцепился в рукояти «отхожего трона» так, что дерево затрещало. Его лицо, и без того багровое от усилий, стало похоже на перезревший баклажан. – Это их рук дело! Подсыпала...ох!.. подсыпала мне в вино какого – то своего порошку! Или...или нашептала порчу! Прикажи высечь всех ее служанок на площади! Нет, лучше казнить! Чтоб другим неповадно было, вредить своему королю! – он сделал паузу, переводя дух, и вдруг его глаза округлились от новой ужасной мысли: – Моя дочь? Кива? С ней все в порядке?! Не отравили ли и ее, подлецы?!

Терон, стоявший в почтительном отдалении, едва сдерживал дыхание. Воздух в опочивальне и без того был густым и сложным: поверх нот лаванды и лекарственных настоек витал стойкий, кисло – сладкий, невыносимо тошнотворный аромат королевских недугов, исходивший из фарфорового сосуда под креслом. Это был запах, способный свалить с ног слабонервного.

– С принцессой Кивой, насколько мне известно, все в порядке, – ответил Циндаль с бесконечным терпением человека, который уже тридцать лет лечит королевские причу-

ды. – Но, памятуя о вашем... состоянии, я распорядился отнести ей настойку из перечной мяты и сушеницы для успокоения нервов. – он взял с подноса рядом с тазом для омовения небольшой флакон. – А вам, Ваше Величество, необходимо это. Отвар из корневища змеевика, семян льна и красавки. Проверенное средство – снимает спазмы, утихомирит бурю.

– Не стану я пить эту дрянь! – Якоб Артбелл грубо оттолкнул руку архиятра, отчего несколько капель бурой, мутной жидкости пролилось на паркет. – Оно горькое, как горечь измены! Гадость несусветная! – его живот снова заурчал угрожающе, и он болезненно сморщился. – Единственно лекарство, которое я признаю – это доброе, выдержанное вино! Или забродивший эль покрепче! Мальчик! – он стукнул кулаком по подлокотнику, заставив дребезжать всю конструкцию. – Наполни мой кубок! Самый большой! Немедля!

Терон Ламонт уже сделал шаг к резному столику, где в хрустальном графине искрилось рубиновое вино. Рука его потянулась к тяжелому, украшенному драгоценными камнями кубку...

– Остановитесь, юноша, – тихо, но властно произнес Циндаль. Только ему было дозволено так открыто перечить королю, и делал он это с искусством дипломата, смягчая запрет заботой. – При всем моем глубочайшем уважении, Ваше Величество, вино, а уж тем более крепкий забродивший эль – верный путь усугубить ваши страдания. Они лишь добавят масла в огонь, бушующий в вашем желудке. – он снова про-

тянул флакон, его голос стал мягким, убедительным, как у няньки, уговаривающей капризного ребенка: – Выпейте от-вар. Всего несколько глотков. Клянусь, вам сразу станет легче. Разве я когда – нибудь давал вам вредный совет?

Старец стоял непоколебимо, рука с флаконом не дрогну-ла. Король сверлил его заплывшими, недовольными глазами, тяжело дыша. Тишину нарушало только громкое урчание ко-ролевских внутренностей и едва уловимый, но навязчивый фоновый аромат из – под кресла. Терон замер, ожидая взры-ва.

– Пусть мрак станет единственным твоим другом в за-гробной жизни, Циндаль! – наконец фыркнул Якоб с таким презрением, будто архиятр предлагал ему змеиную отраву.

Он выхватил флакон из руки лекаря своими толстыми, потными пальцами, зажмурился, задержал дыхание и... од-ним махом осушил его до дна.

– Пфу – у – у! Гадость! Теперь ты доволен, мучитель? – он скорчил гримасу, будто съел лимон целиком, и вытер губы рукавом.

Циндаль, не меняя выражения лица, лишь вежливо скло-нил голову. Он взял пустой флакон и опустил его в таз с ро-зовой водой для омовений, будто совершая священный ри-туал очищения.

– Более чем доволен, Ваше Величество, – ответил он с легким намеком на победу в голосе. – Теперь осталось лишь

немного терпения. Действие начнется вскоре. А пока... может, прикажете принести вам стакан чистой воды?

– Мальчик! – голос короля, все еще слабый, но с привычной повелительной ноткой, разрезал тягучий воздух опочивальни. – Убери этот аромат подальше от моего королевского носа, пока я не велел тебя самого туда окунуть.

Терон, подавив рвотный спазм, двинулся вперед. Он открыл массивный комод из черного эбенового дерева, инкрустированный перламутром – предмет роскоши, казавшийся кощунственным рядом с его текущей задачей. Внутри аккуратными стопками лежали шелковые платки, тонкие, как паутина, и невообразимо мягкие.

«Для королевской задницы – королевский шелк, – с горькой усмешкой подумал он, беря несколько. Они пахли дорогими духами, призванными перебить неизбежное.»

Смочив их в серебряном тазу с розовой водой, он приступил к деликатной процедуре, стараясь дышать ртом. Наклонившись, чтобы подхватить уже полный, отяжелевший горшок, волна тошноты накатила с новой силой. Горло сжалось, глаза застилала слезы. Вот оно, истинное величие службы при дворе.

В этот момент грянули трубы.

Звук, мощный и торжественный, прокатился по замку, заглушив на мгновение даже королевское кряхтение. Он проник сквозь толстые стены, наполняя воздух металлическим звоном и предвкушением события.

– Пожаловали уже, черти полосатые, – пыхтя, как раздуваемые кузнечные мехи, Якоб уселся на край кровати, отягощая перину. – Вече... ох... чтоб его в жаркую пасть Дхара. Как назло, когда я... – он бессильно махнул рукой, вытирая платком холодный, липкий пот, выступивший на лбу. – Циндаль, что мне делать? Принять их в... в таком виде? Или сказать, что болен? Но тогда... тогда она, Анаит, решит, что победила...

Терон уже не слушал, он вышел из опочивальни, неся горшок перед собой, как самое ценное и самое презренное сокровище. Чувство тяжести – не только в руках, но и в душе – давило на него. Шелк, эбеновое дерево... и вот это. Две стороны одной медали, имя которой – дворец.

Его путь лежал через длинный, прохладный коридор к служебным лестницам. Но, проходя мимо высокого стрельчатого окна, выходящего во Внутренний Двор Акраганта, его остановил гул.

Суматоха внизу была грандиозной. Казалось, весь замок содрогнулся от прибытия гостей. Терон прильнул к прохладному стеклу, забыв на мгновение о своей ноше.

Двор, обычно строгий и полупустой, теперь кишел людьми и красками. Но доминировал один цвет – кроваво-красный. И один символ – Черный Кракен. Знамена Дома Ходжей, огромные, из плотной, казалось, самой тьмы сотканной ткани, развевались на ветру, захватывая пространство. Их несли высоко, словно завоеватели водружают штан-

дарты на покоренной земле. Кракены на них были вышиты серебряными нитями, их щупальца извивались угрожающе, а глаза – холодные самоцветы – словно следили за всеми.

Стража лорда Перешейка, в латах цвета воронова крыла с кровавыми плащами, строилась безупречными квадратами. Их алебарды блестели под редкими лучами солнца, как лес смертоносных игл. Дисциплина была железной, каждый шаг – отточенным, каждый взгляд – устремленным вперед. Шум – лязг доспехов, ржание коней, окрики командиров – создавал гул, похожий на приближающуюся бурю.

«Боги, – пронеслось в голове Терона. – Словно армия входит в крепость, а не вассалы на вече».

Человек несведущий мог бы решить, что Акрагант уже пал, и Ходжи пришли забрать трон. Но это была не оккупация. Это была демонстрация силы. Силы, вознесшейся на обломках другого великого Дома.

Дом Ходжей. Владыки Западных Морей. После того как Дом Моррик, некогда непобедимые «Морские Волки», запятнали себя мятежом и попыткой узурпации поколение назад, их флот был разбит, земли конфискованы, а влияние рассыпалось в прах. И пустоту заполнил Торкель Длинный, нынешний глава Ходжей – человек с умом стратега и хваткой удава.

Именно ему король Якоб, в попытке укрепить пошатнувшуюся лояльность приморских лордов и получить доступ к их корабельным верфям, отдал руку своей второй дочери,

принцессы Стюнды Артбелл. Брак был политическим, но мощь Ходжей с тех пор лишь росла. Их корабли бороздили все известные моря, их торговые сети опутали полмира, а их военная мощь... Она стояла сейчас во дворе, демонстрируя королю и всем собравшимся, кто истинный хозяин моря, а значит, и ключевой игрок на суше. Торкель Длинный не просто прибыл на вече. Он прибыл напомнить о своем весе в королевстве.

Ветер снова рванул знамя ближе к окну. Черный Кракен на алом поле казался живым, готовым схватить добычу. Терон почувствовал, как по спине пробежал холодок – не страха, а острого, почти болезненного восхищения. Эта мощь, эта неукротимая сила, это богатство, буквально витавшее в воздухе вместе с запахом кожи, металла и дорогих коней...

Это было осязаемо. Это была власть. И она была так близко, за стеклом, и так бесконечно далека от его мира шелковых платков и зловонных горшков. Горечь подступила к горлу, смешиваясь с остатками тошноты. Он сжал ручки ночного сосуда так, что костяшки пальцев побелели. Вот он, истинный масштаб. Не король, задыхающийся на своем «троне». А это. Стальные ряды, алые знамена, властный шелест шелков свиты, сходящей с коней... Мир, где решают судьбы королевств. Мир, в который он, Терон Ламонт, сын прачки и псаля, мог заглянуть лишь через окно, держа в руках королевские нечистоты.

Сдавленный стон Якоба, донесшийся из глубины покоев,

вернул его к реальности. Терон резко развернулся от окна и потащил свой зловонный груз дальше, в темноту служебных лестниц. Кракены и алые знамена остались за стеклом – яркие, могущественные, недостижимые. А запах розовой воды уже не перебивал смрад из горшка.

Не успел юноша задаться вопросом, где же принцесса, как грохот колес по брусчатке и фанфары возвестили о новом прибытии.

Во двор, словно огненная птица в облаке пыли, въехала карета – не просто богатая, а ослепительная. Выкрашенная в глубокий цвет красного дерева, она была покрыта листовым золотом, которое сверкало даже в сером свете дня. Лакей в ливрее цвета морской волны бросился к дверце, распахнул ее с почтительным поклоном.

И вышла она. Стюнда Артбелл.

Терон Ламонт, прижатый к холодному стеклу, застыл. Не просто в нерешительности – его схватило ощущение, знакомое и чуждое одновременно. Сердце, вопреки воле, заколотилось как барабанная дробь перед боем.

Почти два года с их последней... встречи. Тогда, в полумраке библиотеки, когда она, смеясь, сунула ему в руки ту самую шкатулку из слоновой кости... Тогда она была легка, как весенний ветер, с глазами цвета молодого изумруда и кожей, напоминающей сливочный бархат.

Теперь... Время и двое родов изменили ее. Значительно. Фигура, некогда стройная, стала полной, тяжеловесной. Ли-

цо округлилось, потеряв острые, девичьи черты, под глазами легли тени усталости. Она была облачена в пышное платье из темно – серого бархата – цвета дома Артбеллов, но казалось, оно скорее сковывало, чем украшало. Тяжелые золотые цепи на шее выглядели скорее кандалами, чем украшением. На голове – алая вуаль, приколотая огромным, холодным изумрудом, который смотрел, как недобрый глаз. Красота не ушла совсем, но превратилась, закаменела, стала частью ее нового статуса – принцессы Дома Ходжей, матери наследников.

Стюнда вышла небрежно, почти тяжело опираясь на руку лакея. Обернулась, и ее лицо на мгновение смягчилось, когда она подала руку маленькому мальчику – своему первенцу. За мальчиком вышла дородная кормилица, бережно прижимая к груди закутанный в кружева сверток – новорожденного принца Ходжей.

И вот тогда... взгляд принцессы скользнул вверх. Прямо на то самое стрельчатое окно, где стоял Терон. Не рассеянно, не мимо. Целенаправленно. Будто знала, что он там. Их взгляды встретились на долю секунды – сквозь пыльное стекло, через толпу, шум и годы. В ее глазах Терону почудилось что – то неуловимое – не упрек, не гнев... Усталое узнавание? Мимолетная тень того, что было? Или просто отражение его собственного смятения?

Терон смутился до жара в ушах. Он рванулся назад, от окна, как ошпаренный, прижимая к себе ненавистный горшок. Идиот! Подглядывать как мальчишка! – мысль была моло-

том. Воспоминание о незаконченной, зловонной обязанности обрушилось на него с новой силой. Он должен избавиться от этого сейчас же. Забыть о Ходжах, о кракенах, о Стюнде... О том странном, колющем чувстве, что сжало грудь при ее взгляде.

Он почти побежал по темному коридору, ведущему к западной башне – месту, где находились служебные уборные для нижних чинов. Дверь в башню была тяжелой, дубовой, скрипучей. Он толкнул ее плечом, вваливаясь внутрь.

Запах ударил в нос – не просто уборной, а древней, пропитанной столетиями сырости, мочи и нечистот каменной ловушки. Скудный свет проникал через узкую бойницу.

ЛЕДЯНОЕ РЕШЕНИЕ

Две недели. Четырнадцать суток слиплись в один долгий, тягучий кошмар наяву, прерываемый лишь глотками безвкусной похлебки и тупой, ноющей болью в заживающем плече, которая напоминала о другом, более свежем рубце – на душе. Элисфия проваливалась в забытье снова и снова, как в черную, бездонную воду, надеясь захлебнуться и не вынырнуть. Силы по капле возвращались, поднимаясь из глубины изможденного тела, словно родник из – под камня. Но вместе с ними, неумолимо и нагло, росло иное – тяжелый, чужеродный шар под грубой тканью платья, живое, пульсирующее напоминание о Фотсменах. Решение, выжженное в сознании огнем Элимии, – вырвать, выскоблить, избавиться от этой скверны, – давило грузом невыполненного долга,

тяжелее любого камня. Возможности все не было – то слабость валила с ног, приковывая к постели, то Юдора Миствуд появлялась на пороге, словно тень рока, своим взглядом – сквозняком вымораживая любые попытки действовать.

Сама хозяйка, замечая ее задумчивый, остекленевший взгляд, скользивший вниз по животу, бросала сквозь зубы, точа свой проклятый нож о точильный камень с шипящим, раздражающим нервы звуком:

– Что, кишка тонка у барской дочки на настоящее дело? – голос ее был груб, как напильник, но в прищуренных, холодных глазах, Элисфия с изумлением улавливала странную рябь – не насмешку, а скорее... тревогу? Раздражение от непредусмотренной сложности?

И тут же, повернувшись к Борею, ее тон становился ледяным, как вода в Моряне в разгар стужи:

– А ты, рыжий мешок с костями? Должок мой покрывать, когда собрался? Время – то не железное, оно – песок, и сыпется сквозь пальцы, а мы тут нянькаемся с брюхатой барышней!

Борей лишь отводил взгляд, его могучие плечи ссутулились под незримой тяжестью, будто на них давили все камни разрушенной Элимии. Он отвечал глухим, яростным стуком кулака о стол, от которого вздрагивала вся хижина, или долгим, тяжким вздохом, выдыхая вместе с воздухом собственную немощь и бессилие. Так и текли дни – в грубых, точных выпадах Юдоры, в каменном, взрывчатом молчании Балите-

ра, в тихом, съедающем изнутри ужасе Элисии перед тем, что жило, росло и пульсировало внутри, как паразит.

Вскоре физическая сила вернулась окончательно. Но это была не та, что была в Элимии – хрупкая, девичья, призрачная. Это была новая сила. Острая. Ядовитая. Закаленная в аду боли, предательства и всепоглощающей ненависти. Она встала перед Бореєм однажды утром, заслонив собой тусклый, грязный свет из окна.

– Мне нужен город. – Голос низкий, ровный, отточенный, как лезвие перед смертельным ударом. – Сегодня.

Балитер вздрогнул, словно от плети. Его глаза, запавшие от бессонницы, метнулись к дверям, к окнам – искал Юдору? Спасителя или стражника? Пустота. Только ветер шевелил занавеску из грубой мешковины.

– Зачем тебе... – начал он, и слова тут же вязли в горле, как комья холодной грязи. – Там не змеиное гнездо. Там – дно. Самое дно, куда оседает всякая дрянь, которой уже нечего терять. Сволочь на сволочи. Убьют там не за кошелек – за сапоги, за взгляд, за то, что тень твоя не понравилась. Сожрут и не поперхнутся.

– Не страшнее Фотсменов, – отрезала она, не давая договорить. Каждый слог – отточенный клинок, готовый к удару. В ее глазах горела уверенность того, кто уже прошел через самое страшное. – Я видела резню. Видела предательство. Я знаю, на что способны «благородные» дома. Уличный сброд не изобретет ничего нового.

Борей горько, почти яростно усмехнулся.

– Фотсмены? – выплюнул он. – Дорогая моя, Фотсмены со своими интригами и казнями – лапочки, воспитанные в бархате и золоте, по сравнению с теми, кто выживает в Тебризе. Твои благородные советники режут горло по правилам, пусть и своим, изуверским. А там, внизу, – он мотнул головой в сторону города, – водятся крысы. Голодные, бешеные, зараженные чумой. Они не станут тебя убивать. Сначала будут мучить, потому что могут. Потом продадут по частям тому, кто заплатит. А твой нерожденный ребенок... – его голос сорвался, но он заставил себя говорить, вбивая в ее сознание жуткую правду, – ...для них будет диковинкой, игрушкой. Будут спорить, кому достанется твой труп, чтобы вырезать его на сувенир. Ты думаешь, самое страшное уже случилось? Ты даже не представляешь, какое дно еще существует. Ты – дитя каменных стен, ты не знаешь, что такое настоящая, животная грязь.

Элисфия слушала, и ее уверенность пошатнулась, но не сдавалась. Юность и неопытность заставляли ее верить, что боль Элимии – это предел, за которым уже не может быть ничего хуже. Это была защитная реакция души, отказывающейся принимать, что мир может быть еще более безнадежным.

– Ты преувеличиваешь, – сказала она, но в ее голосе уже не было прежней стальной уверенности, прозвучала трещина. – Чтобы запугать. Я должна это сделать. И ничто меня

не остановит.

Именно эта слепая, отчаянная решимость, смешанная с наивным неверием в глубину падения, и вывела его из себя окончательно.

– Ты спятила с голодухи и горя! – вырвалось у него хрипло, с отчаянной, почти животной надеждой встряхнуть ее, вернуть к реальности. – Еле ноги волочила, чуть не сдохла, а теперь в эту гнилую пасть лезть?! Они тебя сожрут заживо, девочка! Сожрут и не заметят!

– Ты отвезешь меня, – ее голос не повысился ни на йоту, но в нем зазвенела та самая сталь, что режет любые аргументы, – или я пойду сама. И тогда я точно не вернусь. Выбор за тобой.

Они замерли. Воздух в хижине сгустился, наполнившись немым, яростным поединком воле. Взгляд Борея – испуганный, яростный, умоляющий – уперся в ее холодный, абсолютно непоколебимый, пустой. И дрогнул. Плечи его бессильно опустились, сдаваясь под натиском ее отчаянной решимости.

– Ладно... Черт с тобой, пропадай обе... – прошелестел он, отвернувшись к окну, где в серой дымке маячило злое, ненавидящее все живое Око. – К вечеру вернемся. Ни минутой позже. Иначе Юра нас обошьет.

Покинув угнетающую тишину жилища Миствуд, они направились к одному из бесчисленных протоков Моряновых рек. Тропа была черной от ночного ливня, размокшей и

скользкой. Земля чавкала под сапогами, липкая и холодная, обволакивая подошвы тяжелым, удушающим запахом гниющих водорослей, сырой коры и далекой, едкой гарью Тебриза, который лежал внизу, как гнойная, вскрывшаяся язва на лице земли, окутанный грязно – серой, ядовитой дымкой.

Из тумана, словно порождения самой этой гнили, вынырнули двое.

Оборванные, с лицами землистого, болезненного цвета, будто вылепленными из грязи и отчаяния. Один, проходя вплотную, намеренно, с силой толкнул Элисфию корявым, костлявым плечом.

– Ого! – хрипло цокнул он, оскалив беззубый, гнилой рот. Волна гнилостного, спиртного дыхания окутала Элисфию, заставляя ее задохнуться. – Брюхатая падаль по нашим болотам шляется! Ишь, живот – то выставила, как королева перед холопами!

Его спутник, воняющий перегаром дешевого эля и застарелым потом немытого тела, фыркнул, брызгая желтоватой слюной:

– Да не падаль, дурень! Глянь – ка плащ – хоть и замызган, а барское сукно! Может, услужим, а? Пару медяков срубим, скажем, где таких от плода избавляют? – его грязный, с обломленным ногтем палец резко, оскорбительно тыкнул в сторону ее живота. – Знаем мы одну шлюхину кузню у Вечных ворот... За медяк скажем куда топать, а? Быстро, чисто, хоть и не без последствий...

Балитер, будто раненый вепрь, почуявший угрозу, вздыбился. Ярость, мгновенная, слепая и первобытная, исказила его грубые черты. Жилы на шее налились кровью, слюна брызнула с губ, когда он зарычал, низко и хрипло, как разъяренный кабан, готовый растерзать:

– Сукины выродки! Червям кормиться вашими кишками! Провалитесь в эту вонючую жижу и сгниете!

Сталь его тесака, тяжелого и тусклого, но оттого не менее смертоносного, блеснула у пояса, выдернутая наполовину. Мужики, бормоча грязные, бессвязные ругательства про «проклятых чужаков» и «бешеных псов», шарахнулись в сторону, спотыкаясь о кочки, и растворились в серой, равнодушной мгле так же быстро, как и появились, оставив после себя лишь вьедливую вонь и тягостное, липкое ощущение осквернения.

Элисфия стояла, прижав ладонь к горлу, будто пытаясь выдавить из себя тот отравленный, мерзостный воздух, которым дышали эти люди. Жаркий стыд пылал у нее под кожей, а в горле стоял ком, не дающий вздохнуть. Ее тело дрожало мелкой, неконтролируемой дрожью – не только от животного страха, но и от унижительной, гнетущей грязи происходящего. Прикосновение того грязного пальца, тыкавшего в ее живот, оставило невидимый, но жгучий след, как от ожога.

Она глубже втянула голову в капюшон, словно пытаясь исчезнуть, сжалась в комок под плащом, чувствуя, как огненная волна стыда и ярости заливает лицо. Брюхатая падаль...

Слова звенели в ушах, острые, постыдные, но оттого – правдивые. Знаем, где таких от плода избавляют...

Борей, все еще тяжело и хрипло дыша, резко, почти с яростью, схватил ее за локоть – не помогая, а таща, будто груз. Его пальцы впились в ткань плаща со звериной силой отчаяния и ярости, так что она вскрикнула от неожиданной, резкой боли.

– Двигайся! – прорычал он сквозь стиснутые, скрипящие зубы, его взгляд, дикий и невидящий, метнулся по туману, выискивая новую, невидимую угрозу. – Здесь оставаться – смерти искать похлеще, чем в бою! К лодке! Быстро, пока другие стервятники не слетелись!

Он почти потащил ее по топкой, предательской тропинке, вниз, к черной, маслянистой ленте воды, едва видной сквозь пелену. Ноги Элисфии заплетались, подошвы скользили по мшистым, скользким камням и вязкой грязи. Она спотыкалась, падала на одно колено, но его железная, безжалостная хватка не отпускала, не давая упасть, лишь подстегивая, таща вперед, к спасению, к гибели – она уже не понимала. Запах болота, гнили, человеческих испражнений и собственного страха смешивались в горле в один горький, тошнотворный ком.

Лодка – утлая, жалкая скорлупка из почерневшего от времени и воды дерева, привязанная к покосившемуся, подгнившему колу – жалобно заскрипела, едва Балитер грубо, одним движением оттолкнул ее от вонючего берега, почти

вбрасывая Элисфию внутрь. Она упала на жесткую, холодную скамью на носу, спиной к угасающему, словно призрак, силуэту города за туманом, лицом – к белесой, непроглядной, пустой пустоте впереди. Сердце колотилось так бешено и громко, что, казалось, вот – вот выпрыгнет из груди и упадет на мокрые, скользкие доски днища. Она инстинктивно, судорожно, с силой обхватила руками живот, не столько защищая, сколько пытаясь вдавить, спрятать, уничтожить этот позорный, ненавистный выступ, ставший мишенью для всего грязи этого мира.

В ушах, не умолкая, стоял тот хриплый, мерзкий голос: «Брюхатая падаль...»

Борей, тяжело опустившись на кормовую скамью, с глухим стуком схватил весла. Его лицо в полумгле казалось вырубленным из того самого кровавого базальта Хеллфортов – жестким, непроницаемым, вечным. Лишь неестественно сжатые челюсти и тяжелое, с присвистом, дыхание выдавали бурю, бушующую внутри. Сталь тесака тупо блеснула у его пояса, когда он двинулся, упираясь веслами в илистое, вязкое дно, чтобы оттолкнуться. Лодка дрогнула, жалобно заскрипела и закачалась, черная, маслянистая вода с тихим шлепком принялась бить о борт.

Тишина повисла между ними, густая, тягучая, зловещая, как сам туман. Только скрип уключин, мерзостные всплески весел да собственное бешеное, предательское сердцебиение слышала Элисфия. Стыд, страх, гнев и отчаяние – все

смешалось в ней в один тугой, давящий на грудь клубок, который душил горло, не давая дышать. Она не могла больше молчать. Не могла.

– ...Падаль... – прошептала она, и голос сорвался, зазвучал чужим, сдавленным, разбитым. – Так они меня называли. – она подняла глаза на Борея, ища в его неподвижной, каменной фигуре хоть каплю понимания, оправдания, защиты от этого всепоглощающего унижения. Но его взгляд был устремлен куда – то в серую, безнадежную даль за ее спиной, в прошлое, полное таких же теней, грязи и крови. Молчание было ее единственным ответом. И оно ранило большее, чем любой нож, острее, чем любое слово. Казалось, даже скрип уключин и шлепки весел по черной, мертвой воде затихли в тяжком, унижительном ожидании.

Балитер резко, судорожно дернул головой, словно стряхивая наваждение, пытаясь сбросить с себя невидимые оковы. Его пальцы, до белизны сжимавшие древко весла, разжались на мгновение, потом впились в дерево с новой, яростной силой. Он сделал глубокий, хриплый, с надрывом вдох, будто перед прыжком в ледяную, смертельную воду. Когда он наконец заговорил, голос прозвучал неестественно громко в этой внезапной, гнетущей тишине, сорванный, как рваная мешковина, грубый от сдерживаемой ярости и чего – то еще, какого – то глубокого, непонятного Элисфии стыда:

– Падаль... – повторил он ее слово, и оно прозвучало как плевок на грязную, безразличную воду. Он все еще не смот-

рел на нее, его взгляд буравил мутную, маслянистую рябь за кормой, будто там, в темной глубине, была написана его собственная, горькая и бесполезная исповедь. – Говорят, что хотят. Что у них на языке. Но ты... – он снова замолчал, сглотнув ком, застрявший в горле. – Ты... все взвесила? По – настоящему? Понимаешь? – его голос понизился, стал каким – то мертвым, пустым. – Живот – то... – он сделал короткий, резкий, почти отвращенный жест подбородком в ее сторону, так и не поворачивая головы, – он уже не прячется. Как шиш на роже. Всем видно. Все понимают.

«Стыдится? – мысль пронзила Элисфию ледяной, ядовитой иглой. – Как падальщик стыдится своей добычи. Стыдится меня. И правильно. Это его вина. Его крест. Его грязь на моей жизни.»

– Все решено, – отчеканила она, глядя прямо перед собой, на расстилающуюся перед лодкой серую, безразличную гладь Моряны, в водах которой, казалось, растворились все ее слезы.

Вокруг, словно призраки, покачивались другие лодки – такие же утлые, такие же гнилые. Воздух густо, почти осязаемо пропитали запахи: рыбьей чешуи, тины, гниющего дерева и чего – то еще – тяжелого, металлического, неживого, что исходило от самого Тебриза. Город – Хеллфорт давил на грудь невидимой, но физически ощутимой тяжестью, а черное, пустое Око на холме, казалось, следило за их утлой, жалкой лодочкой, излучая немую, всепоглощающую, древ-

нюю злобу.

– Его тебе ЖАЛКО?! – крик сорвался с ее губ, дикий, хриплый, нечеловеческий, рвущий горло, рожденный в самых глубинах истерзанной души. Она впилась пальцами в округлость под плащом, в этот ненавистный, чужой шар плоти, с такой силой, что готова была разорвать собственную утробу, выдрать с корнем, выжечь каленым железом. – А МЕНЯ?! Меня тебе не было жалко, когда Рамон впервые вошел ко мне в девять лет, разорвав все внутри, а я кричала так, что горло кровоточило?! Когда он избивал меня до полусмерти за каждый неверный взгляд, за каждое слово, за каждый вздох, который ему не понравился?! Когда запирал в той крошечной коморке, где даже нельзя было выпрямиться, и приходил каждый день, каждый день, чтобы издеваться, глумиться, насиловать снова и снова, шепча на ухо, что это и есть истинные отношения между мужем и женой?! Что он так воспитывает из меня верную и преданную суку, которая будет лизать ему руку за подачку?!

Она задыхалась, слезы и слюна текли по ее подбородку, но она не замечала этого. Глаза ее горели, как раскаленные добела угли, полные такой ненависти, что, казалось, воздух вокруг начал трещать.

– А настой чертового корня?! – выла она, хватая себя за живот обеими руками, будто пытаясь выдрать его вместе с памятью. – Я пила его годами! Годами, Борей! Эта горечь во рту, эта боль в животе, эта дрожь – это была моя единствен-

ная защита! Моя маленькая, жалкая победа! Но Диона, эта сумасшедшая, прознала! И рассказала ему! И он... он избил меня так, что я неделю не могла встать! А потом запер. На тридцать четыре дня, Борей! Тридцать четыре дня в этой каменной могиле! И он приходил. Каждый. Проклятый. День и ночь. И делал свое дело, зная, что теперь уж точно все получится! И получилось! – ее голос взлетел до пронзительного визга. – А потом они все, ВСЕ пришли! Грир, Рьяна, сама Диона! Они устроили представление! Она засунула в меня свои холодные пальцы, щупала, оскверняла, а они стояли и смотрели! СМОТРЕЛИ, БОРЕЙ! И улыбались! Этот ребенок – не невинность! Он – печать моего позора! Последний акт их издевательства! И ты говоришь: «ЖАЛКО»?! Я носила в себе его ненависть с девяти лет! Я выросла в его кулаках! Я дышала его гнилью! И теперь должна родить ему памятник?! ЧТОБЫ ОН ВСЕГДА БЫЛ СО МНОЙ?!

Она стояла, вся дрожа, как в лихорадке, ее грудь судорожно вздымалась. Казалось, сама плоть вокруг нее должна была обуглиться от этой испепеляющей ярости.

– Ты МОГ! – прошипела она уже почти беззвучно, но с такой концентрацией ненависти, что слова жгли, как кислота. – Мог разбить ему голову тем самым копьем, что так хитро припрятал! Мог подарить мне нож и научить, куда его вонзить! Но ты предпочел СМОТРЕТЬ! МОЛЧАТЬ! ЖДАТЬ! И теперь, когда я наконец нашла в себе силы ВЫПЛЮНУТЬ эту гадость, ты смеешь говорить о жалости?! Жалко этого

ублюдка, в жилах которого течет кровь насильника и одобрение его семьи?! Этого червя, эту пиявку, эту гадину, что выросла на моей боли и теперь сосет из меня жизнь, каждым ударом своего сердца напоминая о них?! Я НЕНАВИЖУ его! Ненавижу так, как не ненавидела никого! И я его убью! Я ВЫРЕЖУ его из себя и брошу на съедение воронам! И если ты посмеешь встать у меня на пути...

Борей съежился, будто от удара бича. Весла выпали из его ослабевших рук, глухо, безнадежно шлепнувшись о воду. Лицо стало землистым, мертвенным, под глазами выступили темные, как синяки, круги, щеки пылали багровыми пятнами жгучего, бесполезного позора. Он уткнулся взглядом в мокрые, грязные доски на дне лодки, словно искал там спасения, ответа, прощения, но находил лишь собственную трусость и расчет.

– Прости. – выдавил он, и это слово было похоже на предсмертный стон, полный такой беспомощности и саморазрушения, что стало ясно – защиты не будет. Оправданий – тоже. – Не все... не все так просто было... Не мог я...

Он не договорил. Не смог. Да и не нужно было.

И тут с ней случилось странное. Словно прорвало последнюю, сдерживающую ад плотину. Вся ярость, все отчаяние, вся накопленная за годы боль выплеснулись наружу в том последнем, оглушительном крике – и схлынули. Унесся с собой не только силы, дрожь в коленях и жар в щеках, но и последние остатки... чего бы то ни было. Надежды? Веры?

Даже ненависти, такой жгучей и живительной секунду назад.

Она не рухнула на дно лодки. Не разрыдалась. Она просто... выдохнула. Должно, медленно, будто выпускала из легких тот самый отравленный воздух Элимии, что носил в себе все эти годы.

– Разумеется, – прозвучало тихо, ровно, без единой эмоциональной трели.

Ее голос был теперь похож на гладкий, холодный, отполированный до зеркального блеска камень, упавший на дно колодца. Беззвучный всплеск – и лишь равнодушная глубина в ответ. Вся ее пылающая ярость сжалась внутрь, превратившись в нечто твердое, тяжелое и невероятно холодное. В ледящую, абсолютную пустоту и странное, почти неестественное, зловещее спокойствие.

Она медленно, с почти механической точностью, опустилась обратно на сиденье. Движения были выверенными, лишены суеты. Она поправила сбившийся плащ, отряхнула с подола капли черной воды. Пальцы не дрожали. Взгляд, устремленный куда – то вперед, поверх головы Борея, в серую мглу, был чистым, ясным и пустым, как вымершее озеро. В нем не осталось ни упрека, ни боли, ни вопроса. Только решение. Окончательное и безоговорочное.

Тишина, наступившая в лодке, была уже иной. Не тягостной, не злой. Она была... мертвой. Борей сидел, не в силах пошевелиться, не в силах вымолвить слово, подавленный не криком, а вот этим внезапным, ледящим душу спокой-

ствием. Оно было страшнее любой истерики. Он видел – в ней что – то сломалось. Окончательно и бесповоротно. И на месте сломанного выросло нечто новое. Хрупкое, как лед, и столь же безжалостное.

– Прибыли, – процедил Борей, вскакивая с сиденья. Лодка закачалась. Он протянул руку, чтобы помочь ей подняться, его пальцы сжали ее локоть с силой, граничащей с болью. – Держись крепче. Добраться до улиц Ока – то еще испытание. Не утонешь – задохнешься.

Он не преувеличивал. Прямо перед ними, из воды поднималась исполинская, циклопическая стена Хеллфорта, сложенная из грубых глыб «кровавого базальта». Камни, темные, с ржавыми прожилками, казались пропитанными вековой скверной, они нависали над самой водой, уходя ввысь и теряясь в серой пелене неба. Стена была пронизана теми самыми зловещами «швами» из более светлого камня, которые при ближайшем рассмотрении напоминали мертвенные, бледные рубцы на теле исполина. У ее подножия кишела жизнь, но жизнь уродливая и призрачная – гигантский, шаткий частокол из мачт и корпусов всех мастей, образующий зыбкий, ненадежный мост к единственному видимому входу – черной, словно провал в небытие, арке, ведущей в каменное чрево крепости.

От самого края зловонной воды и на десятки шагов вглубь тянулся этот хаотичный, шаткий лес. Лодки – большие, маленькие, полуразвалившиеся, похожие на скелеты доистори-

ческих чудовищ – стояли в пять, а то и шесть рядов, плотно притиснутые друг к другу. Они качались на маслянистой воде, скрипели, стонали, сталкивались бортами с глухим стуком. Воздух здесь был густым и тяжелым, пахший гниющими отбросами, стоячей водой, потом и чем – то еще – металлическим, затхлым, словно сама каменная плоть Хеллфорта дышала на них своим могильным холодом.

Элисфия шла следом за Бореем, сердце колотилось где – то в горле. Ноги подкашивались, скользили по мокрым доскам. Несколько раз она едва не рухнула в черную, маслянистую воду между лодками, но его сильная рука резко хватала ее за плащ, ставя на ноги с грубоватой командой: "Смотри под ноги!". Когда ее сапоги наконец ступили на вязкую, утопанную грязь настоящей земли, она выдохнула с таким облегчением, будто сбросила камень.

– И... обратно... тем же путем? – выговорила она, пытаясь отдышаться, оглядывая жуткий плавучий барьер.

– А ты как думаешь? – Борей уже высматривал что – то в толпе, снующей по узкой набережной. Его взгляд скользил по лицам, выискивая кого – то или что – то. – Рынок – прямо по этой улице. Иди, главное – никуда не сворачивай и не разговаривай ни с кем.

Она схватила его за рукав, почувствовав, как холодный страх сковывает грудь.

– Ты... ты не пойдешь со мной? – Голос дрогнул. Она никогда не была одна. Никогда. Перспектива остаться без его

хоть и сомнительной, но защиты в этом людском муравейнике пугала до паники.

– Нет. Мне нужно кое – куда. Срочно. – Он не смотрел на нее, его внимание было приковано к толпе. – Некогда объяснить. Как закончишь – жди меня здесь. Тут. У этого столба. Только здесь. Поняла?

Не дожидаясь ответа, Борей Балитер резко дернул руку, высвободившись из ее хватки, и растворился в потоке серых, сторбленных фигур, сновавших как крысы в подвале.

Элисфия замерла на мгновение, ощутив ледяную пустоту внутри. Потом глубже натянула капюшон, стараясь стать невидимкой, слиться с грязной стеной покосившегося дома. Она чувствовала себя потерянным щенком. Кто – то грубо толкнул ее в больное плечо.

– Чего встала? – прохрипел пьяный голос. – Иди куда шла, не загораживай дорогу!

Элисфия потупила взгляд и зашагала туда, куда указал Борей, прижимаясь к стенам, словно боясь, что шаткая земля Ока поглотит ее.

Город давил. Серый, вонючий, пропитанный отчаянием. Воздух был густым коктейлем из вони нечистот, тухлой рыбы, гниющих отходов и той самой гарью, что висела над Тебризом. В узких переулках, вымощенных скользким от грязи булыжником, сточные канавы переполнялись, образуя зловонные лужи, в которых копошились крысы. Элисфия шла, прикрывая рот и нос краем плаща, борясь с тошнотой.

Она поднимала глаза на лица прохожих. Они были такими же серыми и изможденными, как и их одежда. Многие тоже прикрывали лица тряпками.

Она последовала их примеру, но легче не стало – запах пропитал все.

Хруст под ногой заставил ее вздрогнуть. Она посмотрела вниз – рыба кость. Еще одна. И еще. И доски, брошенные поверх самых глубоких луж, трещали под ее шагами. И вот он, рынок. Скопление людей здесь было в разы плотнее. Элисфии пришлось буквально протискиваться между телами, чувствуя на себе чужие взгляды, ощущая толчки.

Торговцы, засевшие в грязных палатках цвета дорожной пыли, орали, зазывая покупателей к своим скудным товарам: вялой рыбе, подозрительному мясу, увядшим кореньям. Их крики сливались со скрипом телег, везущих тяжелые бочки, с руганью, смешками, плачем детей. Где – то в этом хаосе терялся голос старика, монотонно бубнящего под аккомпанемент расстроенной лютни о подвигах рыцарей, которых здесь явно никогда не было.

Элисфия на секунду задержала взгляд на старике – обрывки знакомых легенд пробивались сквозь шум. Но времени не было. Ей нужно было найти травы. Ее поиски были недолгими. Нужная палатка выделялась, как яркий маков цвет в пепле. Она была не серой, а из пестрой, хоть и поношенной, ткани. Травы внутри лежали не кучей, а аккуратными пучками. И сама торговка – женщина лет сорока с безупречно

гладкой кожей и длинными, черными как смоль волосами, заплетенными в толстую, тяжелую косу. Ее глаза, темные и невероятно живые, мгновенно оценивали покупателя. Она улыбалась – теплой, знающей улыбкой – и каждому находила нужные слова. Каждому, кто подходил к ее прилавку.

Каждый мешочек с травами был аккуратно перевязан яркой ленточкой и украшен маленькой табличкой из светлого мангового дерева с выжженным золотом названием снадобья.

Но когда взгляд торговки упал на Элисию, стоявшую чуть в стороне, улыбка мгновенно исчезла. Заменялось она внимательным, изучающим взглядом. Когда основной поток покупателей схлынул, торговка сама обратилась к ней. Голос был тихим, но он пробил шум рынка, как игла.

– Что – то темное задумала, дитя, – произнесла она, не отрывая взгляда от пучка какой – то травы в своих руках. – Тень легла на твое лицо. Густая тень.

Элисия почувствовала, как земля уходит из – под ног, кровь отливает от лица.

– Я... просто смотрю, – пробормотала она, сама не понимая, зачем лжет. Она пришла сюда за конкретным, и уйти без него не могла. Но что – то в этой женщине, в ее пронзительности, вызывало животный страх.

Торговка медленно подняла голову. Ее темные глаза встретились с зелеными глазами Элисии. Это был не взгляд, а прикосновение лезвия.

– Смотришь? Или ищешь? Ищешь то, что смоев вину? Что отмоет грех, который еще даже не свершился, но уже давит тебе на душу? – Голос оставался тихим, но каждое слово било точно в цель.

Элисфия сглотнула комок в горле. Пальцы вцепились в край плаща. Нужно было сказать. Сейчас.

– Мне нужно... – голос сорвался, она заставила себя выговорить, – мне нужно избавиться. От того, что внутри.

Торговка не моргнула. Лишь чуть приподняла тонкую бровь. Потом ее губы тронула не улыбка, а скорее печальная гримаса понимания.

– Нелегкую ношу выбрала себе, дитя. Нелегкую. – Она покачала головой. – Жизнь за жизнь. Таков закон. Готова ли ты заплатить эту цену? Свою? Его? Не пожалеешь? Искра эта – чиста, она не виновата в грехах отца.

– Я все решила. – Сердце Элисфии колотилось так, что, казалось, вырвется из груди. – Я не знаю ваших лесов, ваших трав. Помогите.

Торговка вздохнула, глубоко и тяжело. Ее пальцы, тонкие и ловкие, начали перебирать мешочки на прилавке, но движение было медленным, нерешительным.

– Помочь... могу. Но знай, дитя: каждое снадобье имеет свою цену. И речь не о серебре или золоте. Цену назначают не люди. – Она посмотрела Элисфии прямо в глаза. – Цену назначают боги. Или силы, которым ты служишь. Ты готова принять их суд? Нести это бремя?

– С богами я разберусь сама, – отрезала Элисфия, в голосе прозвучала прежняя, знакомая Борею упертость. – Просто дайте мне то, что нужно.

Торговка смотрела на нее долгим, пронизательным взглядом. Потом кивнула, словно приняв какое – то решение.

– Покажи, – сказала она мягко, но непререкаемо.

Элисфия замерла. Она понимала. Понимала риски. Срок был велик. Любая ошибка – ее смерть. Но мысль о том, что оно родится, что в мир придет еще один Фотсмен, через нее... Нет. Только не это. Глубоко вдохнув, словно перед прыжком в бездну, она резко откинула складки плаща и положила руку на явно округлившийся живот под грубым платьем.

Торговка закрыла глаза на мгновение. Когда открыла, в них была бесконечная грусть и понимание неизбежного.

– Ты можешь умереть, дитя, – прошептала она. Голос был нежным, как у матери, предостерегающей ребенка от края пропасти. – Легко умереть. И тяжело жить после, если выживешь. И жить... пустой. – Ее взгляд скользнул вниз, к скрытому плащом животу, и в нем читалась невысказанная боль. – Травы эти... они не щадят. Часто после... дар жизни в утробе навсегда отнят бывает. Плодоносить земля твоя больше не сможет. Грех этот – он навсегда. Пятно на душе. И пустота в чреве. Уверена?

– Знаю! – Элисфия резко дернула плащ, закутываясь плотнее, ее тон стал почти грубым от напряжения, но в гла-

зах, зеленых и бездонных, как лесные озера, не было сомнения. – Я знаю цену! Но я должна! Мой путь – не материнское лоно и колыбельная песнь. – Она выпрямилась, и в этой внезапной горделивой осанке, в повороте головы, было что – то от древних королей, приносящих жертву судьбе. – Моя дорога ведет через тернии и сталь, к иному предназначению. И если плата за шаг по ней – тихий очаг и детский смех... – Ее голос, низкий и четкий, как удар меча о щит, заполнил пространство между ними. – ...то я плачу без сожаления. Считайте это не потерей, а обменом. Одну судьбу – на другую. Более... – губы ее тронула тень горького, торжествующего подобия улыбки, – ...интересную. Продайте мне травы. И разойдемся.

Молчание повисло между ними. Женщина смотрела на нее, и в ее взгляде была не злоба, не жажда наживы, а глубокая, бездонная печаль и... жалость. Наконец, она отвернулась, ее пальцы быстро и точно выбрали три небольших мешочка.

– Мята болотная. Ревень дикий. Цветы горной арники. – Она положила их на прилавок. – Три серебряные моменты. И помни каждое слово, что сказала.

Элисфия сунула руку в потайной карман платья, вытащила кошелек. Рука дрожала. Она торопливо отсчитала три момента, протянула их дрожащей рукой торговке, схватив мешочки. Ее пальцы сжали их так, будто это были камни, тянущие ко дну, края врезались в кожу.

– Верю, что ты передумаешь, дитя... – тихие, полные безнадежной надежды слова впились ей в спину, как тонкие иглы. – Пока не поздно... Верю...

Элисфия не оглянулась. Она вжала драгоценные мешочки в ладонь и рванула вперед, в гущу людского потока. Толпа сомкнулась за ее спиной, как грязная вода, поглощая фигуру торговки, но не ее слова. "Пустота в чреве... Пятно на душе... Передумай..." – они звенели в ее ушах, смешиваясь с гомоном рынка, ударами сердца, свистом ветра в узких переулках. Она бежала, не разбирая дороги, толкаемая страхом и стыдом, спотыкаясь о булыжники, втягивая в себя смраднй воздух, от которого першило в горле и подташнивало. Единственной путеводной нитью был причал, Борей, и путь отсюда. Добежать. Уехать. Свершить.

Когда она вырвалась на относительно свободное пространство у воды, ее ноги подкосились. Она прислонилась к мокрому, скользкому столбу, пытаясь перевести дух. Грудь горела, в глазах стояли черные точки. Именно здесь он велел ждать.

Борей ждал. Он стоял чуть поодаль, спиной к городу, лицом к каналу, но его осанка, напряженная, как тетива лука, выдавала нетерпение. Когда она приблизилась, он резко обернулся. Лицо его искажалось странным, лихорадочным возбуждением. Глаза, обычно колючие и настороженные, горели каким – то мутным, опасным огнем, губы были растянуты в подобии улыбки, которая не имела ничего общего с

радостью. Он что – то сделал здесь. Что – то важное для него.

И это наполнило его дикой, сдерживаемой энергией.

Элисфия увидела это возбуждение, этот странный блеск. Вопрос – чем он занимался, кто ему был так нужен в этом гнилом городе – замер на губах. Ей было все равно. Абсолютно. Ее собственный мир сузился до жгучей боли в сжатой ладони, где впивались края мешочков, словно угли, до жжения в груди, до ненавистной тяжести внизу живота и ледяной решимости в сердце. Не до того.

Он что – то сказал – она не разобрала сквозь шум в собственной голове. Потом его голос пробился четче:

– Нашла? – бросил он, уже хватая весло, его взгляд скользнул по ее лицу, не задерживаясь, не видя ее бледности или дрожи. Он видел только результат: она здесь, значит, дело сделано.

– Почти, – выдохнула она, и голос ее звучал плоским, лишенным всяких интонаций, эхом отозвавшись в ее собственной пустоте.

Обратный путь по качающемуся лабиринту лодок был кошмаром. Скользкие борта, шаткие дощечки – мостики, воюющие щели черной воды, грозящие проглотить. Элисфия шла, цепляясь за его рукав, ноги подкашивались от усталости и дрожи. Несколько раз она пошатнулась так, что сердце уходило в пятки, но его сильная рука резко подхватывала ее под локоть, почти таща вперед. Она чувствовала лишь жгучую боль в сжатой ладони, где впивались края мешочков, да

ломоту в больном плече от толчков. Шум рынка, крики лодочников, плеск воды – все слилось в оглушающий гул.

Едва они добрались до их утлой скорлупки, Борей почти втолкнул ее на сиденье, сам прыгнул следом, хватая весла.

Лодка резко дернулась, отчаливая от гнилого причала. Борей греб резко, мощно, лодка прыгала по мелкой волне. Его возбуждение требовало выхода в действии.

– Что – то еще нужно? – спросил он через несколько взмахов, его дыхание стало чаще не от усилия, а от внутреннего огня.

Она медленно повернула к нему голову. Солнце, садящееся прямо за его спиной, бросало кровавые блики на воду, но не могло пробить холод, что стоял в ее глазах. Они были как два осколка темного льда, выловленных из самой глубины мертвого озера.

– Лед, – произнесла она отчетливо, не отводя этого ледяного взгляда. – Много льда.

ИСКУШЕНИЕ

Боль стала его новой кожей, вторым скелетом, сковавшим тело и волю. Раймонд лежал неподвижно, вглядываясь в трещины на потолке из почерневшего от времени дерева. Внутри, в глубине разбитой груди, тлел божественный огонь – дар, не делавший его бессмертным, но дававший жалкий шанс выкарабкаться. Он чувствовал, как тот самый огонь медленно, с упорством кузнеца у наковальни, сплавля-

ет осколки его ребер. Он был разбит, но не сокрушен. Лишь воля, стальная и непреклонная, отделяла его от животного, заставляя плоть затягиваться чуть быстрее, чем у обычного человека. Чуть – но и этого могло не хватить.

Сегодня с него хватило.

Со стоном, в котором ярости было куда больше, чем боли, он откинул грубое шерстяное одеяло, пахнущее потом и лекарственными травами. Босые ноги коснулись ледяного, утоптанного до каменной твердости земляного пола. Головокружение накатило свинцовой волной, заставив мир поплыть. Он впился пальцами в край кровати, костяшки побелели, и переждал, пока в висках не перестало стучать. С трудом выпрямился, шатаясь, и сделал первый шаг, потом второй, держась за спинку кровати.

Каждое движение отзывалось в боку глухим, раскатистым гулом, будто внутри висел треснувший колокол. Он заставил себя пересечь тесную комнату, чувствуя, как дрожь от невыносимого напряжения передается от поясницы к сведенным судорогой икрам. Потом начал упражнения: неуверенные приседания, едва отрывая пятки от пола, опираясь на сундук, чтобы не рухнуть; робкие наклоны, от которых мышцы живота горели огнем, а швы на ранах натягивались, угрожая разорваться. Он дышал ртом, коротко и прерывисто, слыша собственное хриплое посвистывание в такт каждому движению.

Но главной была рука. Правая. Она висела безжизненным,

чужим грузом. Рука, что держала меч и вздымала плуг, рука, что касалась щеки жены. Защита, труд, сама жизнь – все было в ней. Ее исцеление значило больше, чем сросшиеся кости.левой, здоровой, он поднял ее, разминая непослушные, заочневшие пальцы. Сухожилия скрипели, суставы горели. Он согнул руку в локте, и острая, рвущая боль в предплечье заставила его потемнеть в глазах. Холодный пот выступил на лбу. Он попытался сжать кулак. Пальцы, дрожа и предательски подрагивая, медленно сомкнулись. Он повторил. И еще. Преодолевая. Всегда преодолевая.

Скрип отворившейся двери, шелест шагов по твердому земляному полу. В проеме застыла Лаура. Сестра Адеи, которая была полной ее противоположностью. Не высокая и не низкая, она была... округлой. Плавные линии бедер, упругая талия, сильные руки с розовой кожей. Ее волосы, цвета спелой ржи, были заплетены в толстую, блестящую косу, лежавшую на спине как плетеное золото. Над воротом простого домашнего платья виднелась шея, полная и белая. Ее лицо – румяное, с ямочками на щеках, с большими серыми глазами, в которых стоял безмятежный, добрый свет. От нее веяло здоровьем, уютом и тем простым, животным теплом, которого была лишена Адея.

– Виктор? Ты что? – в ее голосе прозвучала тревога, но не испуг. – Тебе еще рано, раны не зажили.

– Движусь, – хрипло бросил он, опуская руку. – Иначе кости срastутся криво, а мышцы откажутся служить.

– Герой, – в ее тоне смешались одобрение и та мягкая, материнская нежность, что так манила его в последние дни. Она приблизилась, и воздух принес с собой легкий, согревающий душу запах свежего хлеба, сушеного чабреца и чего – то молочного, детского. – Но не надрывайся. Давай, сядь.

Он не сопротивлялся, когда ее пальцы, сильные от работы, но удивительно мягкие, принялись разминать его закоченевшие мускулы. Он зажмурился, стиснув зубы. Боль была жгучей, почти невыносимой, но за ней шло облегчение, долгожданное и пьянящее. И вместе с ним – горькая, едкая горечь. Вот так, просто и естественно, должна была бы касаться его Адея. Его жена, его белая лань с волосами цвета лунного света и прозрачной кожей. Но Адея была призраком, тенью, а тепло и забота исходили от ее полной, земной противоположности. От сестры. И в этом был извращенный подвох судьбы, от которого сжималось сердце.

– Адея? – спросил он, не открывая глаз.

Пальцы Лауры на мгновение замерли, и он почувствовал, как в ее прикосновении появилась едва уловимая жесткость.

– Ушла. Снова. Глаза заплаканы, в себя не приходит, – в ее голосе прозвучало легкое, но отчетливое презрение. – Она... она не с нами, Виктор. Все там, в своем горе. Четыре года молила богов о дитя, а когда они, наконец, ниспослали ей сына... не смогла даже уберечь. А сегодня... сегодня в часовне беда случилась. Люди шепчутся, будто ее бес попутал. На людей с подсвечником кидалась, выла, рыдала, всех

из храма повыгоняла и дверь на засов задвинула. Выгнать ее смогла лишь очаговая мать Сасса Берь, жрица Даны. Та самая, что двадцать лет назад мужа потеряла... она одну ее и слушает. – Лаура помолчала, и ее пальцы снова задвигались, но теперь ее движения были более властными, уверенными. – А тебе, Виктор, нужно жить. Сильному мужчине, воину... горевать – не удел.

– Она еще там? – голос Раймонда сорвался.

– А кто ее знает? Будто тень по поместью бродит.

– Мне нужно найти ее... – Раймонд попытался подняться, но твердое, уверенное прикосновение Лауры мягко, но неумолимо усадило его назад.

– Нет, Виктор, не нужно, – ее голос стал твердым, в нем зазвучала житейская, беспощадная мудрость. – Подумай о себе. Твои раны... они ужасны. Тебе бы выжить, сил набраться. А она? Она телом здорова, сильна. Ее рассудок тронулся, и ты его не вернешь, сколько ни бейся. Горе – как чума: кто – то выживает, а кто – то нет. Ты хочешь тащить на себе двоих? Мертвого ребенка, которого не вернуть, и женщину, что вслед за ним на тот свет рвется? Мир не пощадил тебя, не щади и ты его. Она выбрала свою дорогу – в часовню, к теням и плачу. А твоя дорога – здесь. К жизни. К силе. Ты воин, кормилец. Ты должен быть тверд. Иначе вас обоих скрутит одно горе, и вас не станет.

Он молча кивнул. В ее словах была горькая правда. Прошло четыре месяца. Четыре! В мире, где смерть косит при-

горшнями, так долго убиваться по младенцу, которого едва успел узнать, – это роскошь, граничащая с безумием. Он любил Адею, свою стройную, острую, как клинок, жену. Но теперь он видел: она сломана. А он... его вина была лишь в том, что он остался жив. И ее упреки, ее ледяное молчание, ее ночные слезы, от которых он лежал с открытыми глазами, злясь и не понимая, – все это истощало его сильнее, чем любая рана.

А тут Лаура. Ее тепло. Ее простое, понятное, плотское сочувствие, которое за месяцы ухода за ним незаметно переросло в нечто большее, что он видел в ее глазах и чувствовал в каждом прикосновении.

– Но раз уж ты рвешься в бой, нельзя тебе здесь, в четырех стенах, киснуть, – решительно сказала она, заканчивая массаж. – Выйдем. Солнце пригревает, в Лимонных Садах воздух чистейший. Пройдешься, разомнешь ноги.

Он хотел отказаться, но мысль о душевной комнате, пропитанной призрачным присутствием жены, показалась невыносимой.

Прогулка давалась с трудом. Каждый шаг по неровной булыжной мостовой отдавался в ребрах глухим ударом. Он шел, опираясь на локоть Лауры, и чувствовал себя дряхлым стариком. Она же была воплощением жизни – так близко, что ее округлое, мягкое бедро намеренно или нет постоянно касалось его, и каждое такое прикосновение было словно глотком живой воды в пустыне.

Лимонные Сады просыпались после короткой, но влажной зимы. Воздух был густым и тягучим, пах влажной землей, цветущими померанцами и дымком очагов. Свежая листва на деревьях отливала изумрудной зеленью. Повсюду кипела жизнь: слышался стук топоров, смех детей, гонявших по улице тощую собаку, доносились окрики женщин, выбивавших пыль из половиков. С беленых стен домов под черепичными крышами на них косились, шептались, указывали пальцами. Весь этот гулкий, яркий, надоедливый мир жаждал зрелищ. И они с Лаурой были прекрасным представлением: бледный, изможденный калека и цветущая, румяная девица, прижимающаяся к нему с фамильярностью, недопустимой для сестры жены. Отрывки фраз долетали до него:

«...Олдум...»

«...Еле ноги волочет...»

«А это Лаура – то... И что это они вдвоем, а где старшая?..»

Раймонд пытался игнорировать их, но его мир сузился до боли в боку, до уличной пыли и до жгучего, невыносимого присутствия женщины рядом.

Они заглянули в общую конюшню, где стояли лошади семейства Олдум и их соседей. Воздух был густым и теплым, пропахшим навозом, конским потом, кисловатым запахом перебродившей мочи и сладким ароматом свежего сена. В стойле, отделенном от других, беспокойно переступал с ноги на ногу его вороной жеребец, Тайнан. Увидев хозяина, конь

фыркнул, громко брякнул уздой, приветственно тряся гривой.

– Вижу, вижу, брат, – хрипло прошептал Раймонд, подходя ближе.

Он протянул ладонь, и Тайнан тревожно обнюхал его пальцы, уловив чужеродные запахи боли, зелий и крови. Конь беспокоился, чувствуя слабость хозяина. Раймонд провел здоровой левой рукой по его мощной, глянцевитой шее, ощущая под ладонью живую, пульсирующую теплоту. Он наклонился лбом к крупу коня, закрыв глаза, позволяя знакомому запаху на мгновение смыть всю боль и усталость.

– Скучаешь? – его голос был глух. – Я тоже. Скоро, брат. Скоро я снова сяду в седло. Мы умчимся так далеко, что никто нас не достанет.

В дальнем конце конюшни, возле кадки с водой, копошилась рыжая, веснушчатая девчонка лет шестнадцати. Она таскала тяжелые ведра, по плечо заливаясь водой, и украдкой, с подобострастным любопытством, поглядывала на хозяина Тайнана. Раймонд поймал ее взгляд, и девчонка, смутившись, тут же уткнулась в свою работу, принявшись с усердием скрести уже чистое корыто.

Лаура, наблюдая за ним, мягко коснулась его локтя.

– Довольно, Виктор. Не стоит утомлять себя. Тебе нужен свежий воздух, а не эта удушливая атмосфера. Пойдем, – ее голос звучал заботливо, но настойчиво.

Раймонд кивнул, в последний раз похлопав Тайнана по

холке, и позволил вывести себя из конюшни под пристальным, незаметным взглядом рыжей.

Они вышли на улицу, и он с облегчением вдохнул воздух, уже не такой густой, но все еще напоенный ароматами жизни, которую он почти забыл. Лаура уверенно повела его дальше, в сторону роши.

– Сюда, – решительно сказала она, сворачивая на узкую, почти незаметную тропинку, ведущую в чашу старой, дикой роши. – Здесь никто не помешает.

Они вышли на небольшую, скрытую зарослями полянку, где поваленный штормом исполинский ствол служил естественной скамьей. Тишина, нарушаемая лишь жужжанием насекомых, оглушила после шумных улиц.

– Давай присядем, – сказала она. – Ты устал.

Он не спорил, почти рухнув на древесину. Она присела рядом, так близко, что ее упругое бедро плотно прижалось к его, а тяжелая, полная грудь оказалась в паре дюймов от его предплечья. Он чувствовал ее тепло сквозь слои ткани.

– Отец опять завел речь о замужестве, – тихо начала она, глядя куда – то вдаль. – Сватает сына мельника, толстомордого дурака, который только и умеет, что считать зерно. Или старого Тэба, у которого жена три года назад умерла. – Она горько усмехнулась. – Будто я вещь, которую нужно сбить с рук. Здесь, в Садах... все мужчины стали какими – то... мелкими. Боятся, суетятся, прячутся за юбки жен. Ни силы в них, ни огня. – Она повернулась к нему, и в ее больших се-

рых глазах плясали тени и искры. – Я хочу видеть мир, Виктор. Хочу перевалить за Хребет Ящера, увидеть Антарту, ее белые башни... а может, и добраться до Калананта, до столицы. Говорят, королевские гвардейцы там... совсем другие. Сильные. Бесстрашные. На таких можно положиться.

Она говорила, а ее рука легла ему на бедро. Сначала невинно, но потом палец начал водить по грубой шерсти его штанов маленькие, вызывающие круги. Она приблизилась еще, и теперь ее грудь касалась его руки. Он чувствовал ее упругость и тепло.

– А ты... ты из таких, Виктор, – ее шепот был горячим у самого уха. – Ты сильный. Настоящий. Я видела это с первого дня. И мне так тебя жаль... и так... так тебя не хватает.

Он повернул голову. Их взгляды встретились. В ее больших серых глазах не осталось и следа от былой безмятежности. В них стоял дымный, темный, животный огонь. Страсть. Прямой вызов.

– Здесь, у нас... все могло бы быть по – другому, – прошептала она, и ее губы, полные, влажные, прикоснулись к его. Горячие, настойчивые, лишённые нежности. В них был только голод. Только пыл.

И он ответил. Бес его возьми, как он ответил! Год воздержания, тоски, злости и боли вырвался наружу одним яростным, требовательным поцелуем. Его левая рука впиалась в ее толстую золотую косу, притягивая ее так, что кости хрустели. Он слышал ее прерывистое дыхание, чувствовал, как под

его ладонью дрожит ее спина.

– Виктор... – задыхалась она, ее пальцы лихорадочно рвались к застежкам его рубахи. – Дай... Дай мне тебя... Я так хочу...

Он помог ей, его собственная рубаха расстегнулась и сползла с плеч, обнажив бледную кожу, шрамы и перевязанную грудь. Пахло потом, болью и ею – травами и хлебом. Она откинулась, и быстрым, ловким движением ослабила шнуровку своего платья. Ткань разошлась, и ее грудь выплеснулась наружу – упругая, ослепительно белая, с темными, налитыми ягодами сосков. Она прижала его ладонь к этой горячей, шелковистой плоти.

– Видишь? Я живая. Я вся здесь. Для тебя.

Его раненый торс пылал, мускулы на животе напряглись до судорог. Он был мужественен и уязвим, и эта смесь, казалось, сводила ее с ума. Она покрывала его лицо, шею, грудь жадными, влажными поцелуями, кусая и зализывая укусы. Ее руки скользили вниз, к поясу, дрожащими пальцами развязывая ремень, расстегивая штаны. Он закинул голову, стон застрял в горле, когда ее пальцы обхватили его, горячие и влажные от пота. Она вела его, направляла, и он, поддаваясь, уступил, позволив ей оседлать его, сдерживая крик, когда ее тяжелое, влажное тепло обняло его, поглотило, заставив забыть о боли, о ранах, о долге. Он впивался руками в ее полные бедра, в ее тугую, мягкий стан, помогая ей, подчиняясь ее ритму, ее тяжкому, прерывистому дыханию в ухо. Это бы-

ла не нежность, а яростное, животное соединение, похоть, смешанная с болью и гневом, выплеск всего, что копилось месяцами.

И в тот миг, когда разум уже готов был погрузиться в теплый, густой туман желаний, он увидел ее. Адею. Не здесь, а там, в их холодной опочивальне. Ее лицо, исхудавшее от слез. Глаза, пустые и бездонные, как колодцы. Ее горе. Ее абсолютное, всепоглощающее отчаяние. И он... он собирался предать это горе? Предать ее? И с кем? С ее сестрой!

Словно ледяная волна накрыла его с головой. Он резко отстранился, выходя из нее так грубо, что Лаура едва не упала с бревна, ее глаза расширились от шока и обиды.

– Нет, – его голос прозвучал хрипло и чуждо. – Не могу. Я не могу.

Он поднялся, отступая, беспомощно пытаясь застегнуть дрожащими пальцами разорванную застежку на рубашке. Боль в ребрах вернулась, острая и живая, но она была ничто по сравнению с гнетущей тяжестью стыда и разрывающей внутренности пустотой.

Лаура сидела на бревне, с неприкрытой обидой и яростью затягивая шнуровку лифа. Растрепанные волосы скрывали ее лицо, но он видел, как мелко дрожат ее плечи.

– Трус, – прошипела она, и в этом слове был концентрат всей ее отвергнутой страсти. – Ты все так же боишься ее, как и она тебя.

Раймонд не ответил. Он уже повернулся и, шатаясь, почти

бежал по тропинке прочь – от этого места, от этого сладкого, удушливого запаха ее тела, от этого жгучего стыда и невыносимого желания, которое теперь рвало его изнутри на части.

Он не мог. Но, как он хотел.

ПЕРВАЯ КРОВЬ ЩИТА

Влажный, промозглый ветер с южных равнин гулял среди черных, обугленных руин Элимии. Он не свистел, а стонал, забираясь в щиты, брошенные у палаток, и в душу каждого, кто помнил тепло. Ранняя антарктийская весна была обманчива: снег сошел, обнажив грязь и пепелища, но холод, впитанный камнями за долгую зиму, все еще цепко держал землю. Мир здесь состоял из серого неба, черных руин и хлюпающей под ногами грязи.

Ханар Эпперли стоял на краю когда – то великого города, у подножия холма, где теперь располагался его лагерь. Его взгляд, холодный и тяжелый, блуждал по остовам башен, сломанных не им, но временем и забвением. Именно он, Ханар, сорвал с этого места древние чары, эту самую Завесу, что веками скрывала Элимию от мира. Он выкорчевал тайну, питавшую ее, и теперь от тайны остались лишь призраки да пепел.

Его размышления прервало беззвучное появление. Два трайтера – разведчика замерли в нескольких шагах, их железные латы были влажны от мороси, в пустых глазницах – ни искры жизни. Они просто стояли, ожидая.

Ханар не шелохнулся. Он знал, что делать. Не было нужды в прикосновениях. Он просто позволил своему сознанию коснуться их безмолвного присутствия, настроиться на тусклое эхо, что еще теплилось в этих обращенных камнях. Он закрыл глаза на мгновение, отсекая внешний мир.

И тут его сознание накрыло.

Это был не взгляд. Это был поток. Бесцветные, лишённые эмоций обрывки памяти, сохранённые, как отпечатки на камне. Он чувствовал под тяжёлыми ногами хруст гравия на тропе. Видел узкий мост через бурный поток. Видел деревянную башню, уродливо встроенную в старые руины, а на ней – фигуры в потрепанных кожах. Слышал приглушённые звуки: хриплый смех, лай собаки, приглушённый плач. Запах ветра нес дым, горелое мясо и вонь невымытых тел.

И тогда, словно вспышка, в этом потоке мелькнуло нечто чужеродное, личное. Не нынешнее, а старое, из того времени, когда этот камень ещё был плотью.

...Жаркое солнце Виалосламских Степей, палящее в спину. Шум пирушки накануне битвы, хмельной смех. И тут же – другое: лицо девушки, худое, испуганное, вся в крови и пыли...

Связь оборвалась. Ханар резко открыл глаза, сделав шаг назад, будто отшатнувшись от невидимой стены. Он втянул в лёгкие холодный воздух, пытаясь прогнать призрак. Эти обрывки чужой жизни, этой «искры», которую он сам же и погасил, вызывали в нём странное, смутное беспокойство,

почти стыд. Он грубо отогнал это чувство. Слабость.

– Переправу у старых руин контролируют хелфортцы, – его голос прозвучал хрипло, он прочистил горло. – Человек двадцать. Оборудовали заставу. Чувствуют себя хозяевами.

Из – за спины Ханара раздался язвительный, сухой голос. Исиндомид, опираясь на посох, смотрел на него своими мутными глазами.

– Забавная мышь, вставшая на пути льва. Порази их своим «Щитом», Ханар, и покончим с этим фарсом. Наши истинные цели ждут. Авеста и Сфера Богини – Матери не будут ждать вечно, пока ты играешь в благородного защитника.

Ханар медленно повернулся к нему. Его фигура, могучая и широкая в плечах, заслонила тщедушного колдуна. Лысая голова, покрытая старыми шрамами, и густая, темная борода, прорезанная сединой, делали его похожим на свирепого идола. Истинный воин, выкованный в десятках походов.

– Мой путь – мой выбор, старик. Твое слово – не закон. Молчи и жди.

Он перевел взгляд на Ода Куулайса и Укуфу Бхинрот, которая, как всегда, появилась неслышно.

– Мы трое. И пятеро твоих ветеранов, Од. Больше не нужно.

– План? – спросил Од, его каменное лицо не выражало эмоций.

Укуфа, вертя стилет, лениво указала им в сторону руин.

– Они сидят в своей башне, как крысы. Но у них есть лаз.

Расщелина в скале, западнее. Выводит прямоком в их задницу.

– Од, возьмешь людей. Укуфа проведет. Удар с тыла по моему сигналу, – распорядился Ханар.

– А ты? – в голосе Ода прозвучало привычное уважение, но и тень вопроса.

– Я, – Ханар снял с плеча свою верную, испещренную зарубринами секиру, – пойду в лоб. Через мост.

Путь по размокшей дороге занял менее часа. Ханар шел один, его тяжелые сапоги с железными подковами гулко хлопали по грязи. Он сбросил плащ, и его мощная фигура в практичных, но качественных латах из закаленной стали росла в глазах часовых на башне с каждым шагом. Его лысая голова и густая борода, собранная в несколько простых кожаных жгутов, говорили о мужчине, чуждом суетной придворности. Это был воин – завоеватель, чье лицо было картой былых сражений.

Когда до моста оставалось полсотни шагов, раздался окрик:

– Стой! Чей будешь? Дальше – земля хелфортцев!

Ханар не остановился. Он медленно, почти ритуально, провел ладонью по лезвию секиры.

– Я иду, – его голос пророкотал, как далекий обвал. – Уберите это дерьмо с моего пути.

На башне засуетились. Ворота, сделанные из сколоченных бревен, с скрипом распахнулись. Из них вывалилось человек

десять – оборванные, вооруженные кто чем, с глазами, полными наглости и страха. Во главе – детина с обожженным лицом и медным кольцом в носу.

– Один? Один пришел нас вышибать? – он захохотал, и его свора подхватила. – Ребята, гляньте! Самоубийца на славу!

Ханар молча оценил дистанцию. Он видел, как их взгляды цепляются за его доспехи, за секиру, за его невозмутимость. Он был для них воплощением иной, страшной жизни, из которой они когда – то сбежали.

– Я даю вам один шанс, – сказал Ханар, останавливаясь в десяти шагах. – Сложить оружие. Уйти. Или умереть.

Ответом был яростный вопль. Двое кинулись на него с разных сторон.

И тогда Ханар двинулся.

Это не была ярость берсерка. Это была холодная, расчетливая эффективность убийцы. Его секира описала короткий, сокрушительный полукруг. Первый нападающий рухнул, рассеченный от ключицы до пояса, его крик оборвался, не успев начаться. Вторым, замахнувшийся топором, получил древком секиры в горло – хруст хрящей был оглушительно четким. Третий, пытавшийся зайти сбоку, был сметен мощным ударом сапога в колено, и прежде чем он упал, обратная сторона топора обрушилась на его затылок.

Это длилось несколько секунд. У остальных исчезли и смех, и наглость. Их сменил животный ужас.

И в этот самый момент с тыла, из – за башни, раздались крики, звон стали и тяжелые, рубящие удары. Это Од Куулайс и его ветераны вломились в их лагерь.

Паника стала тотальной. Хелфортцы метались между демоном у ворот и мясорубкой у себя за спиной.

Предводитель с обожженным лицом, рыча, бросился на Ханара с длинным ножом. Ханар парировал удар древком секиры, отбросив клинок, и движением, быстрым, как удар змеи, схватил его за горло. Он не стал его душить. Он с силой ударил его головой о косяк ворот. Тот осел без сознания.

Бой затих. Выжившие, человек пять, бросили оружие, пав на колени.

– Сдаемся! Пощады! Мы будем служить! – завопил один, трясясь от страха.

Ханар смотрел на них, тяжело дыша. Пар от его дыхания клубился в холодном воздухе. Он видел их испуганные лица. Он слышал слова Укуфы о вербовке. Он видел логичность этого шага. Но в его груди что – то шевельнулось. Старая, отработанная привычка. Зуд, который нужно было унять.

Он медленно подошел к первому из сдавшихся.

– Встань, – сказал он тихо.

Тот, дрожа, поднялся. В его глазах была надежда.

И тогда секира Ханара описала еще одну дугу. Быстро. Аккуратно. Горло человека распахнулось, хлынула алая струя. Он рухнул, захлебываясь собственной кровью.

Наступила мертвая тишина. Ханар, не меняясь в лице,

прошелся по остальным. Четыре удара. Четыре трупa. Он замер, глядя на окровавленное лезвие. Он и сам не понял, зачем это сделал. Старая собака, новые команды... Сложно. Но он посмотрел на заставу. Она была его. План сработал.

Из – за башни вышел Од, его меч был в крови. Укуфа шла рядом, с довольной ухмылкой.

– Порядок наведен, – коротко доложил Од. Его взгляд скользнул по телам сдавшихся, но он ничего не сказал.

Из – за груды камней начали выходить местные. Жители окрестных хуторов, что ютились рядом с руинами. Они смотрели на резню с ужасом, но и с каким – то мрачным удовлетворением.

К Ханару подошел старик.

– Ты... их... и не с каменными воинами?

– Нет, – Ханар вытер лезвие о плащ одного из мертвецов. – С ними приходит смерть. Со мной – порядок. Расскажи другим.

Он уже поворачивался, когда его окликнули. Трое парней, местных охотников, стояли поодаль. Один, рослый, сделал шаг.

– Господин... Мы хотим служить. Под твоим знаменем.

Ханар внимательно посмотрел на них. Они были тощи, испуганы, но в глазах горел огонь. Огонь, который он только что видел в тех, кого убил. Но эти были другими. Они пришли сами.

– Хорошо, – кивнул он. – Ваша первая задача – помочь

сжечь эту заставу.

Парни закивали с таким рвением, что казалось, их головы отвалятся.

Ханар отвернулся и пошел к краю обрыва, глядя на север, туда, где по данным разведки лежал Ветряной Холм. Он чувствовал тяжесть взглядов: благодарных жителей, первых новобранцев, своих ветеранов. И где – то в глубине, под спудом воли и старых, кровавых привычек, теплилась та самая искра. Искра того, что его путь – путь Щита – был труден, но не безнадежен.

Он повернулся к своим людям, его фигура на фоне догорающей заставы казалась высеченной из гранита.

– Лагерь свернут к полудню. У нас есть точка на карте. Теперь нам нужна высота.

И в его словах уже звучала стальная логика будущего совета в шатре, где будет решаться судьба дальнейшего пути.

ПЕПЕЛ МОЛИТВ

Воздух наполнился ароматом дождя и свежести, и тысячелетняя песнь весны вновь звала к новым надеждам. Легкий порыв ветра заставил Адею Иднис крепче закутаться в старую шаль, пропитанную пылью времени и теплом очага. Но даже родные стены не могли снять свинцовое бремя горя, сжимавшее ее душу. Старый бук на пригорке скрипел, будто старик, тоскующий по ушедшим временам. Лимонные Сады внизу тонули в серой дымке, и даже дым из труб ка-

зался усталым, едва находя силы подняться к небу.

Переведя взгляд на поместье лорда Рерри Хилла, стоящее у самого берега Тигрового моря, Адея в который раз утонула в его суровой красоте. Местные кличут его «уродливым шрамом», но она видела иное – спокойствие вечности и незыблемость старой веры. Адея всегда мечтала очутиться там, прогуляться по двору, украдкой заглянуть в покои лорда и его леди – узнать, чем дышит их мир. Мир, где она могла бы жить иной жизнью – светлой, незамутненной, без лжи, боли и жгучего одиночества. Выйти замуж за местного парня, родить детей, не зная, что за Ящеровым Хребтом в тених плетутся интриги, гибнут люди и висит вечная угроза. Но она встретила Раймонда, для всех – Виктора, и влюбилась без остатка, на свое счастье или погибель. Что она обрела за четыре года их союза? Лишь черные мысли, словно стая голодных воронов, кружили над ней, терзая память и надежду.

Встряхнув головой, Адея наклонилась, чтобы стряхнуть с могильного камня намокшую листву. Пальцы наткнулись на мелкие выщербленные углубления. Проведя по ним фалангами, она тихо прошептала: «Линн Олдум».

– Здравствуй, сестрица, – голос ее задрожал. – Вот и свиделись. Давно не была здесь... Так много обрушилось. Ты теперь с богами... Как бы я хотела к ним! Но каждое мое стремление разбивается вдребезги. Мой ребенок... мой сын... – Фраза прервалась горькими всхлипами, словно брошенный камень в бездну ее печали.

Линн Олдум была вторым ребенком в семье Гордена и Маргариты. Но безжалостная судьба распахнула темные крылья, когда девочка ушла в морскую бездну, едва достигнув трех лет. Сквозь слезы отец с любовью вырезал ее имя на камне, выбрав для последнего покоя вид на родные Сады.

Когда родилась Адея, ей дали второе имя – Линн, в надежде сохранить память. Подрастая, Адея – Линн часто терзала мать вопросами о сестре, не понимая, почему одно лишь имя наполняет глаза Маргариты слезами. Девочка представляла, как могла бы выглядеть Линн, каким мудрым был бы ее муж, как звенели бы голоса их детей. Но мать обрывала ее резким «Перестань!» и уходила, оставляя Адею обиженной и недоумевающей. Теперь же, с трепетом понимания в сердце, Адея осознала всю глубину материнских страданий и ту боль, что терзала ее саму.

– Как же так? – прошептала она, прижимая щеку к ледяному камню, ища несуществующее тепло. – Как они могли забрать тебя? – Шепот превратился в стон. – Как они могли забрать моего сына?

Перед глазами вспыхнул костер. Он горел в ней каждую ночь. Запах гари, хруст углей, ее собственный крик – дикий, нечеловеческий. Руки, пустые, хотя секунду назад в них лежало маленькое тельце.

– Он даже не успел заплакать...

Губы дрожали. Она ударила кулаком по камню – раз, другой, пока боль в костяшках не слилась с адом в груди. Кровь

сочилась из разбитых суставов, смешиваясь с дождевой водой, стекая по граниту. Но эта боль была ничтожной.

– Я держала его... держала...

Пальцы сжались в пустоте, пытаясь обнять неосязаемое. В памяти всплыло крошечное личико – совершенное, хрупкое.

– Прости... прости...

Она прижалась лбом к плите, будто холодный камень мог передать весть той, чье имя было на нем высечено.

– Линн... скажи ему... скажи моему мальчику...

Но слова застряли. Какие слова подобрать для ребенка, не услышавшего даже колыбельной?

Тело содрогнулось – не от холода, а от жгучего воспоминания. Момент, когда Раймонд вырвал его из ее рук. Его глаза – пустые, как беззвездная ночь. Голос, четкий, как приговор:

«Он уже мертв.»

И затем – пламя.

Руки потянулись к животу, к плоской, пустой поверхности. Там, где недавно шевелилась жизнь. Где она разговаривала с ним, пела, представляла его на руках...

– Я должна была защитить тебя...

Слезы текли горячими и горькими, смешиваясь с дождем. Она не вытирала их. Пусть весь мир видит. Пусть боги видят.

– Не терзай свою душу, – голос матери прорезал плач, а теплые, знакомые руки мягко обвили ее плечи. – Смерть ужасна, дитя мое... Но это не конец. Ушедшие – с богами. А

нам, живым... нам нужно снова научиться дышать.

Адея медленно подняла глаза, в которых застыла пустота.

– Как? – прошептала она, и в этом слове звучала вся ее боль. – Как ты смогла... просто жить дальше?

Маргарита вздохнула, ладони ее дрогнули.

– Не было выбора. Джоув требовал заботы, а под сердцем уже шевелился Овид... Жизнь не спрашивает, готово ли твое сердце. Она просто... продолжается.

Слова вонзились в Адею, как раскаленный нож. Она резко вырвалась из объятий, фиолетовые глаза вспыхнули яростью.

– Ты хочешь, чтобы я забыла?! Забыла его пальчики, его лицо?! – Голос сорвался на хрип.

Но взгляд, встретившийся с материнским, погасил гнев. Перед ней стояла не строгая женщина из детства, а такая же израненная душа.

Время пощадило облик Марго – она оставалась прекрасной. Добрые глаза, морщинки – волны. Простое синее платье облегалo стройную фигуру. Лишь волосы посеребрились, но это придавало ей достоинство.

Адея отвернулась к камню, пальцы вцепились в края шали. Холодный ветер играл ее белыми прядями.

– Нет у меня причины жить, матушка, – голос прерывался. – Четыре года молила всех духов, ходила к ведуньям, пила зелья... И когда жизнь затеплилась... Чувствовала каждое движение, говорила с ним... Умоляла мужа уехать, чуя-

ла беду. Но он... был непреклонен.

Она всхлипнула – слез больше не было. Лишь дождь выражал горе. Маргарита протянула дрожащую руку, коснулась дочерней спины:

– Жизнь... продолжается, дитя. Так воля Дхара. – В ее тихом голосе звучали мудрость и боль. – Потери – как стрелы в сердце. Но, может, твое горе – почва для новой жизни?

Адея вздрогнула от прикосновения, как от ожога. Глаза, красные от муки, метнули искру гнева.

– Новая жизнь? – прошипела она, впиваясь ногтями в ладони. – Благодарить богов за то, что вырвали его? За то, что оставили пустоту? – Голос нарастал, сливаясь с ветром. – Я даже имени ему дать не успела! Только костер!

Марго не отстранилась.

– Помнишь, как брели вдоль реки у Черных Скал? – Пальцы матери выписывали в воздухе узоры прошлого. – Ты испугалась звона льдин, прижалась ко мне, а я шептала: «Смотри, вода мягче шелка, но за тысячу зим съедает скалы». – В ее глазах мелькнула тень улыбки. – А весной... в тех трещинах пробивалась кровохлебка. Алая, как рана, упрямая, как память.

Ее шершавая ладонь легла на дочернюю грудь, где сердце билось, как пойманная птица.

– Ты думаешь, Дхар вложил в нас боль просто так? – Маргарита наклонилась так близко, что Адея ощутила ее дыхание – горькое от полыни, сладкое от колыбельных. – Ты – и

трещина в камне, и семя в ней. Пока дышишь – твоя история не дописана.

– Мама... – голос Адеи дрогнул. – А если... я рассыплюсь, как песок? Не останется даже щели?

Марго обвила ее плечи платком, пахнущим очагом.

– Тогда я стану твоей скалой, – прошептала она, прижимая дочь так крепко, что та услышала стук двух сердец. – Буду держать, пока корни не вцепятся в камень. А когда окрепнешь – вместе увидим, как камнеломка пронзит тучи. Небеса... они ближе, чем кажется, когда растешь из темноты.

Молчание повисло густое, как смола. Ветер замер. Первой не выдержала Маргарита.

– Сердце матери... – ее пальцы дрогнули на спине Адеи, – ...помнит каждого. Даже тех, кого забрал Дхар. Но ты жива. А значит, должна помнить и о живых. Виктор...

Адея выпрямилась, выскользнув из объятий. Белые ресницы взметнулись, открывая фиолетовые глаза, полные яда.

– Виктор? – сухой, треснувший смешок. – Забыть того, кто отнес нашего сына в костер?!

– Он твой щит, – голос матери стал тверже. – И обет, данный богам, перевешивает слезы. Виктор молод, красив... а в Садах девки так и норовят затянуть моряков в сети.

Адея натянула шаль на голову, словно саван. Колючая шерсть впилась в кожу, но она чувствовала только леденящий холод.

– Говорите прямее. Я устала от притч.

Марго вздохнула. За холмом завыл ветер.

– Три луны назад, когда вы вернулись, раненые... – она заметила, как дочь съежилась, – ...ты заперлась в склепе с куклой. О нем заботилась Лаура. Перевязывала, поила. А теперь... – Мать приблизилась, ее тень накрыла Адею. – ...ходят слухи, что она проводила с ним ночи. Твой муж – не камень, чтобы ждать вечно.

Адея замерла. В ушах звенело. Лаура... сестра, чьи руки пахли медом, а не пеплом. Которая смеялась, когда Адея впервые привела Виктора.

– Вы предлагаете родить нового, – прошипела она, – чтобы заменить того, кого он убил?

Маргарита схватила ее за плечи, встряхнув с неожиданной силой:

– Чтобы спасти твой брак! Или хочешь, чтобы Лауру выгнали, как блудницу, а Виктор уплыл с первой шлюпкой?

Адея вырвалась, споткнувшись о корни бука. В глазах матери она увидела не боль, а страх – страх перед позором.

– Он не моряк, – выдохнула Адея. – Он...

– Он твой муж! – перебила мать. – Если не хочешь потерять все – иди к нему сегодня. И пусть Дхар простит нас за эту ложь.

Слова вонзились, как лезвие. Земля уходила из – под ног. Пламя костра вновь вспыхнуло в памяти, обжигая веки. Руки сжались на животе.

– Не могу, – голос сорвался в шепот. – Вы все... слепцы!

Райм... – Запретное имя обожгло язык. Она стиснула зубы. – Виктору все равно! Он бессердечно забрал его. А теперь... – Адея содрогнулась при мысли о его руках – грубых, пропахших дымом и смертью. – Как я лягу с ним? Чтобы родить еще одну жертву?

– Мужчины – не мы, – в голосе Маргариты зазвенел надтреснутый металл. – Их души – весла: рубят волны, не чувствуя боли. Виктор... – она попыталась поймать взгляд дочери, но Адея смотрела на горизонт, где море сливалось с тучами. – ...он носит в себе бурю. Соль съела мягкость, но ты... – Ладонь дрогнула, касаясь щеки. – Ты дала обет. И даже если его душа – смола, а слова – ножи, ты должна...

– Должна? – Адея рванулась назад, шаль соскользнула, упав на плиту. – Он не моряк, матушка. Он... – Губы задрожали. Порыв ветра донес запах гари – тот самый, что витал над их домом в Суле, когда Раймонд – Виктор сжег преследователей. Вспышка: тела в пламени, его пустые глаза – угольные ямы.

Маргарита не могла понять. Как объяснить, что ее муж – последний из авест, чьи пальцы рождают огонь, пожирающий молитвы? Адее хотелось излить душу, смыть слезы в материнском тепле, но страх сковывал. Она видела, что сделал Раймонд с теми, кто пришел в Сулу, как пламя поглотило их дом. Она знала: не станет матерью, пока он не сбросит бремя огня, не вернет его богине – прародительнице. Слова прижимались к губам, но оставались запертыми, как в гроб-

нице. Вместо них она лишь прижала щеку к ладони матери, закрыла глаза, представляя себя маленькой, защищенной.

– Что же мне делать? – выдохнула она, не ожидая ответа.

И тогда, словно в ответ на отчаяние, перед глазами всплыла Беккай. Маленькая ведьма с корзинкой трав и глазами цвета утреннего тумана. Та, что принимала роды, приложив к животу Адеи рунический камень. «В час, когда будешь одинока... – эхом отозвался в памяти ее голос. – Кинь эти камни себе под ноги, и я найду тебя».

– Будь ласковой с мужем, – настойчиво повторила мать, глядя дочь по волосам. – Покорной. Боги...

– Мне нужно идти! – Адея перебила, рванувшись к дому, словно от преследующих теней.

«Ведунья... Беккай... Ее сила... темная. Чужая. Но... она помогла при родах тогда. А светлые боги... они не услышали. Не спасли. Может... может другие Силы?..» – Мысль пронеслась, обжигая и пугая. «Нет! Это кощунство! Сама мысль – грех! Матьер Дана видит мои помыслы! Она отнимет последнее... или покарает!»

Паника сжала горло. Она должна была изгнать эту мысль. Изгнать искушение. Закопать его. Сжечь мосты к тьме. Искупить свою слабость.

Единственной мыслью был мешочек Беккай. Адея спотыкалась о скользкие камни. Выбежав на улицу, она ворвалась в родительский дом. Бросилась в спальню. Руки дрожали, перебирая грудку тряпок в углу.

«Где? Неужели обронила?»

Опустившись на постель, Адея вцепилась в волосы.

«Не смогла уберечь...»

— Ты думала, молитвы вернут мертвых? — зашептал чуждый, хриплый голос в ее сознании. — Дхар смеется над твоей дерзостью! Заткнись! — Кулаки вдавились в глаза. Под веками заплясали кровавые блики. Призраки явились без зова: тень ребенка на стене изогнулась неестественно, шепот в треске свечи слился в слово: «Мама...» Голосок звенел, как разбитое стекло.

Плащ! Мысль пронзила туман. Она метнулась к вешалке. Рука полезла в карман. Пальцы наткнулись на нечто мягкое. Мешочек цвета красного дерева. Она вытянула его. Под тканью чувствовались мелкие твердые зерна. Поднесла к догоравшей свече — мешочек выскользнул, упал на пол.

— Матерь Дана, прости... — прошептала она, холодный пот стекал по спине. Тени от полок дрогнули. Свеча погасла. Половицы скрипнули.

«Беккай... ведунья. Ее силы — из мира теней. Не навлеку ли я на себя гнев богов? Не усугублю ли падение?»

Она сжала виски. Картины прошлого нахлынули: погребальный костер, пустые руки.

«Молитвы к светлым ликам остались безответны. Ведуньи не помогли. Что оставалось? Вечное горе? Или... шаг в неизвестность?»

Страх перед проклятием боролся с отчаянием.

«Если Матерь Дана отвернулась... то какая разница? Что может быть хуже?»

Решение созрело. Это было искуплением. Актом покаяния за самую мысль о темной помощи. Судорожно схватив мешочек, Адея вышла из дома.

Она почти плыла сквозь сырой воздух. Ноги цеплялись за корни. Ручей струился едва слышно. Адея опустилась на колени, стала рыть яму пальцами. Земля под ногтями была неестественно мягкой. Когда мешочек скрылся под комьями глины, из кустов донесся резкий хруст. Она замерла. В ответ – лишь протяжный, жалобный стон в ветвях.

«Ветер... только ветер...»

Она поднялась, вытирая ладони о платье. Уже сделав шаг прочь, заметила: земля над ямой... слегка шевелилась.

«Крот... Или корни...»

Но за спиной отчетливо раздался шорох. Она обернулась. На замшелом камне сидела ворона. Большая, глянцево – черная. Смотрела. Не мигая. Желтый глаз светился изнутри мраком.

– Прочь! – хрипло крикнула Адея, швыряя комок глины. Ворона лениво взмахнула крыльями, описала круг и направилась к ее дому. Холодный ужас сдавил горло.

Вернувшись в комнату, Адея застыла. На подушке ее кровати, аккуратно, почти церемонно, лежал мешочек цвета красного дерева. Сухой. Чистый. Без единого пятнышка грязи. Он лежал там, как обвинение. Как приговор. Немой ответ

богов на ее покаяние:

«Твои молитвы – пепел. Твой путь предречен.»

В ушах прозвучал шепот Беккай:

"В час, когда будешь одинока... Кинь эти камни себе под ноги, и я найду тебя".

Теперь он звучал не обещанием, а приговором.

УСЛУГА ЗА УСЛУГУ

Терон Ламонт стоял в тени массивной колонны у входа в королевские покои, стараясь дышать тише. Воздух здесь пах дорогим воском, старым деревом и едва уловимым, но въедливым ароматом королевского несварения – смесью слабого желудка, пряных вин и стресса. Аудиенция у Якоба Артбелла подходила к концу. Сквозь приоткрытую дверь доносились обрывки фраз – низкий, усталый голос короля, размеренные ответы сенешаля Эрхарда Морнгарста и сухое, точное бормотание теневого советника Сильвана Кроу.

Наконец, дубовые створки с глухим стуком распахнулись, и из покоев вышли двое: Морнгарст, прямой как клинок, и Кроу, чья худая фигура казалась тенью первого. Их взгляды скользнули по Терону с привычным холодным безразличием. Он был для них не более чем мебелью, деталью интерьера, и то – не самой чистой.

– Горшечник, – раздался из покоев хриплый, раздраженный голос. Терон вздрогнул и, сгорбившись, зашел внутрь.

Король Якоб полулежал в своем кресле у камина. Его тучное тело было обтянуто стягивающим камзолом, лицо, крас-

ное от напряжения и, возможно, вчерашнего ужина, было влажным от испарины. Он с отвращением смотрел на поднос с едой, который держал паж.

– Убери эту дрянь, – буркнул он, отодвигая поднос. Паж засуетился. Король перевел тяжелый взгляд на Терона. – Ты. Мне от тебя не нужно ничего, кроме твоей работы. Ступай к Залу Советов и жди. Там, в коридоре для слуг. Чтоб духу твоего здесь не было, пока я не позову. Я буду совещаться с лордом Ходжем. Понял?

– Так точно, Ваше Величество, – Терон склонил голову в почтительном поклоне, стараясь, чтобы его голос звучал покорно и не дрожал.

– И чтобы горшок был идеально чист. И чтобы тебя не было видно и не было слышно. Как мышь. – Король снова скривился и невольно прижал ладонь к животу. – Иди.

Терон быстро ретировался, чувствуя на спине тяжелый, недовольный взгляд. Он знал, что у короля опять проблемы, и это означало, что его услуги понадобятся скоро. Очень скоро. Он пустился бежать по длинным, прохладным коридорам Акраганта, его мягкие башмаки почти бесшумно шлепали по каменным плитам. Мысль о том, что он может опоздать, заставляла кровь стучать в висках.

Путь к Залу Советов лежал через лабиринт служебных переходов. И именно там, в узком, полутемном проходе между кладовыми для старого тряпья, он чуть не столкнулся с Лорой Грейс.

– Терон! – она отпрянула, прижав к груди связку ключей, звякнувших тревожно. Ее глаза, обычно насмешливые и оценивающие, сузились. – Куда несешься, как угорелый?

– К Залу Советов, госпожа Грейс, – отдышавшись, ответил он. – По приказу короля.

Лора окинула его критическим взглядом с ног до головы. Ее взгляд задержался на его холщовой рубашке и штанах.

– И в чем? – фыркнула она. – В этой грязи? Ты посмеешь появиться в коридоре, где будут дежурить слуги лорда Ходжа? Ты опозоришь и себя, и королевский двор. На тебе пятно.

Терон машинально посмотрел на себя. Рубашка была чистой, чуть помятой после дня работы, но не более того.

– Оно чистое, госпожа, я...

– Не спорь! – отрезала она, ее голос приобрел властные, хозяйственные нотки. – Я лучше знаю. Я вижу каждую пылинку. Пойдем со мной. Быстро. Сейчас же переоденешься.

– Но король... он сказал ждать... – попытался возразить Терон, чувствуя, как тревога сжимает ему горло.

– Якоб будет совещаться с Ходжем еще час, не меньше, – уверенно парировала Лора, хватая его за локоть. Ее хватка была твердой, не допускающей возражений. – Успеешь. Я следила за расписанием. Иди!

Она потащила его за собой по узкой винтовой лестнице, ведущей в ее личные владения. Терон почти не сопротивлялся. Отказывать Лоре Грейс было чревато. Она знала все

и всех. Ее слово для прислуги было законом. И она уже оказала ему одну «услугу» – эту самую комнатку. Отказ сейчас мог бы все испортить.

Ее комнатка была такой, как он помнил: крошечное пространство под скатом крыши, заставленное сундуками и полками с тщательно рассортированным тряпьем, лоскутами, воском для печатей и связками ключей всех размеров. Воздух был густым и сладким от запаха сушеной лаванды. В углу тлела небольшая, но жарко натопленная печурка.

– Снимай, – приказала Лора, повернувшись к сундуку. – Вон там, на стуле, чистая рубаха.

Терон, покорный, стал стаскивать с себя одежду. Он чувствовал ее взгляд на своей спине, тяжелый и оценивающий. Стыд и нетерпение грызли его изнутри. Каждая секунда была на счету.

– Госпожа Грейс, я действительно спешу, – снова попробовал он возразить, уже почти раздетый.

– Молчи, – она обернулась. В ее руках была не рубаха, а кусок чистой, влажной ткани. – Ты вспотел. Протру спину. Чтобы на свежую одежду влаги не набрать.

Она подошла к нему вплотную. Ее движения, якобы предназначенные для того, чтобы вытереть его, были медленными, почти ласковыми. Теплая ткань скользнула по его лопаткам, затем по шее. Ее дыхание стало чуть глубже. Терон замер, понимая, куда все идет. Он чувствовал, как ее грудь касается его обнаженной спины.

– Лора... пожалуйста... король... – его протест прозвучал слабо и неубедительно.

– Я сказала – молчи, – ее голос стал тише, гуще. Она отбросила тряпку. Ее руки, сильные и умелые, легли ему на плечи, развернули его к себе. – У нас время. Он сейчас пунцовый от злости, как индюк. Его живот урчит громче советников. Успеешь.

Ее пальцы коснулись его лица, затем медленно поползли вниз по груди, к животу. В ее глазах читалась не просто похоть, а властное обладание, желание подчинять и контролировать. Он был ее трофеем, ее маленькой тайной, и сейчас она собиралась взять с него плату.

Терон хотел оттолкнуть ее, вырваться. Но перед глазами встал образ разъяренного короля, холодный взгляд сенешаля. Лора могла помочь. Или навредить. Ее сети сплетались из сплетен, мелких услуг и такой вот «заботы». Отказываться ей было опасно. Он проглотил комок в горле и не отстранился. Он позволил ее губам найти его губы. Поцелуй был влажным, требовательным, с привкусом лаванды и чего – то более земного, зрелого.

Она повела его к узкой кровати, застеленной грубым, но чистым одеялом. Процесс был быстрым, лишенным романтики, продиктованным скорее практической похотью с ее стороны и вынужденной покорностью с его. Она скинула свое платье с опытной легкостью. Терон, подчиняясь, ощущал себя одновременно и объектом, и участником чего – то

неотвратимого.

Он старался не думать. Думать было страшно и стыдно. Он сосредоточился на ощущениях – грубости одеяла под спиной, жарком прикосновении ее рук и губ. Она руководила процессом, ее движения были уверенными, почти деловитыми, но с нарастающей страстью. Для нее это было обладанием, подтверждением власти. Для него – ценой за иллюзию безопасности и покровительства. Он стиснул зубы, стараясь отвечать, как умел. Его тело реагировало, но в душе была пустота и леденящий страх от осознания траты времени.

Она застонала глухо, уткнувшись лицом ему в шею, ее ногти впились ему в плечи. Он закрыл глаза, видя не ее, а багровое лицо короля. Финал был резким. Она обмякла на нем, тяжело дыша.

Тишину комнаты нарушало только потрескивание дров в печи. Лора лежала, не двигаясь, удовлетворенно – усталая. Терон же чувствовал, как каждая секунда давит на него гирькой.

– Я... мне надо... – он попытался осторожно сдвинуть ее.

Она открыла глаза, взгляд был мутным, потом прояснился. Удовлетворение сменилось привычной расчетливостью.

– Да, беги, мальчик – горшок, – сказала она с легкой усмешкой, откатываясь от него. Она указала на стул, где лежала свежая рубаха. – Одевайся. И смотри... – ее голос стал тише, но обрел сталь, – ...чтобы пятен не было.

Терон одевался с лихорадочной скоростью, пальцы пута-

лись в завязках. Он кивнул, не глядя на нее, и, не прощаясь, выскочил из каморки.

Он пустился бежать по коридорам, как ошпаренный. Тело горело – и от прикосновений, и от стыда, но больше – от панической спешки. В ушах стучало: «Зал Советов. Король. Горшок. Опоздание».

Он добежал до длинного коридора, ведущего к Залу Советов. Здесь, в нишах, уже стояли несколько слуг из свиты лорда Ходжа – рослые, суровые мужчины в ливреях с якорями. Они с презрительным любопытством окинули взглядом запыхавшегося, взъерошенного юнца.

Терон прислонился к холодной стене в отведенном для королевских слуг уголке, стараясь выровнять дыхание. Он знал, что опаздывает. Он знал, что должен был быть здесь раньше. Его сердце бешено колотилось.

И тут из – за массивных дверей Зала Советов донесся знакомый, грозный и недовольный рык, за которым последовало громкое, недвусмысленное урчание, которое было слышно даже сквозь дубовые створки. Потом – приглушенный, но яростный возглас: «Горшечник! Где, черт побери, этот мальчишка?!»

Стражи у дверей переглянулись. Один из слуг Ходжа усмехнулся.

Кровь отхлынула от лица Терона. Он опоздал. Королевский желудок подал знак, а его, Терона, «мальчика – горшка», на своем посту не было. И теперь об этом знали не толь-

ко королевские слуги.

Двери распахнулись, и на пороге показался багровый от ярости и недомогания король Якоб, сжимающий живот рукой.

– ЛАМОНТ! – проревел он, и его взгляд, полный бешенства, упал на Терона. – ГДЕ ТЫ ШЛЯЛСЯ, ТЫ ПАКЛЯ ВО-НЮЧАЯ?!

СВОБОДА, ВЫКОВАННАЯ ВО ЛЬДУ

Скрип половиц, словно старинная колыбельная, но с трещиной отчаяния, сопровождал каждый ее шаг. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь запыленные стекла, золотили пыль в воздухе, смешивая ее с ароматом болотной мяты – резким, пронзительно – холодным, с гнилостной горчинкой трясины, словно незримые щупальца болота просочились сквозь щели и оплели комнату. Элисфия опустилась на пол, подогнув под себя ноги в грубом бардовом платье, которое, как броня, защищало ее хрупкость. Ткань, шершавая от льняных волокон, шелестела при движении, словно предостерегая шепотом.

Пестик в ее руках замер на мгновение, будто колеблясь перед приговором над ступкой из мореного дуба, пропитанного смолами темных лесов, где даже солнце боится светить, а затем начал свой пагубный танец. Не спеша, ритмично, как отсчет последних мгновений. Листья болотной мяты крошились беззвучно, испуская свой ледяной, отупляющий дух – дух оцепенения и лживого покоя, что должен был усыпить

жизнь прежде, чем ее вырвут. Аромат, сначала едва уловимый, как дыхание болота, постепенно набирал силу – обволакивал комнату, цеплялся за пряди ее каштановых волос, запутывался в складках платья, смешиваясь с запахом сушеного спорыша. Казалось, даже стены проступали инеем от этого холода.

Элисфия закрыла глаза, позволяя пальцам запомнить вес пестика, шероховатость чаши, холод дерева, не знавшего солнца. Но вдруг – толчок. Резкий, рвущий, словно крюк изнутри впился в плоть и замер. Рука дернулась к животу, будто сама хотела задушить этот вздувшийся бугор под тканью. Пальцы впились в плоть, не гладили, а сдавили, глуша стук маленького сердца, которое билось наперекор всему.

«Опять» – губы исказились в гримасе боли и ненависти.

Тошнота, которую она неделями глушила горькими отварами, подкатила к горлу, смешиваясь с удушающей мятной стужей. Аромат, еще мгновение назад казавшийся лекарственным, теперь обжигал ноздри, как яд? Ты вдыхаешь это. И он тоже.

Она резко встряхнула головой, сбрасывая каштановые пряди со лба, и снова ударила пестиком. Сильнее. Точнее. Дробя холодные листья в ядовитую пыль, она представляла, как крошится сама жизнь – та, что связывала ее с тем, что билось под сердцем. Один удар – дни, украденные у судьбы. Второй – ночи, отравленные страхом и стыдом.

«Скоро, – шептала она про себя, пересыпая зеленовато –

серый порошок в колбу. – Скоро все будет кончено».

Рядом, словно верные пособники, выстроились другие сосуды – с диким ревенем, его корни, изогнутые, как скрюченные пальцы, арникой горной, ярко – желтые, как предупреждение цветы и сушеными лепестками кровохлебки.

Взяв пучок спорыша, Элисфия провела пальцами по его узловатым стеблям, ощутив под кожей не память о лугах, а жесткость, готовую сломаться. Стебли ломались с сухим, беспощадным хрустом, освобождая терпкий, безнадежный запах, и теперь пестик задвигался иначе – неуверенно, с дрожью, будто само орудие ужасалось своей миссии.

За окном запел дрозд, и его трель врезалась в ритм работы. Скрип половиц, шорох смертоносных трав, глухой стук пестика – все слилось в заклинание, мрачное и необратимое. Заклинание тех, кто убивает будущее в зародыше.

Юдора замерла на пороге, держа глиняный кувшин с кипятком так, будто это был не сосуд, а окованный железом груз. Пар поднимался к потолку, растворяясь в полосах пыльного света, но в комнате от этого не стало теплее.

Ее взгляд, обычно острый, как топор, скользнул по злоеющим сосудам, по напряженной спине Элисфии, по руке, судорожно сжимавшей пестик.

– Настоянная на корневищах ириса вода, – голос ее дрогнул, будто споткнулся о невидимый камень. – Для... очищения. Для смеси. – Она сделала шаг вперед, поставила кувшин на край стола с глухим стуком. Заметила, как Элисфия

вздрыгнула от толчка внутри, как ее пальцы побелели, впиваясь в живот. И что – то в этом жесте – отчаянный, защитный, знакомый до боли – сорвало плотину в ее собственной душе. – Знаешь... – начала она неожиданно тихо, голос потерял привычную жесткость, стал каким – то... изношенным. – У меня... были сыновья. Двое. Саэль... старшему было девять. Лиор – пять. – Глаза Юдоры, уставшие и глубокие, как трещины в скале, уставились куда – то в прошлое, сквозь стены дома. – Лорд Чаридон Скоридж... с Ветряного Холма. Мой муж, Тальяр... он был... смел до глупости. Ограбил корабль лорда, да не просто ограбил – пустил ко дну, со всем добром и людьми. – Голос ее стал ровнее, но в нем зазвенела старая, не стихающая боль. – Скоридж не стал его вешать сразу. Он... изобретателен в жестокости. Казнил Тальяра у меня на глазах. А мальчиков... – Она резко сглотнула, челюсть напряглась. – Забрал. Забрал у матери. Живут теперь в его проклятом поместье, под взглядом стражников, чьи глаза холоднее зимнего камня. Попытку украсть их назад... я нашла тело моего брата в канаве у дороги с клеймом вора на лбу. Скоридж дал понять: следующая попытка – и мальчиков отправят ко мне по частям. – Юдора посмотрела прямо на Элисфию, и в этом взгляде была не просьба, а страшная, обжигающая правда. – Борей... он знал. Он пришел сюда не только за тобой. У нас уговор. Он вызволит моих мальчишек... а я... я помогу ему спасти тебя. Вот такая цена моего «крова», девочка.

Она ждала. Ждала шока, сострадания, может, даже тени сомнения в этих решительных глазах. Но...

Элисфия кивнула, механически. Глаза ее скользнули по лицу Юдоры, но не задержались. Пальцы на мгновение сжали пестик чуть сильнее, суставы побелели – щемящая нота чужих сыновей, задетая на лету, тут же утонула в собственной бездне. Слова о чужих сыновьях пролетели мимо, как крики чаек над утопающим – далекие, бессмысленные. Пестик в ее руке опускался с мертвой точностью, превращая спорыш в горькую пыль. Каждый удар отдавался в висках, как эхо шагов Фотсменов, все еще преследующих ее в кошмарах. Рассказ Юдоры пролетел мимо, как ветер за окном. Ее собственная бездна была глубже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.